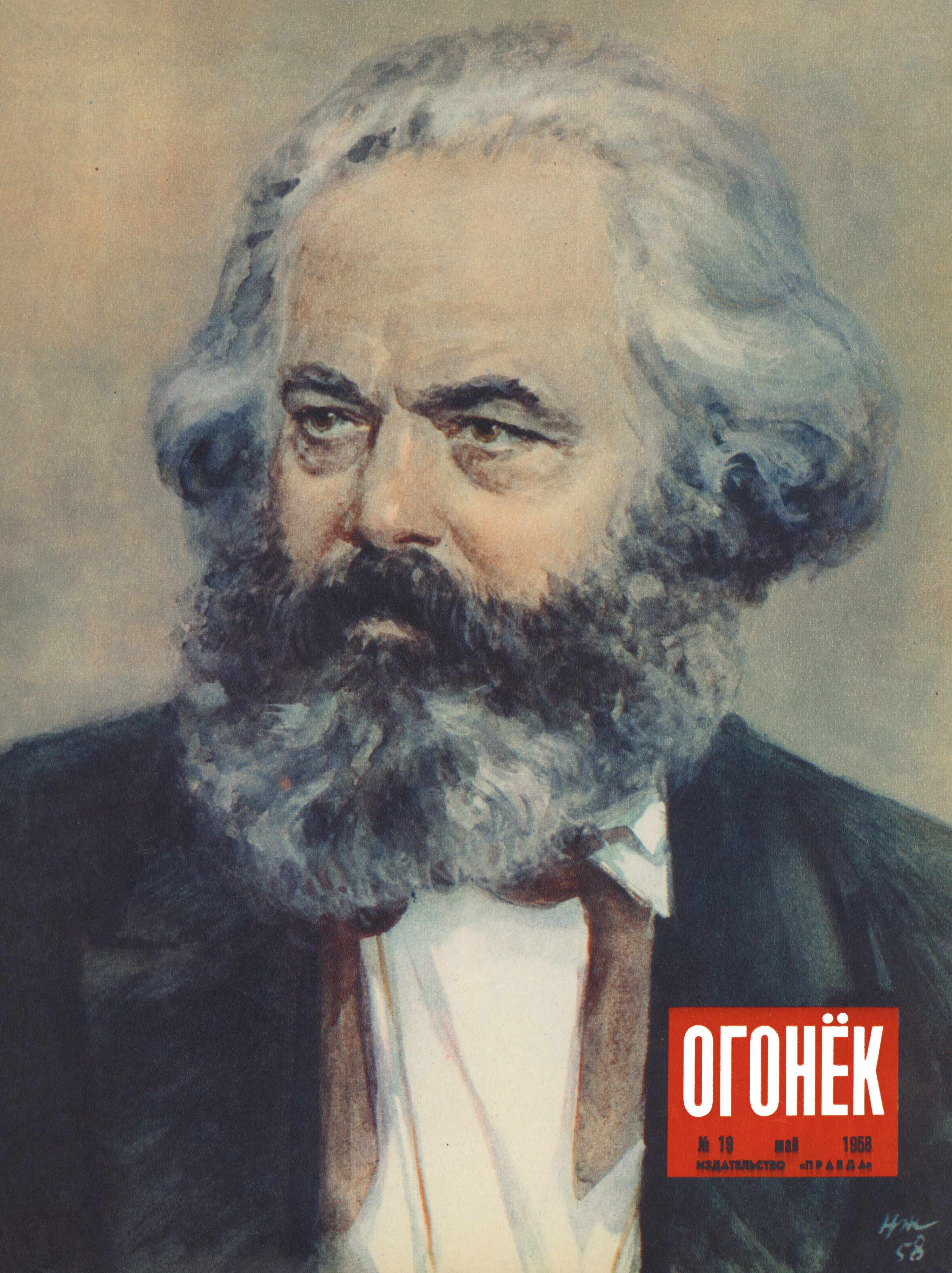

ОГОНЁК
№ 19 май 1958
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Скульптура Г. Л. Петрашевич. ДИТЯ МОЕ. Всесоюзная художественная выставка, посвященная 40-летию Октября.

На первой странице обложки: КАРЛ МАРКС.
Портрет работы Н. Н. Жукова.

На последней странице обложки:
ВЕСЕННИЙ РАЗЛИВ. Фото И. Тункеля.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 19 (1612)

4 МАЯ 1958

36-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Москва, Красная площадь, 1 мая 1958 года.

На трибуне Мавзолея.

МОСКВА, КРАСНАЯ

Москвичи, участники первомайской демонстрации, горячо приветствуют руководителей Коммунистической партии и Советского правительства. Они приветствуют дорогих гостей: Президента Объединенной Арабской Республики Гамаль Абдель Насера и

На трибунах — зарубежные гости: из Китая,

Парад войск на Красной площади.

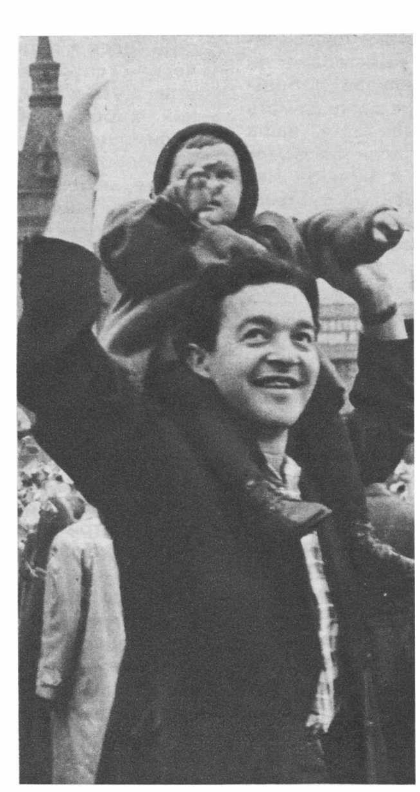
←

ПЛОЩАДЬ, 1 МАЯ 1958 ГОДА

сопровождающих его государственных деятелей, делегацию Великого Народного Хурала Монгольской Народной Республики во главе с Председателем Великого Народного Хурала Ч. Сурэнжавом.

Фото Дм. Бальтерманца, А. Бочинина, А. Гостева, Б. Кузьмина, М. Савина, В. Тарасевича.

из Бирмы.

На добрую память о Москве!

→ Идут колонны физкультурников.

Весна Чехословакии

Павел БОЯР,
главный редактор журнала «Кветы»

В этом году у нас весна буквально с бою брала у зимы каждую пядь земли. Нежданные апрельские снегопады покрыли снегом поля даже в тех районах Чехословацкой Республики, где обычно к этому времени поднимаются густые всходы, в которых впору спрятаться старой зайчихе, а майский ветерок уже гонит первую зеленую волну — предвестник будущего урожая. Природа в этом году медлит, и это тем заметнее, что все мы, трудящиеся Чехословакии, стараемся не задерживаться в пути, идти быстрее вперед, чтобы жить лучше и богаче.

Да, мы уже не те, что полтора десятка лет назад, когда весна тоже опаздывала и страна была скована льдом гитлеровской оккупации. Даже не те, что были весной 1945 года, когда сделали первый шаг к солнцу и твердо решили, что отныне будем дышать полной грудью. Можно было бы об этом даже не писать: нашему народу ясно, что тот год обозначил весну нашей национальной жизни, возрождение нашей независимости, начало подлинной власти народа. С этой мыслью встречаем мы каждый грядущий день, с нею становимся к станкам, усаживаемся за рабочие столы, с нею наши дети садятся за школьную парту.

Тринадцать лет назад мужественные сыны советского народа нанесли последний удар гитлеризму, пролили свою кровь, а многие и отдали жизнь за нашу сегодняшнюю весну. Со многими из освободителей нам доводилось после встречаться вновь во взволнованном, полном новых надежд потоке событий. И где бы эти встречи ни происходили — будь то встречи инженеров, рабочих, крестьян, учителей, туристов или спортсменов, — мы всегда с волнением вместе вспоминаем о первой встрече в 1945 году.

На днях я нашел у себя в столе фотографию из редакционного архива: жители Праги приветствуют советских танкистов. Я гляжу на эту фотографию, и чувство у меня такое же свежее, как в те дни. Вы завоевывали тогда свободу и мир для нашего народа, для всех народов, и мы встречали вас хлебом-солью. Примите же и теперь нашу любовь!

Мы живем в 1958 году. Трудно представить, что было бы с нашим народом и существовал ли бы он вообще в случае победы фашизма. Не хочется даже думать о том, какой могла стать наша жизнь в 1958 году, если бы в моих родных местах, в Южной Чехии, и во всей нашей республике у власти стояли фабриканты и аристократы, как это было перед Мюнхеном. Давайте лучше поговорим о том, что есть, и о том, что будет, ибо мы живем в демократической Чехословакии, освобожденной тринадцать лет тому назад с помощью героической Советской Армии.

Советскому читателю Чехословакия близка и известна. Ваши журналисты и писатели пишут о ней часто, с теплотой и дружеским восхищением. Они отмечают наш высокий жизненный уровень, трудолюбие и талантливость нашего народа. Да, наш народ действительно обладает этими качествами. Но сегодня это уже нечто большее: это прямой результат нового общественного строя, исторический итог 1945 года.

В Южной Чехии, в Будейовицкой области, вы и днем с огнем не нашли бы сейчас крестьянина-бедняка, хотя во времена буржуазной республики сотни хозяйств стояли там на грани разорения. В Индрижихоградецком районе, где побывали недавно делегации советских колхозников, и раньше попадались богатые деревни, как, например, Ярошов или Родвинов. Но таких богатых, как теперь, не было никогда! Сильно поднялся жизненный уровень крестьян этих мест. У многих теперь телевизоры, газовые плиты в домах, мотоциклы, автомобили — это уже устоявшийся быт. Крестьяне создают свой театр, ансамбль песни и пляски. Тринадцать лет назад здесь простирались латифундии магнатов Шварценбергов. Сотни единых сельскохозяйственных кооперативов сменили теперь шварценберговские поместья, и доходы от коллективного труда позволяют культурно жить тысячам семей. Теперь местные крестьяне могут посетить замок Шварценбергов «Глубокая», посмотреть там картинную галерею имени Миколаша Алеша, созданную государством. Посещают они и замок «Орлик», где теперь музей оружия, а по дороге останавливаются на стройке Орлицкой плотины, одной из самых больших на реке Влтаве.

Нет, раньше не было такой культурной жизни чешской деревни, хотя чешский земледелец всегда стремился к передовым агрономическим способам ведения хозяйства. Суть в том, что наш крестьянин хорошо обдумал и осознал преимущества социалистического и кооперативного производства на земле, и это стало для него своим, кровным делом. Если у нас, в Чехословакии, около 70 процентов земли принадлежит кооперативам и является социалистической собственностью, то это говорит о большой работе Коммунистической партии Чехословакии — авангарда и учителя, ведущего народ к социализму.

А словацкая деревня! Та деревня, где раньше люди и скот жили под одной крышей. Сегодня уже никто не удивляется тому, что везде новые крыши, в домах яркий электрический свет, что словацкие женщины носят силоновые чулки.

За все эти перемены наш народ должен быть благодарен чехословацкой промышленности, особенно тяжелой. Это понимают все наши трудящиеся. Шахтеры, металлурги, машиностроители живут все лучше. И чем быстрее наши строители будут строить новые заводы и жилые дома, тем лучше будет жить весь наш народ.

Нашим советским друзьям не нужно говорить, что на своем восходящем пути чехословацкий трудолюбивый народ встречает не только розы. Каждое достижение завоевывается трудом, напряжением ума и воли, иногда сознательным временным самоограничением. Река жизни время от времени преодолевает пороги. В последнее время наш народ был занят реорганизацией управления промышленностью. Цель этой реорганизации — еще выше поднять нашу экономику. Во второй половине прошлого года происходило всенародное обсуждение этой проблемы. Трудящиеся, начиная от заводских учеников и кончая учеными, вносили тысячи предложений. Центральный орган Коммунистической партии Чехословакии «Руде право» опубликовал много таких свидетельств инициативы народных масс. С 1 апреля новая организация руководства промышленностью была осуществлена.

В июне этого года XI съезд Компартии Чехословакии подведет итоги и наметит перспективы развития нашей жизни, раскроет перед народом новые наши необъятные возможности. Децентрализация освободит много работников для непосредственной работы на производстве. Наш президент товарищ Антонин Новотный, касаясь новых методов руководства сельским хозяйством, говорил:

«Выполнению наших задач нужно подчинить всю нашу деятельность и аппарат. Ничего не случится, если опустеют на 14 дней канцелярии. Будут звонить телефоны, и, может быть, не выйдет какой-нибудь циркуляр. Но через полгода мы увидим, как повысится производство и будет веселее писать наши статистические сводки».

Все мы чувствуем правду этих слов и стремимся претворить их в жизнь. Мы отдадим этому все свои силы.

Многие из нас знают немецкий язык, и на днях мы с большим волнением узнали из сообщений западногерманского радио о дебатах в бундестаге по вопросу об оснащении западногерманской армии атомным оружием. Тринадцать лет прошло с мая 1945 года. Только сумасшедший мог бы забыть фашистских генералов, отдававших приказы разрушать наши города, жечь наши села, уничтожать наших людей. В те дни многие из нас были холостяками — теперь у каждого своя семья. Наши дети вместе с вашими, советскими, вместе с детьми Германии, Англии и Америки должны жить счастливо, учиться, овладевать наукой, готовиться к покорению космоса. Нет, над ними не должна висеть угроза вырождения от испытаний ядерных бомб, они не должны знать страха новой опустошительной войны!

Мы не хотим этого и не допустим. Наша жизнь — это жизнь простых людей, какие есть везде — в Соединенных Штатах, в СССР, в Германии. Она наполнена честным трудом, и это дает нам силу и уверенность в будущем.

Тринадцать лет назад мы окончательно освободились из-под ига немецкого фашизма. Тринадцать лет строим мы хорошую жизнь, строим новый мир на радость человеку. В годовщину нашей чехословацкой весны наш братский привет вам, советские люди, и всем народам земли, которые вместе с нами хотят жить в мире, дружбе и счастье!

Прага.

9 мая 1945 года. Жители Праги встречают советских танкистов.

К 140-летию со дня рождения Карла Маркса

ДРАГОЦЕННЫЕ РУКОПИСИ

Я. МИЛЕЦКИЙ

Фото С. Фридлянда.

Щелкнул замок. Открылась массивная дверь. С волнением переступаем порог хранилища, в котором собраны рукописи и документы Карла Маркса.

Во всю длину протянулись сейфы с подъемными шторами. Внутри они разбиты на ячейки, и в каждой из них лежит толстая картонная папка. Так хранится драгоценное наследие великого Маркса.

Хранитель рукописей классиков марксизма-ленинизма Ираида Михайловна Миронова берет одну из папок, раскрывает ее. Внутри еще одна папка, бумажная. В ней лежит переложенный папиросной бумагой густо исписанный лист. Это оригинал рукописи Маркса.

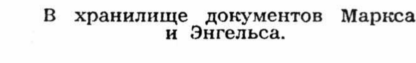
Ираида Михайловна осторожно кладет лист на стол. Мелкий, убористый почерк, строки, густо насаженные одна на другую. Сознание, что Маркс собственноручно начертал эти строки, заставляет унестись куда-то в далекое прошлое...

— Это документ за номером 5582,— поясняет Миронова.— Наброски к первым трем разделам первой главы первого тома «Капитала».

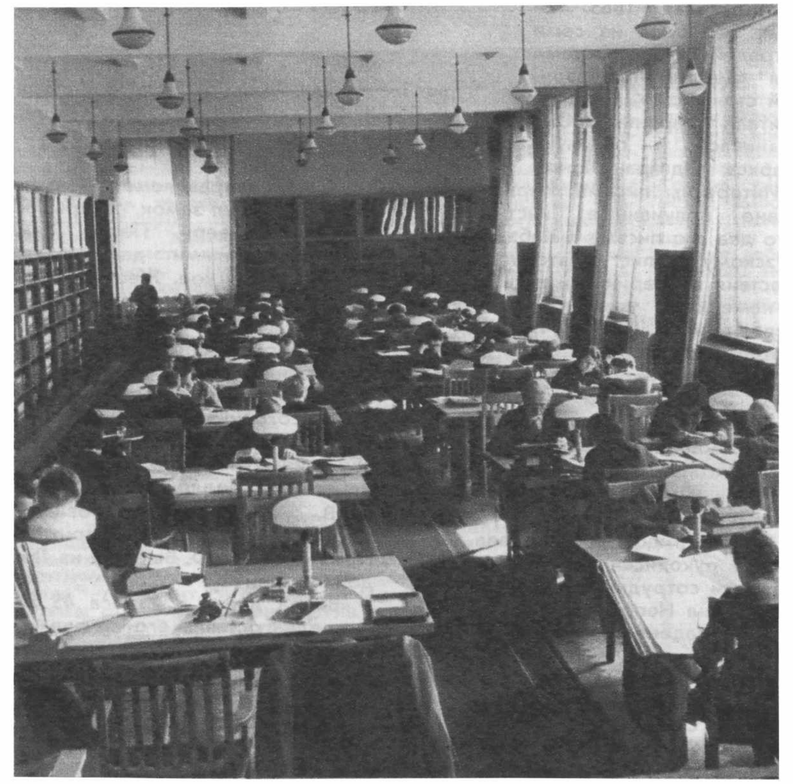
Читать рукопись трудно, даже зная немецкий язык, на котором написан этот лист. У Карла Маркса был сложный почерк. Он писал мелко и густо, делал много поправок и вставок, перечеркивал многие строки, иногда подчеркивал их. Его почерк нельзя спутать ни с каким другим. Это особый, марксовский почерк. Для освоения почерка Маркса требуется длительная и упорная работа над его рукописями.

Как известно, Карл Маркс знал в совершенстве много языков. Нередко встречаются рукописи, в которых начало написано по-немецки, середина по-английски и конец по-французски. Миронова показывает нам такой документ: фотокопию рукописи, представляющую собой выписки о культуре славянских народов. Они сделаны Марксом в Лондоне в феврале (марте) 1856 года на французском, немецком и английском языках.

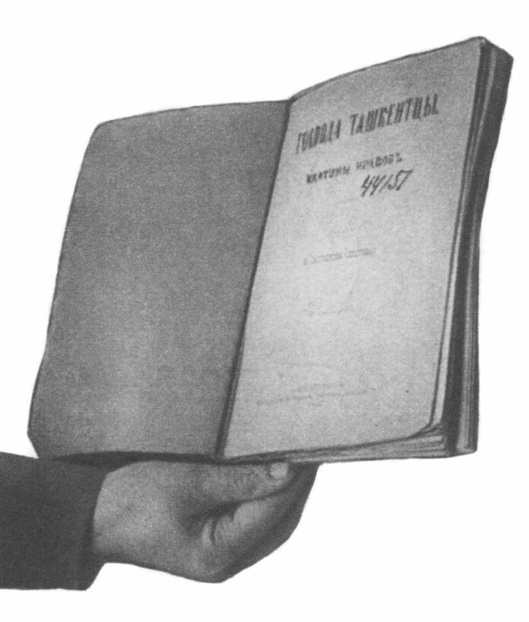
Но вот перед нами другая папка. В ней много листов. Это книга, которую после реставрации словно расщепили на отдельные страницы. Ей уже немало лет: она издана в 1869 году в Санкт-Петербурге на русском языке. На ее титульном листе напечатано: «Положение рабочего класса в России. Наблюдения и исследования Н. Флеровского».

В хранилище документов Маркса и Энгельса.

Эту книгу читал Карл Маркс, изучавший русский язык. На полях — пометки. По ним можно увидеть, что Маркс не только прочитал книгу, но и использовал ее для работы над русским языком. На одной из страниц встретилось слово «лихая». На полях Маркс написал по-русски: «лихо». Затем это слово переведено на немецкий язык. Под ним по-русски: «лихва» — и снова немецкий

В читальном зале института.

У пульта управления установкой для кондиционирования воздуха.

Эту книгу читал Карл Маркс.

перевод. И так почти на каждой странице.

В хранилище имеется много книг на русском языке, которые читал Карл Маркс. Среди них — «Господа ташкентцы» М. Е. Салтыкова-Щедрина. Книга издана в Санкт-Петербурге в 1873 году. Она тоже хранит на своих страницах личные пометки и отчеркивания Маркса.

Долго смотрим мы на эти священные реликвии, столь дорогие сердцу каждого советского человека...

— Совсем недавно институт получил еще один интересный документ,— рассказывает Миронова. — Это фотокопия паспорта Карла Маркса, выданного ему 24 августа 1849 года в Париже. В институте хранится также паспорт К. Маркса, выданный ему 30 марта 1848 года.

И она кладет на стол фотокопию паспорта. Внизу, слева, собственноручная подпись: «Карл Маркс».

Миронова убирает со стола документы, рукописи и книги, заботливо укладывает их в папки, а затем относит в сейф и осторожно водворяет на прежнее место.

Документы Маркса находятся в хорошем состоянии. Все рукописи до того, как были уложены в сейфы, прошли тщательную профилактическую обработку, дезинфекцию и в необходимых случаях подверглись реставрации. В институте есть специальная лаборатория консервации и реставрации документов.

Со всех подлинников сняты фотокопии, чтобы рукописи без особой нужды не трогать. Хранители рукописей вместе с работниками лаборатории постоянно наблюдают за состоянием рукописей, периодически осматривают фонд.

В институте созданы наилучшие условия для хранения драгоценного наследства Маркса. Кондиционирование воздуха обеспечивает постоянный температурный режим. Круглый год и круглые сутки здесь держится средняя температура в 16 градусов, с колебаниями не более чем в один градус, а относительная влажность — 55 процентов, с отклонением плюс-минус 5 процентов. Сложные установки автоматически регулируют этот режим, наиболее благоприятствующий длительной сохранности документов.

Много труда и большое искусство вкладывают в свое дело работники, которым приходится «поднимать тексты» в некоторых рукописях, делать их читаемыми. Недавно, при подготовке материалов к I тому «Капитала», были обнаружены листы рукописи, на которых оказались наклейки. Сотрудники лаборатории осторожно сняли эти наклейки. Первоначальный вариант текста стал достоянием науки.

— Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС,— сказал нам заведующий секцией документов, кандидат исторических наук А. М. Бобков,— обладает рукописями или фотокопиями рукописей всех основных работ Карла Маркса. Это богатство собрано в нашей стране за десятки лет напряженного, кропотливого труда. Еще в 1921 году начался сбор рукописей и других материалов Маркса и Энгельса. Ленин придавал этой работе огромное значение. В 1923 году началось фотографирование литературного наследия Маркса и Энгельса, хранившегося в архивах германской социал-демократии и у отдельных ее лидеров. Собирались также рукописи и письма Маркса и Энгельса у частных лиц.

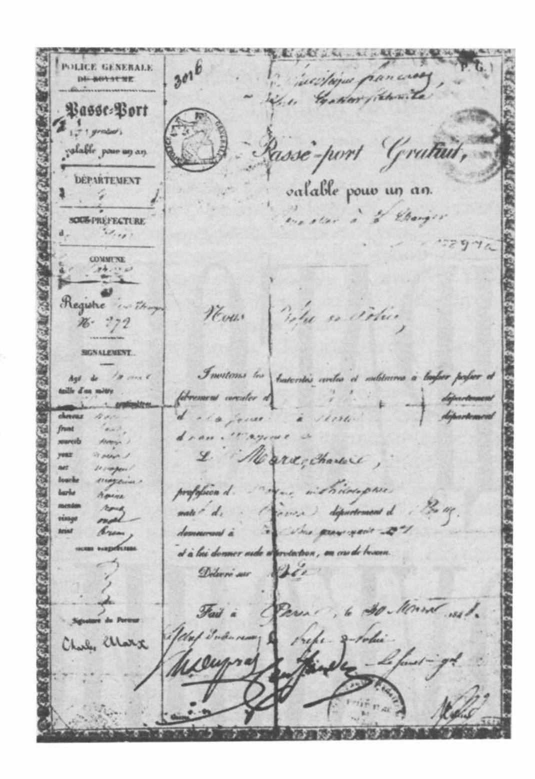
Сбор литературного наследия Маркса и Энгельса продолжается. Большую помощь оказывают нам наши друзья за рубежом: они ищут марксовские документы в местах, где когда-либо бывал Маркс, ищут их у потомков тех, кто когда-то встречался с ним.

Среди новых материалов, недавно полученных институтом, имеются три записные книжки (тетради) Маркса, датированные 1860—1869 годами. Они представляют большой интерес. Особенно ценной является записная книжка, датированная 1863 годом. Это одна из семи тетрадей с выписками для «Теорий прибавочной стоимости», которую считали утерянной. Она хранилась у правнука Маркса Эдгара Лонге.

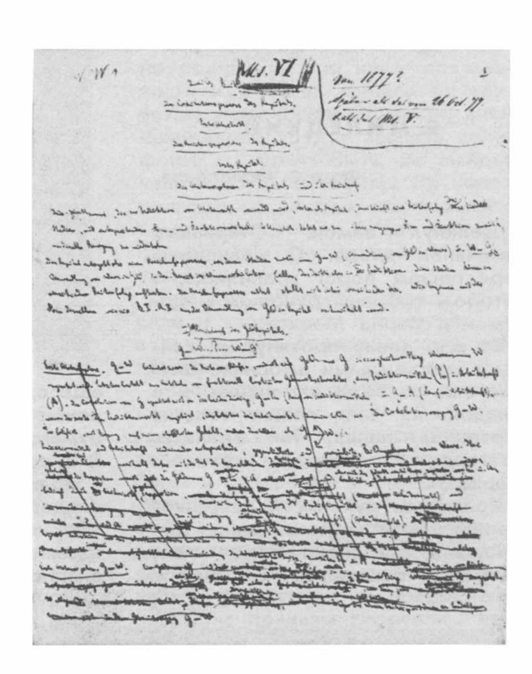
Интересны письма Маркса, недавно полученные институтом. Это два его письма к Кабэ, французскому утописту, автору «Путешествия в Икарию», и пять писем к немецкому учителю, участнику революции 1848—1849 годов Петеру Имандту.

Наследие Маркса служит неисчерпаемым источником мудрости и знаний. В библиотеке института всегда полно. Здесь работают над документами классиков марксизма-ленинизма профессора, доценты, студенты.

Около тридцати лет отдала изучению рукописей Маркса старший научный сотрудник института Нина Ильинична Непомнящая. Она свободно владеет немецким, английским, французским, знает и другие языки. Трудный почерк Маркса она разбирает не хуже, чем почерки своих родных. Мы застали ее за второй проверкой рукописей «Теорий прибавочной стоимости».

Фотокопия паспорта, выданного К. Марксу в Париже 30 марта 1848 года.

Черновик первой главы II тома «Капитала» с позднейшей пометкой Ф. Энгельса.

Два кресла Маркса.

...Снова направляемся в хранилище. Щелкнул замок, раскрылась массивная дверь. Перед нами укрытые чехлами два кресла: жесткое и мягкое. Жесткое — это рабочее кресло Маркса.

— А в этом мягком кресле Карл Маркс умер,— тихо сказал нам хранитель, снимая чехлы.

Старинное кресло обтянуто хорошо сохранившимся желтым, с серыми полосами штофом. Высокая спинка, неглубокое сиденье и небольшие подлокотники.

...В письме, датированном 15 марта 1883 года, Фридрих Энгельс писал И. Ф. Беккеру из Лондона в Женеву:

«Вчера днем, в 2 часа 45 минут, едва оставив его на две минуты, мы нашли его тихо уснувшим в кресле».

В этом именно кресле...

И мы долго молча стоим у кресла, думая о последних минутах жизни гениального основоположника научного коммунизма.

Мемориальная доска на доме, где родился К. Маркс.

НА РОДИНЕ КАРЛА МАРКСА

Д. ДИТМАР

Мы едем в Трир — город, где сто сорок лет назад родился Карл Маркс. Дорога проходит по долине Мозеля. Чем выше по реке, тем сильнее теснят ее холмы. Сейчас, ранней весной, они покрыты густой щетиной кольев, которые позже обовьет виноградная лоза. В эту землю вложен труд многих поколений крестьян. И невольно вспоминается: одна из первых статей молодого Маркса для «Рейнской газеты» была посвящена бедственному положению мозельских виноградарей...

Ко времени, когда жил Маркс, Трир уже основательно растерял былую славу резиденции «королей церкви», превратившись в небольшой провинциальный городок с полутора десятками тысяч жителей. Семья адвоката местного королевского апелляционного суда Генриха Маркса, когда родился сын Карл, занимала дом на улице Брюкенштрассе. Этот дом в целости и сохранности стоит до сих пор: двухэтажный, с мансардой, тесно зажатый на узкой улочке такими же невысокими, как и он, домами. На фасаде мемориальная доска:

«В этом доме 5 мая 1818 года родился Карл Маркс».

На первом этаже дома помещается правление Социал-демократической партии Трира, верхний этаж занимает дом-музей Карла Маркса. Вот комната, где он родился: в задрапированной красным бархатом нише стоит гипсовый бюст Маркса, на стенах несколько фотографий, в витрине фотокопии писем, «Рейнской газеты».

Рядом небольшой читальный зал для посетителей. В двух книжных шкафах собраны сочинения Маркса. Большинство издано давно, лет тридцать — сорок назад, а новые издания лишь те, которые попали сюда из ГДР. Уже перед отъездом из города заходим в крупный книжный магазин.

— Есть ли в продаже книги Карла Маркса?

Продавщица сделала удивленное лицо, долго листала каталог и наконец принесла со склада тонкую книжечку ранних работ Маркса. Книжка снабжена злобным предисловием, автор которого, Франц Боркенау, в свое время был одним из советников на суде в Карлсруэ, вынесшем постановление о запрещении Компартии Германии. Кстати, брошюрка с текстом этого постановления почему-то стоит на книжной полке в доме Маркса. Не знаю, зачем ее туда поставили, но трусливое это сочинение лишь подчеркивает бессмертие великих идей, которые оно пытается «запретить»...

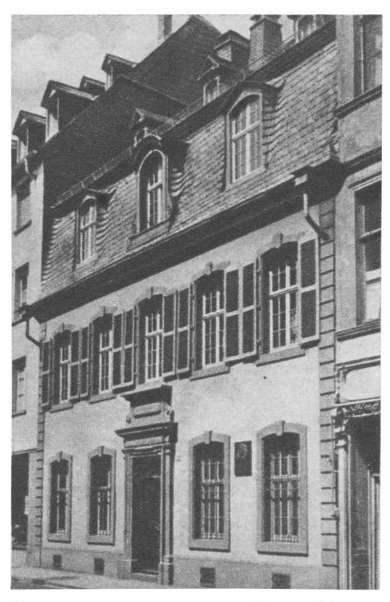
Если дом, в котором родился Маркс, уцелел во время войны, то от гимназии Фридриха-Вильгельма, где он учился, осталась лишь мрачная коробка. Здание пострадало от американской бомбежки. В местной газете мы прочли о том, что утвержден архитектурный проект новой гимназии Фридриха-Вильгельма, но детям придется еще подождать, ибо вопрос упирается в средства.

В 1863 году, приехав в Трир на похороны матери, Маркс писал жене в Лондон, что непреодолимая сила влечет его каждый день к старому дому фон Вестфаленов, который напоминает ему о счастливом времени юности и о ней, Женни фон Вестфален.

Дом Людвига фон Вестфалена, хозяину которого Маркс посвятил свою докторскую диссертацию, нам найти не удалось. Нелегко найти и дом, куда переехала семья Генриха Маркса после рождения Карла и который она занимала на протяжении нескольких десятилетий. Дом находится на Симеонштрассе, 8, но каких-либо указаний о том, что здесь жил Маркс, на нем нет. Дом перестроен. Нижний этаж занят под оптический магазин, в верхнем — живут.

Я зашел в одну из квартир и разговорился с женщиной и ее детьми. Да, они знают, что в доме некогда жили Марксы. Один из мальчиков рассказал, что недавно ученица их школы написала сочинение о жизни Маркса в Трире, но учительница истории поставила ей самую низкую отметку — пять. Я попросил передать девочке, чтобы она не расстраивалась, потому что есть страна, где эта отметка считается самой высокой.

Бонн. Апрель.

В этом доме родился Карл Маркс.

Италия перед выборами

Альберто ЯКОВЬЕЛЛО

Еще в апреле на улицах итальянских городов и селений появились первые плакаты с призывами к избирателям. Выборы в палату депутатов и в сенат состоятся 25 мая. Партии, выставившие свои списки, те же, что и на предыдущих выборах: христианско - демократическая, коммунистическая, социалистическая, либеральная, две монархические партии, неофашистская партия и некоторые менее значительные группировки, в числе которых и республиканская партия. Темы избирательных манифестов в основном сводятся к проблеме войны и мира.

Нынешняя предвыборная кампания характеризуется большим вниманием широких народных масс к проблемам клерикальной диктатуры и к опасностям, которым подвергается Италия в результате ее включения в Атлантический блок. И не случаен тот факт, что эти две темы стали ведущими в первых избирательных плакатах, причем вторая тема превалирует над первой.

Пропагандисты компартии проявили в этом отношении остроумную изобретательность. Как известно, символом христианских демократов является щит с изображением креста. На коммунистических пропагандистских плакатах-карикатурах, разоблачающих подлинную суть христианско - демократической политики, крест заменен двумя ракетными снарядами. Это символизирует принятие итальянским правительством программы генерала Норстеда, предусматривающей строительство на территории Италии площадок для запуска ракетных снарядов. Другой плакат, имеющий значительный пропагандистский эффект, выразительно показывает разницу между обещаниями, данными христианскими демократами в 1948 году, и сегодняшней действительностью. Общеизвестно, что 1948 год был ознаменован кампанией в пользу принятия «плана Маршалла». Христианские демократы тогда наводнили Италию листовками и плакатами, на которых был изображен кусок хлеба, убеждая избирателей, что если они будут голосовать против коммунистов, то Америка пришлет Италии хлеб.

В этом году пропагандисты компартии использовали тему этого избирательного плаката христианских демократов, выпущенного в 1948 году, изобразив рядом с куском хлеба ракетный снаряд.

Коммунисты, разумеется, опубликовали свою избирательную программу. Она предусматривает ряд мероприятий по поднятию общего уровня жизни населения и по избавлению Италии от опасностей атомной войны. Трудно сейчас предсказать исход выборов. Однако имеются показатели, говорящие за то, что компартия добьется дальнейших успехов. Первым показателем служит тот факт, что на всех выборах внутренних комиссий, проходивших в течение последних месяцев на многих промышленных предприятиях, Всеобщая конфедерация труда одержала большие победы. Особенно крупный успех достигнут на комбинате «Фиат», где объединенный профсоюз впервые после трех лет вновь завоевал относительное большинство голосов. Это — значительное событие, вызвавшее большой интерес во всей стране. Буржуазная пропаганда каркала, что рабочие заводов «Фиат» «отошли» от Всеобщей конфедерации труда, потому что компартия якобы не пользуется больше их доверием; они умалчивали, разумеется, о фактах невероятного нажима и запугивания рабочих со стороны дирекции этого громадного комбината, имевших место на протяжении последних лет. Буржуазная пропаганда замалчивала факты массовых увольнений рабочих — коммунистов и социалистов и набора мужчин и женщин из деревень, которым угрожали увольнением за малейшее несогласие с требованиями хозяев. Теперь, когда Всеобщая итальянская конфедерация труда отвоевала часть утраченных позиций, буржуазная пропаганда молчит. Но итальянские трудящиеся и демократы с большим удовлетворением отмечали это событие, считая его хорошим предзнаменованием для предстоящих 25 мая выборов.

Предвыборный лозунг компартии гласит:

«Меньше голосов христианско-демократической партии. Больше голосов коммунистической партии».

Рим, апрель.

Первые предвыборные плакаты итальянской компартии.

Здание Оперного театра в Каире, где идут концерты артистов балета Большого театра.

Директор Оперного театра г-н Нахас (в центре) — наш замечательный гид и спутник во всех наших путешествиях. С первых дней он запомнил наши имена и, несмотря на то, что все мы переодеваемся и перегримировываемся во время концерта по 3—4 раза, никогда не ошибается, обращаясь к нам. Перед началом представления он неизменно приветствует каждого на русском языке: «Давай, давай, хорошо, идет сюда, как поживайт». Это означает, что он очень рад нас видеть.

Мы торопимся записать в блокноты интересное сообщение. Только что г-н Нахас сказал нам, что в будущем году после реставрации фасада храма здесь, у подножия сфинкса, они собираются показать «Аиду». В спектакле под открытым небом будет занято 150 певцов, в массовых сценах примет участие тысяча воинов. Зрители будут сидеть прямо на песке на высоком склоне перед храмом.

Горячими взаимными приветствиями заканчивается каждое наше выступление.

«МОСКВА—ХОРОШО!»

С. ЗВЯГИНА,
солистка балета Большого театра Союза ССР

Фото Л. Жданова и Ш. Ягудина.

3 апреля, вечер. В Каирском театре, переполненном зрителями, наступает какая-то особая тишина. В ложе появляется сопровождаемый дружными аплодисментами президент Объединенной Арабской Республики г-н Гамаль Абдель Насер. Оркестр играет национальные гимны Египта, Сирии и Советского Союза.

После торжественного приветствия начинает представление балетная группа Большого театра Союза ССР. В зал полилась музыка балета П. Чайковского «Лебединое озеро».

Вначале зрители сидели, как зачарованные, боясь аплодисментами нарушить представление. Но постепенно аплодисменты стали звучать все чаще, все громче, а после вариации четырех лебедей (Н. Федорова, Т. Тучнина, О. Крылова, Э. Масленникова) раздались крики «браво» и «бис».

Во втором отделении—концертная программа. Торжественно звучит полонез М. Глинки из оперы «Иван Сусанин», и мастера характерного танца В. Галецкая, Н. Капустина, В. Фаэрбах, А. Кузнецов, И. Покровский, В. Кудряшов завоевывают симпатии присутствующих в зале. Бурными аплодисментами провожают зрители Н. Симонову, Е. Фарманянц, П. Андрианова, Л. Жданова.

На сцене появляется народная артистка СССР Ольга Лепешинская. Блистательно исполняет она с Геннадием Ледяхом «Па-де-де» из балета «Дон-Кихот». Ее виртуозная техника и искрящийся темперамент вызывают бурю оваций в зале.

От номера к номеру зрители воодушевляются все больше и требуют повторений. Вот уже дважды танцует «Гопак» Ш. Ягудин, бисируют вальс И. Тихомирнова и Г. Ледях.

Почти 12 часов ночи, а впереди еще одноактный балет «Вальпургиева ночь». Перемена декораций — и на сцене, затянутой черным бархатом, звучит знаменитый вальс Ш. Гуно. Зрители по ходу действия разговаривают в полный голос. Эта необычная для нас реакция здесь принята.

Занавес открывают снова и снова. На сцену выносят цветы, но это не корзины в нашем обычном представлении — это деревья, превышающие человеческий рост.

Зрители упорно аплодируют и кричат. Участники концерта один за другим «пролезают» между цветами на авансцену и, в свою очередь, благодарят оркестр за большой труд и творческую помощь.

Снова торжественно звучит египетский гимн. Занавес опускается.

После концерта министр национальной ориентации республики господин Фатхи Радван от имени президента Насера обращается к нам с просьбой вслед за Египтом посетить Сирию и дать там концерты: ведь после образования ОАР мы здесь первые представители советского искусства.

Несмотря на большую усталость, не сразу покидаем театр. Хочется поблагодарить тех, кто очень помог нам сегодня. Это обслуживающий персонал. Каждому рабочему, осветителю, портнихе мы вручаем подарки: здесь и палехские коробки и русские деревянные изделия. Горячими объятиями и рукопожатиями заканчивается наша первая встреча с египетскими зрителями.

С 3 апреля по вечерам ежедневно мы видим перед театром ярко освещенную площадь, забитую автомобилями настолько, что нарушается обычный маршрут движения транспорта.

В городе нас уже знают и приветствуют всюду словами: «Москва — хорошо! Руса — добра!»

Каир, апрель.

День в Каире начинается очень рано. Первыми открывают свои «магазины» букинисты. Сколько здесь интересных книг и для гостей, особенно по искусству!

...Помытый пол блестит в дому
Опрятностью такою,
Что просто радость по нему
Ступить босой ногою.

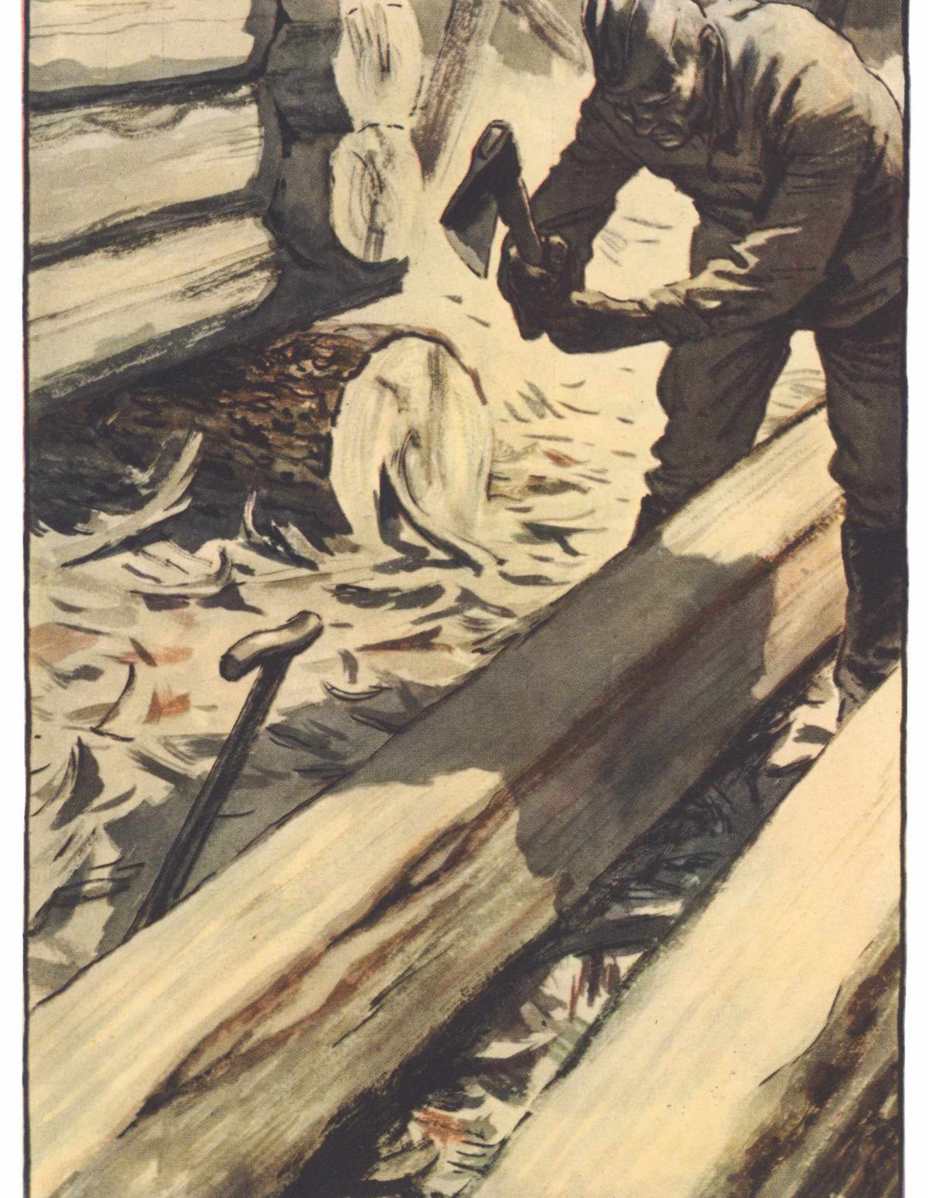
Орест ВЕРЕЙСКИЙ

Из иллюстраций
к поэме А. Твардовского
«Дом у дороги»

...Рукой дрожащею лови
Крючки, завязки, мать.
Нехитрой ложью норови
Ребячий страх унять.

...Ну что ж, солдат, взыщи с нее,
С жены своей, солдатки,
За то, что, может быть, жилье
Родное не в порядке.

Что не могла глядеть назад,
Где дом пылал, зажженный,
Как гнал ее чужой солдат
На станцию с колонной.

...И все спешил покончить в срок,
Как будто в хате новой
Скорей солдат увидеть мог
Семью живой-здоровой.

ТЕЩА

Рассказ

Георгий РАДОВ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Мы замешкались в городе, и, когда выехали на бетонную автостраду, настала ночь. Она спустилась сразу, по-южному черная и яркая. В полированном антрацитном небе звезды сверкали так неистово, словно бы они зажглись в первый раз только сегодня.

— Ну, браток,— сказал мне водитель,— хочешь еще пожить на белом свете, весели меня байками, а то засну.

— Устал за день?

— Болезнь! У других к старости бессонница, а меня, скажи, днем и ночью в сон кидает. На той неделе колонной шли на Краснодар, я и продремал поворот. Хлопцы свернули, а я себе жму и жму на Армавир. Насилу догнал... Ходил к станичному доктору — никакой пользы. Постучал молотком по коленке, говорит: «Все в порядке, нервы здоровые». «А почему сплю?» «А это,— смеется,— награда вам за военный недосып». Награда! Его б, очкастого, за руль с такой наградой. Закурим?

Человек этот встретился мне перед вечером у Сельхозснаба. Я уже договорился с другим шофером, но тут вмешался он, долговязый, нескладный, рябой, по виду лет пятидесяти; покатый лоб его был сплошь иссечен морщинками, и вдоль худых щек залегли глубокие складки.

— Со мной поедешь,— сказал он властно.— В Отраду? В колхоз? До самого крыльца довезу! Нельзя, понимаешь, мне без компании.

Мы обогнали длинную колонну груженых самосвалов и вырвались на простор. Водитель покосился на меня, предупредил:

— Ты ногами поаккуратней. Там внизу покупочки. Подарки везу. Дочку мою наградили Золотой Звездой.

— Здорово!

— Кому здорово, а кому обидно,— возразил он.— Двадцать первый год дивчине — и Звезда! За молоко...

— Вам обидно?

— Почему мне? Я ей отец. И у меня своих наград достаточно. Как говорится, от Сталинграда до Берлина ордена собирал. А чудно!..— усмехнулся он.— С фронта я два ордена и пять медалей принес. Семь наград за четыре года службы! А за тридцать годочков мирной работы хотя б, скажи, медаль перепала. Не удостоился...

— На фронте, видно, геройствовали?

— То еще неизвестно, товарищ, где я больше геройствовал: чи в гражданке, чи на войне... Вояка-то я доморослый, запасной, необученный — вот какой я вояка. До фронта и берданки в руки не брал, нет у меня к этому, к стрельбе, пристрастия. Не вояка! А по гражданке не скажи! По гражданке я, если можно выразиться, после войны бог был по своему хутору! И косить и пахать — никто передо мной не устоит. А я же еще и кузнец и слесарь. И хату, закажи, покрою — и камышом и железом. И скирду так вывершу — сто лет будет стоять, не промокнет. А сеял как?.. На конной сеялке-тринадцатирядке по двадцать гектаров в день засевал.

— По десять?

— Нет, по двадцать! Сеялок было мало, я и ставил рекорды! Кони сменные, а я один. И косил крюком по гектару...

— По гектару?

— Истинный бог! В газетах писали...

— И не наградили?

Он покачал головой, объяснил:

— Они ж, награды, я замечаю, не вразбробь даются, а кучно. Под момент! И на войне... Когда отходили, не очень-то их рассевали, медали. Случалось, и хоронили геройских хлопцев без всякого отличия. Отступление! Аж после Сталинграда пошли ордена... Так же, по-моему, и в гражданке: потекло молочко, а с ним вместе и Звезды.

— Значит, дочь ваша под момент попала?

— Нет, почему ж, заслужила! Пять тысяч литров надоить — тоже не шуточка. Ну, я б все-таки звездочку ей пока не вешал. Перегодил бы трошки! Дал бы Красный Трудовой орден, и то с бабкой напополам.

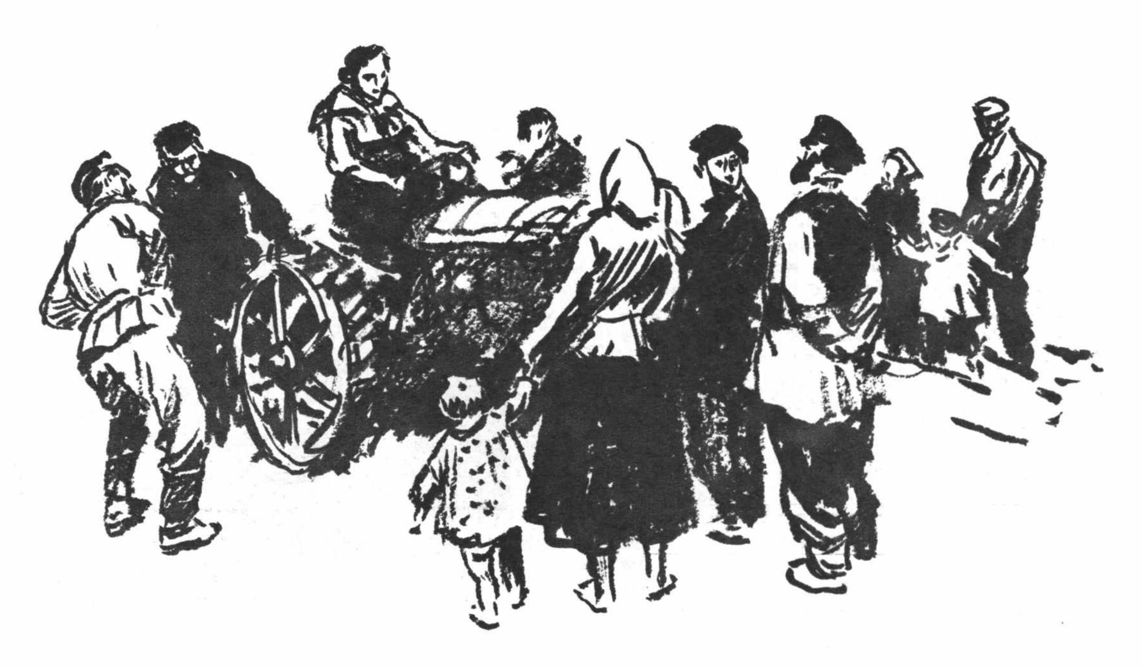
— С бабкой?

— С тещей моей. Ох, у меня теща, браток! Всем тещам теща.

— Хорошая?

— Как тебе сказать... В контрах мы с ней. Вот тесть у меня был особенный, но на другой фасон. Смирный, безответный, молчаливый. Три слова в день подарит — это, считай, он уже разговорился. Каким способом он улестил ее, Анну Степановну? Наверно-таки, она его сама сосватала. Это уж я давно заметил: бабочки послабей, помягче характером — эти рвутся к самостоятельным мужикам, а такие, как моя теща, с царем в голове,— эти, наоборот, на безответных соблазняются. Правда, засиделась она в девках: красивая, видная, умница, а остерегались ее женихи. Илья Васильевич ее, как говорится, уже перестарком взял. Он был станичный, она хуторская, но переехал к ней на жительство. А там вскорости скомплектовалась особая женская коммуна. Вдовы, батрачки взяли землю, начали хозяйновать. Трактор получили, а руководствовать некому: Илья Васильевич, единственный в коммуне мужик, конюховал, шорничал — тоже незаменимая должность. Вот тещенька моя распрекрасная и оседлала «фордзон»! Представляешь переполох? Двадцать третий год, и тракторов-то люди не видали, а тут и машина заморская и баба-трактористка, да еще с дитем! Чего только про нее не трепали! И грязная, мол, и керосином воняет... Ее собственная кровная родня, и та от нее отказалась. А тут же еще и кулачье. Проберутся ночью в сарай, плеснут воды в бак, а на другой день она мучается, не может пустить машину...

Досталось Илье Васильевичу! Сам, бедолага, и кухарничал, и стирал, и дочек нянчил... Хуторяне смеются, кличут его, как бабу, Васильевной, родичи донимают, а он терпит. Правда, додумался-таки, как ее бессловесно угомонить: расстарался — стал ей подкидывать дите за дитем. Аж на третьем остепенилась! Ушла с трактора. И куда? На ферму! Из огня в полымя. Знаешь, что у доярок за служба? У меня они все сплошь доярки: и теща, и жинка, и свояченица, и дочка. Ну, скажу тебе, браток, нет на свете разнесчастней людей, чем доярkины мужья. Проснешься в четвертом часу, а бабы-то уже нету! Унеслась на утреннюю дойку. Страдай! Подоит, прибежит, хату вытопит, ребятишек накормит — и опять к скотине, до вечера! А когда отел, круглосуточно там пропадает... Но зараз это еще терпимо: у нас-то на ферме блеск, чистота, халаты белые. И техника всевозможная: автопоилки, электродойка, подвесная дорога... А раньше? Тещенька-то моя на коромысле носила воду. Кормов бригада не заготовит, скотина голодная — снаряжаются доярочки по снегу, в мороз за соломой. Коровники худые, крыши дырявые, появится теленочек на белый свет — тащит его доярка к себе домой. Вот так служила Анна Степановна! У людей праздник, песни льются по хутору, а она с коровами... И не год и не два, а безвыходно двадцать пять годков! Ревматизм — это еще она до войны заработала. Бывало, криком кричит перед непогодой. А после войны совсем с руками замучилась:

распухли, задубели. Через них она и службу бросила, а то б доила по сегодняшний день.

А тут еще и общественность! Двинули ее бабы в ревизионную комиссию, с того и пошло... Колхоз у нас молодой был, несильный, и привязалась к нему болячка — воровство... То курей недосчитаются, то яиц, то винограда, то, смотришь, копешка сена за ночь испарится — и следа от нее не останется! Теща, понятная вещь, к председателю, а он и ухом не ведет. Не хотелось, видишь, ему с соседями конфликтовать. Годы были у мужика немолодые, хата добрая, садочек при ней, родичей полным-полно... «Э,— думает,— да будь они семь раз неладны, эти споры, раздоры, следствия! Из-за копешки сена врагов заводить на своем хуторе? А потом с ними же по соседству век доживать. Хай оно горит!» Словом, теща к нему, а он: «Да угомонись ты, Степановна! Ну, подумаешь, в таком хозяйстве сотни яиц недосчитались!.. Спишем!» «Значит, будем воров прикрывать?» «Да не воры они, а просто не осознали... Полжизни прожили единолично, когда ж им было привыкнуть к общей собственности? Не осознали, потому и тянут. А хутор у нас сроду вороватый. Выселки! Забубенный народ!» «Нет,— кричит теща,— ты на людей не клепай! И хутор у нас не вороватый, бедняк на бедняке, а честно жили... И осознали! Послухай, как бабы шумят насчет воровства! Не люди тянут, а воры!» «Все тянут»,— уверяет он. «Ну, поглядим!»

Словом, председатель умыл рученьки, а теща открыла бой. Кабы сама, а то баб подняла, комсомольцев. Ночных патрулей пустила по степи... К сторожам бабий надзор подставила... Лето минуло, вот тебе и открыли шайку-лейку. И что ж то была за шайка? Да Степка Храпач с Паньком Шкарубой — вот тебе и вся шайка. И вовсе не хуторские они, не наши, зазря председатель на весь хутор клепал. Храпач завхозом служил, не знаю, откуда он у нас и взялся, дядька смышленый, верткий, сквозь щелочку пролезет и следа не оставит, а Шкаруба и не колхозник совсем, беглый кулак из-под Чернигова. Они-то и устраивали

«трудоночи». Степка Храпач выпишет, спишет, оформит, а Шкаруба на базар отвезет. Гроши поделят, председателю выставят литровочку, а он хотя и честный и преданный, но дурошлеп, еще и выпьет за их здоровьичко, похвалит за доброту. Теща с бабами их и накрыла. На базаре поймала с виноградом, спровадила дружков на подсудимую скамью. И как отрезало: кончилось воровство! «Ну что,— пытает теща у председателя,— весь хутор вороватый? Не осознали общую собственность? Эх ты, политик!»

Ну, и отблагодарили ее. Как раз у жинки моей Маруси дочка родилась — в тот год и случилось это происшествие. Понимаешь, у Храпача-то на хуторе осталась семья. Они и сотворили. Мишка Храпач подкинул теще чувал с пшеницей! Чувал колхозный, клеймом меченный, а подкинули его в погреб и в тот же час в милицию послали подметное письмо.

Арестовали Илью Васильевича! Чистый, как стекло, был человек, а ничего не попишешь: улики явные... Пока Анна Степановна хлопотала, пока следователи до правды докапывались, помер в тюрьме Илья Васильевич. А у нее пятеро на руках! И хлеба ни зерниночки: все при обыске отобрали. Двоих младшеньких схоронила она той весной, не углядела. Была на ферме, а они забрались в колхозный сад, накинулись на зелень. И доктора не спасли...

Вот такое пережила моя теща. В один год как огнем ее опалило: высохла, поседела, куда и делась бабья ее красота. Но воевать стала еще лютей. Тут-то и мне попало рикошетом...

Правда, за дело попало... Бездумно я жил до войны, браток! Топтал землю, а к чему и зачем ее топчу, о том не было рассуждения. Работал, верно, хорошо, по-другому я не умею, ну, а загоню машину в гараж — и в чайную! Дружки, приятели, водочка — тем каждый божий день и кончался. А служил не в колхозе, а в заготконторе, в районной станице, случалось, и по неделям домой не заглядывал, у станичных вдовушек ночевал. Вот так жил: абы день до вечера, а ночь до утра. Ну и левшил, надо правду сказать! То с пассажирами в город мотнешься, то левый груз перекинешь. Всегда водились денежки...

С тещей мы не поладили. Я ее и зараз не очень-то люблю, а тогда просто видеть не мог, особенно после смерти Ильи Васильевича. Ее одну во всем виноватил. Не лезла б в ревизоры, жила б, как другие живут, не злобила всякую сволочь, никто б под нее не стал подкапываться. А то — нате вам! Прокурорша! Кто ее просил в чужие дела соваться? Словом, не одобрял я ее, а, когда она стала за мной присматривать да Маруську мою муштровать, тут я в два счета дал ей от нашей хаты поворот!

Но пострадать пришлось... Не-ет, не за воровство... Сам-то я сроду крохотки чужой не взял, другое, водочка подвела... Виноград-то Шкаруба перекидывал на моей машине! Нанял меня на ночь, стаканчик для лихости выставил, я и завелся: что угодно, мол, тебе сделаю, друг! И в голову не ударило, что виноград краденый. А когда Шкарубу посадили, и до меня дотянулась цепочка... Два года я получил за соучастие, аж за Полярным кругом оказался! Срок отбыл, а тут война... Можно б было домой заехать, попрощаться с женой, с детишками — нет, не поехал. Такой был злой на дорогую мою тещеньку, сам себя опасался!

И на войне, что там скрывать, не добром ее поминал. Машину мне не доверили, послали в стрелковую роту. И вот лежишь, бывало, в грязи, мокрый, злой на весь белый свет, и честишь ее почем зря.

И писем не писал. Узнал, что жинка живет с матерью, и все во мне оборвалось! «Ну,— думаю,— если не убьют, черта петого я к тебе вернусь, раз ты такая беспамятная. Мать собственной рукой твоего мужа в тюрьму отправила, а ты с ней же и милуешься!»

Аж в сорок пятом году поехал я на хутор. И представь, как зло помнится: и война не переучила... Еду, прикидываю: захочет жинка уйти от матери, буду жить с ними, не захочет, брошу, увеюсь куда-нибудь.

А пришлось остаться. Болела Анна Степановна... Понимаешь, при немцах явился на хутор Степка Храпач, ее крестничек, доказал вражина: вот, мол, главная организаторша колхоза. Взяли ее, и били, и мучили всячески, и, наверное б, повесили, да не управились: как раз под тот момент ударили наши танки. Жива осталась, но что-то они ей отбили внутри. А тут наши пришли, а с ними и почта: два извещения! Сын Петро похоронен под Воронежем, в Семилуках, зять, муж средней дочки, пропал без вести под Изюмом... И дома горе: встал к ним на квартиру финансовый агент, мужик моего возраста, раненный в правую руку, а собой сытый, здоровый, начал за моей Маруськой приударять. Поддалась бы, наверное. От меня ни слова, ни полслова, пятый год одна, а он не промах, подкатился к ней с жалостью... Поддалась бы, кабы не мать. Анна Степановна ее, Маруську, за косу: «Что же ты делаешь? У тебя мужик на войне!» А его с квартиры согнала, да еще в райком нажаловалась — перевели парня на другой хутор.

Водитель примолк. Мы ехали по пустынной дороге. Ни машины навстречу, ни подводы, ни путника... Только слева ярко горели огни дальней закубанской станицы...

— Подлец я был! — с силой сказал он и так сжал баранку, точно бы захотел вырвать ее с корнем. — Я же ее без матюков вспомнить не мог, Анну Степановну, а она... видишь, как она обо мне хлопотала. И главное, вернулся, про все узнал, и то не отлегла душа. Подлость!

А она, больная, ревматизмом разбитая, да уже и старая, как она воевала! Чуть полегчает,

мчится на ферму. Тракторов было мало, она первая свою коровенку в плуг запрягла. Людей не хватало, она и выдумала, чтоб доярки сами кукурузу для скота сеяли, пололи и убирали. И опять-таки сама первая отправилась в поле. Да все с улыбочкой, с веселым словцом! Вдовы загорюют, а она тут как тут: ну, что, мол, бабочки, печаль в делах не помощница, выше носы! А у самой все руки в болячках... Хоть бы кому пожаловалась!

И ко мне переменилась. До войны — я ж тебе говорил — были мы в полных контрах, а тут поласковела. Правда, и я уже стал другой. Не пошел в заготконтору, противно стало левшить, устроился в колхозе рядовым — кто куда пошлет. Тогда-то и пришлось ставить рекорды. Пашу, сею, кошу, скирдую — все горит в руках. А придешь домой, глядишь: то рубаха подштопана, то какой-то сладкий кусок оставлен — ее забота. В воскресенье она — не Маруська — чарочку выставит. Но все-таки не сдружились! Не мог я, дурак, забыть про старое...

До пятьдесят третьего года доила она колхозных коров. Но тут уже я распорядился. «Хватит,— говорю,— Маруся, отработала твоя мать, пускай отдохнет». А она и сама, Анна Степановна, окончательно разболелась. Руки не слушались. Да и доярок стало достаточно. Смена пришла.

И Нюрку мою она на ферму определила.

Норовистая она была, Нюрка, в меня, все в город собиралась, но Анна Степановна угомонила ее, свела на ферму, коров ей своих, готовеньких, передала, еще и выучила. Бывало, ночью проснешься, а на печи: шу-шу-шу, шу-шу-шу — бабка с внучкой беседу ведут.

И скажи, не обидно? Как только ушла с фермы Анна Степановна, в тот самый год и развернулся колхоз! То она сама корма добывала для голодной скотины, дома телят выпаивала и, можно сказать, служила за одни «палочки», и рубля не доставалось на трудодень. А тут, как нарочно, все в один момент переменилось. Цену повысили на молоко. Приехал из города дельный дядько-тридцатитысячник, ферму выстроил, водопровод провел, кукурузы насеял, заложил силос... Дояркам плату прибавили, дали им все условия! Словом, как бы сказать, не дослужила моя теща до подъема сельского

хозяйства... А Нюрка вырвалась! Коровы ей попали хорошие, еще бабкой раздоенные, кормов от пуза, сама она молодая, сильная — на второй год первенство заняла по району. На третий год в Москву она ездила, на выставке получила медаль. Еще два годочка минуло, вот тебе и Золотая Звезда...

Водитель чертыхнулся, притормозил машину. Достал из-под сиденья тряпочку, вышел, протер забрызганное росой ветровое стекло, снова уселся, зябко повел плечами.

— Какие ночи короткие! — словно бы пожаловался он, выруливая на середину шоссе.— Это где же мы зараз? Кропоткин проехали? Как бы с разговорами сверток не проскочить. Ты гляди...

— Уже получила дочка награду? — спросил я.

— Получила,— кивнул он.— В районе им вручали, на слете, а потом я дома устроил обмывочку. Нюрка подружек позвала, я — дружков, начальство пожаловало: колхозный председатель с жинкой, завгар, механики... Набралась полная хата. Но и закуски и выпивки хватило на всех: я кабанчика подколол, теща с Маруськой двое суток колготились — наготовили и вареного и печеного. Богатый был стол. А не обошлось-таки без скандала...

Понимаешь, выпил я трошки и не то, чтобы захмелел, а вот, случается, подкатила жалость к душе, и кончено. Гляжу: Нюрка моя сидит в голове стола, румяная, нарядная, со Звездой, рядом Маруся — и у нее новенькая медаль; по правую руку председатель Кирилл Иванович Коломиец, осанистый мужик, в кителе — и у него орден Ленина; напротив зоотехник молоденький, шустрый — и он с наградой; я свои военные планочки наколол, тоже сверкаю... Словом, все именинники, одна Анна Степановна без наград, без отличия, и не за столом, а у плиты хлопочет. Простоволосая, в старой кофтенке, седая, руки перебинтованы, и хоть бы кто за нее поднял стаканчик! Только и слышишь: «Мамаша, вилочку!», «Бабушка, тарелку перемените!», «Хозяюшка, сходили бы в погреб за огурцами!..»

Тут-то мне и стукнуло в голову: да как же это оно у нас на хуторе делается? У людей, в других колхозах, ветеранам полный почет, а у нас двадцать — тридцать лет отслужит звеньевая либо доярка — вот ее и забыли. И пенсии не назначат, ходит та геройская старуха, просит пособия...

Оборачиваюсь к Коломийцу, пытаю: «А что, Кирилл Иванович, будут у нас в колхозе пенсии старикам?» «А за что? — Он смеется.— За то, что без малого не растащили колхоз? У нас, слава богу, не богадельня — кормить старых лодырей». Спьяну он, конечно, это словечко «лодырь» пустил, необдуманно. Но что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Открылся! «Спасибо,— говорю,— Кирилл Иванович, за вашу откровенность. Значит, так и считаете: до вас тут одни лодыри служили?» «А как же их назвать? Героями? Тридцать лет хозяиновали, фермы не могли выстроить. А по скольку надаивали? Тысячу литров не брали от коровы. Гер-рои!..»

Вот этого я и не снес. Сроду, понимаешь, не выступал на собраниях, а тут откуда и взялись слова... Все про нее высказал, про тещу. И как она трактористкой была, и как с кулачьем воевала, и как жуликов ловила, и как пострадала, и как за кормом ездила в непогодь и отморозила ногу, и как здоровья лишилась... Говорю, и уже председателя забыл, как будто бы сам перед нею винюсь за свое отношение...

«И ты смекай, Нюрочка,— говорю дочке,— ты-то где заслужила Звезду? В теплом коровнике, с электродойкой, в белом халате? И скот у тебя на полном рационе, и трудодень дорогой — получаешь побольше батька! А бабке-то твоей тяжельше пришлось! Она в отстающем колхозе геройствовала! Как говорится, на одном сознании и домашних харчах...»

Высказался! Дочка в слезы... Рвет с груди звездочку, кидает ее на стол... «Не заслужила я? Недостойная? Возьмите ее за ради бога, нехай бабушка носит!» И Маруська — в слезы. И теща, и эта ко мне приступается: «Ты что делаешь, безумная голова? Дочкин праздник паскудишь? За кого заступаешься? За меня? Да разве ж я за награды Советской власти служила? Замолчи!»

Расстроил музыку. Председатель обиделся, дочка в чулан заперлась, голосит. Гармонист завел «барыню», да тут же и пошабашил: не до танцев. На том и разошлись. Так вышло...

Километров десять мы ехали молча. Водитель посапывал, прищурившись, поглядывал влево, туда, где над дальними холмами Ставрополья обозначилась лиловая полоска рассвета.

— Не заснете? — напомнил я.

— Нет, зараз уже не засну: разбунтовал душу. Что это, скажи, пожалуйста? Вот, Кирилл Иванович наш — чем не председатель? И насчет хозяйства мастер и насчет того, что сеять и когда сеять, специалист. А нет сердца! Принял колхоз и хотя б полюбопытствовал спросить: кто его, этот колхоз, затевал, кто его строил и выхаживал? А не одни ж тут лодыри были, не одни пьяницы... У первого хуторского председателя, Филиппа Овчаренко, банда все семейство начисто вырезала; довоенный председатель Максим Рябчун скотину угонял от немцев, там и лег, в балочке, бомба его достала... Так что ж ты думаешь, Кирилл Иванович памятники поставил этим огневым мужикам? Карточки их повесил в клубе? Да он и фамилий их не спытал! Нема интересу! Хозяинует, как будто пришел на голое место, где до него и люди не жили. А оно же и молодым передается. Чуют, как мы наводим критику на минувшие годы, ну, и думают, что только зараз она и начинается, колхозная история, а то, мол, были в колхозах сплошь недостатки и неполадки...

А я бы, ей-богу, дал зараз старикам, ветеранам колхозного дела, какую-то особую отметку. Чего они не пережили! Чего не вытерпели! Может, и звание объявил бы такое: почетный колхозник. Медали бы выбил за терпение и выслугу ихних лет. Пенсии особые... Карточки бы вывесил во всех клубах. А как же...

Он вздохнул, скосил глаза вниз, на покупки, перехваченные ленточками, сказал виновато:

— А дочку я, кажись, ни за что расстроил. И она заслужила награду. Надо выдабриваться... Погоди, вот он и поворот...

Мы свернули на проселок и через полчаса въезжали в станицу. Попрощались у Дома колхозника. Водитель нахлобучил фуражку, тронулся, и вскоре красный огонек его машины растаял в предрассветной росной пыли...

СТРЕМИТЕЛЬНОСТЬ

Александр ОЗЕРСКИЙ

Я ждал Гуменника на тихой улочке у его дома: не хотел беспокоить семью. Скоро послышался резковатый рокот мотора, и с соседнего проспекта на полном ходу ворвался на улочку зеленый тупоносый катер на колесах — амфибия.

У самого подъезда машину качнуло на тормозах. От руля поднялся худощавый человек с большими светлыми глазами на продолговатом лице — Яков Гуменник.

Он порывисто поздоровался, удивленно спросил, почему я тут, и сразу открыл лючок, нырнув к мотору. Руки его, большие, темные от впитавшегося в кожу машинного масла, со сбитыми пальцами, очень бережно трогали трамблер, поправляя в нем что-то. Потом он разогнулся, сказал:

Я. Я. Гуменник.
Фото В. Скоробогатова.

— Тяжелая! Две тонны с лишним. Неоправданно много металла. Можно обойтись тонной. И скорость мала. Ну, пошли!

Дверь квартиры открыла мать, Павлина Георгиевна, строгая, темноволосая женщина. Она глядела на сына с молчаливым укором, а он ответил чуть виновато и привычно:

— Задержался, мам!

«Задержался» — знакомое слово в этом доме. Сколько раз сын приходил утром или «пропадал» в своих мастерских неделями, и в семье не знали, что и думать; конечно, звонили, искали, узнавали: жив-здоров, работает...

Про Гуменника люди говорят разно, иногда плохо: одержимый, неистовый, человек с тяжелым характером...

Со школьной скамьи он сразу пришел на шахту «Байдаевскую» в Сталинске и начал тут работать слесарем.

На шахте Яков Гуменник скоро прослыл чудаком. Кое-кто называл его бестолковым и никчемным парнем. Старшие ругали за то, что он на ремонте машин работает не так, как положено, а все с выдумками, с вывертами. Потом заметили, что парень-то не озорной и вовсе уж не такой бестолковый, если присмотреться.

Бывает на шахтах всякое. Однажды засыпало выход из штрека. В нем остались горняки. Надо было к ним пробираться с нижнего штрека. Объявили аврал. Самые сильные и выносливые начали вырубать ходок кайлами. Каждый работал в тесном ходке по пять минут и менялся, отдыхал. И все равно люди обливались потом. Пылью засыпало глаза, острые крошки угля попадали за ворот, царапали кожу до крови...

Работал тут и молодой Гуменник. Тогда его ожесточил такой первобытный способ проходки вертикальных ходков. Он присматривался к другим и тут же, на ходу, сочинял, чем можно заменить ручное кайло.

Такая мысль поселилась в голове Гуменника накрепко. Шахтер решил сделать малую проходческую машину и начал ее собирать тайком в дальнем закутке мастерской, в свободное время. Все было пущено в ход: бросовые части машин, всякий подходящий лом, даже собственный мотоцикл, недавно купленный на сбережения. Он уже знал, что использование электроэнергии в шахтах не всегда безопасно, и двигательной силой задумал применить сжатый воздух.

Когда самоделка была готова, Гуменник доложил об этом начальству и попросил испытать. Собрались горняки, пришли инженеры. Они увидели в забое низкую тележку, а на ней отрезок широкой трубы. Дали воздух, из трубы выползло этакое зубастое сооружение — диски с кайлами-зубками. Эти диски вращались, скалывали уголь, а машина все лезла вверх, упираясь своими гусеницами о стенки высверленного ходка.

— Да это же крот! — крикнул кто-то.

— Ага! Конечно! — согласился изобретатель.

В первом же испытании «крот» Гуменника прошел за час 8 погонных метров ходка, а после разных доделок увеличил скорость до 10 метров в час. О «кроте»-скороходе пошла молва. На шахту зачастили гости, и среди них ученые, конструкторы машин. Кое-кого из них озадачило: почему на дисках у «крота» кайла, зубки, а не бар с пилой, какими вооружены врубовые машины, комбайны «Донбасс»?

— Вы же отстали от жизни, молодой человек! — укоряли они Гуменника и даже не желали слушать его объяснений.

В запале горячего спора изобретатель вдруг выбежал из мастерской к отвалу, принес два больших куска угля, подал спорщику острую ножовку и предложил:

— Вот! Пилите!

Гость принялся за дело. Он пилил кусок долго, распарился, взмок; раскалилась пила. Когда он закончил свой тяжкий труд, Гуменник сказал:

— А теперь смотрите!

Одним взмахом он раскроил кайлом другой кусок угля, а для большей убедительности расколол и обе половинки.

— Понимаете? Кайло служило безотказно много веков... Уголь отлично колется. От кайла пошел в ход и зубок. Обушок с зубком...

— Да-а...— озадаченно протянул гость, но тут же спохватился: — Но это еще, знаете, не довод...

Вскоре на шахте узнали, что Гуменник хочет сделать свой проходческий комбайн. Начальник и главный инженер поддержали молодого механика, но предупредили:

— Только в свободное время, Яков! Сам понимаешь, служба, а дело ты задумал затяжное. И на материалы особо не рассчитывай: нету лишнего на шахте, сам видишь.

Отговаривали Гуменника в мастерской:

— Не ввязывайся! Пускай ученые занимаются этим, у них и время, и материалы, и денег им не жалеют. Не становись ты людям поперек дороги!

— Да они же не той дорогой идут! — возражал запальчиво Гуменник.

Шахтеры отговаривали молодого механика искренне, по-дружески, а когда после смены начал он собирать свой комбайн из разного лома, стали помогать ему.

Гуменник вместо привычного бара с пилой приделал круглый стальной щит, впереди вращающуюся штангу, а на ней диски с зубками — острые клевакй.

— Чудак! Опять идет назад, к кайлам! — стали говорить на шахте.

Это прозвище, «чудак», так и пристало к Гуменнику.

Но вот механик попросил испытать его машину в забое. Инженеры недоуменно осмотрели неказистую «телегу», а начальник шахты сказал:

— Слушай, Яков, давай-ка эту штуку в лом. Знаешь, как нужен скрап сталеварам...

Гуменник настаивал на своем. Делал он это резко, бурно и не очень уважительно, как умел. Кому охота слыть консерватором!

Спустили «телегу» на испытание в шахту. И тут начались чудеса, которые прибегали смотреть с других участков и шахт. Потом спешно приехали представители из треста, из комбината «Кузбассуголь», даже из Министерства угольной промышленности.

За несколько дней самоделка Гуменника прошла более 400 погонных метров наклонной выработки. Комбайн все время шел по пласту вверх. Помогала его ходу, упираясь о кровлю, третья гусеница.

И тогда начались поздравления. Грубоватого изобретателя спрашивали:

— Ты, случаем, не колдун?

— Да нет, я просто исправил одну ошибку конструкторов.

— Какую?

О главном преимуществе своего комбайна Яков Яковлевич рассказывал так:

— Он скалывает уголь, этот комбайн, а не пилит. Кайло — заслуженный инструмент! Ведь смешно, если в забой поставить горняка с пилой. А вот конструкторы пришли к пиле: они уменьшили кайло до размера зубка пилы и от скалывания перешли к резанию. А на резание уходит много энергии, зубки в пилках надо часто менять. Много при этом штыба — угольной пыли...

Второй образец комбайна, изготовленный по чертежам и под наблюдением Гуменника, приобрел надлежащие формы, походил на малый трактор, весил всего семь тонн, был маневренным и быстроходным.

На шахте «Абашевская 3-4» комбайн за короткое время прошел более двух тысяч погонных метров выработок. Победитовые напайки на кайлах-зубках при этом не менялись.

И вот началось победное шествие «малютки» Гуменника по шахтам Кузбасса. Она вгрызалась в землю прямо с поверхности, доходила до угольного пласта, пробивала в нем заданную выработку и выныривала на поверхность. Большой «крот»!

После опытных проходок на разных шахтах и в разных условиях комбайн вернулся на родную «Байдаевку». Машину с ходу пустили в забой, изобретатель сам сел за рычаги управления и установил рекорд скоростной проходки: бремсберг большого сечения длиной в 240 метров был пройден за трое суток. Потом Гуменник включил в ход маневровую скорость и за одни сутки пробил 121 погонный метр выработки — очередной мировой рекорд.

Подсчитали: для такого объема работ с взрывчаткой здесь потребовалось бы 500 горняков. Замечательно и то, что комбайн выдавал на-гора́ до тысячи тонн угля за день, то есть куда больше «Донбасса».

Весть о машине Гуменника полетела по свету. Сотни гостей побывали тут и видели ее в работе: гости из других бассейнов, из других стран — Китая, Польши, Чехословакии, Югославии... И многие из них допытывались у новатора: как придумал он это чудо?

Как? Павлина Георгиевна, мать Гуменника, может вспомнить бессонные ночи, когда сын в изнеможении падал у чертежного стола, когда он приходил с воспаленными глазами, а его искромсанные пальцы кровоточили. Или после очередной неудачи Гуменника встречали где-либо на пустыре: он шагал, не разбирая дорог, натыкаясь на кусты, погрязая в лужах.

Было ведь и так: опытные конструкторы не верили простому механику. Один центральный институт затребовал чертежи комбайна Гуменника, все «ошибки» изобретателя здесь были «исправлены», на экспериментальном заводе по «исправленным» чертежам выпустили 5 машин и привезли их в Кузбасс. Они не по-

шли. Лишь в жестоких спорах автор восстановил все переделанное в институте.

Всякое было...

Потом появился новый образец комбайна Гуменника, усовершенствованный. Он был рассчитан на 20 погонных метров в час и весил 11 тонн.

Казалось, что уже ничего лучшего не придумать! А Гуменник придумал: комбайн с гидротранспортером. В опытной проходке случалось часто, что горняки не успевали наращивать транспортер за комбайном, были вынужденные простои. Успех гидродобычи надоумил изобретателя использовать для уборки сколотого угля воду. Вышло! Комбайн, облегченный до восьми тонн, показал скорость 30 метров в час.

А у Гуменника зреет новый замысел: комбайн, отбивающий уголь при помощи всесильного скалывающего устройства и воды. Скорость — сто погонных метров в час. Возможно ли это? Наверно, да.

Любитель больших скоростей! Про Гуменника говорят, что в своей страсти к скоростям он загнал несколько автомашин. Когда все скорости сухопутных машин были использованы, Гуменник собрал из разных бросовых материалов глиссер и мчался на этом самодельном суденышке по Томи со скоростью 80 километров в час. На смену глиссеру, также загнанному и разбитому, пришло новое увлечение — амфибия, подаренная изобретателю. Нарушая привычные представления, он бросал свой зеленый катер с берега в стремнину реки, а затем выбирался по крутизне обратно на сушу.

И амфибия надоела. Пришло новое увлечение — вертолет. И вот среди чертежей горных машин на столе изобретателя появились легкие, изящные наброски вертолетов собственной конструкции.

...Я смотрел на чертежи, а Гуменник о чем-то вдруг задумался.

— Увы, мало времени! — вздохнул он.

Гуменника теперь часто приглашают в Москву, Свердловск, Сталинград, Ростов и в другие города, где на заводах выпускаются его машины, а в институтах его ждут для консультаций.

Он выдернул из стопки бумаг на столе какой-то лист, усмехнулся:

— А вот ракета. Двухместная, с легким оперением, скорость — три тысячи километров в час...

И тут же подсел к своим дочкам и продолжал:

— Как-нибудь в субботу сядем все вместе: мама, Галя, Оля,— и через час — море. Отдохнем там за день, а в понедельник обратно. Ну как, покатаемся на ракете?

Все согласились. Гуменник шутил, а верилось: может получиться у него и ракета. Ведь самые «нелепые» его фантазии как-то всегда в конце концов приземлялись и становились машинами, стремительными, как их создатель — простой механик, фантаст, ученый по призванию, ныне лауреат Ленинской премии.

Кузбасс. Сталинск.

ВБЛИЗИ АБСОЛЮТНОГО НУЛЯ

Ирина РАДУНСКАЯ

Математический институт имени Стеклова Академии наук СССР. Небольшое уютное здание, узкие коридоры, тишина. За дверьми рабочих кабинетов — ряды столов и классные доски. Многие из комнат пусты: математики в основном работают дома, а затем собираются, чтобы обсудить результаты. Вот и сегодня такой «сбор» в отделе теоретической физики, которым руководит академик Николай Николаевич Боголюбов.

Пока идет совещание, один из учеников академика, кандидат математических наук В. В. Толмачёв, рассказывает...

...Незадолго до первой мировой войны, вскоре после того, как был ожижен последний из благородных газов — гелий, было открыто замечательное явление сверхпроводимости. До этого считалось твердо установленным, что все вещества оказывают сопротивление проходящему через них электрическому току—одни меньше, другие больше. В результате существенная часть электрической энергии, вырабатываемой электростанциями всего мира, тратится на преодоление сопротивления проводов, вызывает их нагревание и безвозвратно рассеивается в пространстве.

Каково же было удивление голландского ученого Г. Каммерлинг-Оннеса, когда он, охладив ртуть с помощью жидкого гелия до температуры, близкой к абсолютному нулю, не обнаружил в ней никакого сопротивления электрическому току! Такое состояние металлов ученые назвали состоянием сверхпроводимости. В настоящее время известны 23 чистых металла и большое количество сплавов, обладающих сверхпроводимостью при очень низких температурах, приближающихся к — 273 градусам Цельсия. Если сделать кольцо из какого-либо сверхпроводящего металла, то ток, возбужденный в нем, будет продолжать течь сколь угодно долго, не испытывая потерь. Это явление, своей загадочностью увлекшее ученых, до недавнего времени было необъяснимо.

Несколько месяцев назад благодаря работе академика Н. Н. Боголюбова тайна сверхпроводимости перестала существовать. Толмачев показывает толстую рукопись. На ней написано: «Объединенный институт ядерных исследований. Математический институт АН СССР имени Стеклова. Н. Н. Боголюбов, В. В. Толмачев, Д. В. Ширков. Новый метод в теории сверхпроводимости. Январь 1958 года». Скоро эта рукопись выйдет в свет.

— Над этой проблемой трудились не только мы,— вступает в беседу только что вошедший в комнату Николай Николаевич.— Большой вклад в нее внесли английский ученый Фрёлих, американские ученые Бардин, Купер, Шриффер, австралийцы Шаффрот, Батлер и Блатт. Нас же подхлестнула одна заманчивая идея... Это было летом прошлого года, когда царило отпускное настроение. Дискуссия наша протекала довольно бурно, ведь у физиков-теоретиков, как известно, никогда ни по какому вопросу не бывает единого мнения. И тут мы внезапно переключились на самый жесткий рабочий режим из-за неожиданно мелькнувшей мысли...

...Слышали ли вы о явлении сверхтекучести, не менее загадочном и интересном, чем сверхпроводимость? Его впервые наблюдал в 1938 году академик П. Л. Капица. Жидкий гелий при температуре, близкой к абсолютному нулю, вдруг полностью терял свою вязкость и без всякого сопротивления начинал проходить сквозь самые узкие щели...

Долго ученым не удавалось разобраться в причинах такого явления. В 1947 году академик Н. Н. Боголюбов и коллектив его учеников блестяще решили эту проблему математическим путем.

Но ведь и явление сверхпроводимости тоже заключается в том, что электрический ток без сопротивления проходит через металл! Вот ученые и решили использовать для анализа сверхпроводимости математический аппарат, созданный для объяснения сверхтекучести. Результаты подтвердили: идея была правильной. Оказалось, что между этими явлениями существует глубокое внутреннее сходство. Что же происходит в металле, когда он перестает «сопротивляться» электрическому току?

Все, конечно, замечали, как вода просачивается сквозь песок. Так и электрический ток, представляющий собой движение электронов, просачивается между атомами металла. Электроны тормозятся атомами, которые сами находятся в непрестанном тепловом движении, колеблются. На эти столкновения и уходит энергия электронов, полученная ими от электрической батареи. Атомы металла, получив дополнительную энергию, «раскачиваются» еще больше и мешают продвижению электрического тока. Но если металл охлаждать, то тепловые колебания атомов становятся меньше, и они меньше «мешают» электрическому току. При очень низкой температуре, почти равной абсолютному нулю, когда тепловые колебания атомов крайне ослаблены, электроны тоже начинают вести себя несколько иначе. Они все сильнее связываются между собой и в некоторых металлах вблизи абсолютного нуля образуют «электронную сверхтекучую жидкость», свободно протекающую внутри металла без всякого сопротивления. Наступает состояние сверхпроводимости...

Если металл снова нагреть, атомы начнут колебаться сильнее и снова разобьют «сверхтекучую жидкость» на отдельные электроны, которые в одиночку будут затрачивать большую энергию, чтобы пробираться в металле.

Конечно, картина, которую мы нарисовали, не может отобразить все детали сложного явления сверхпроводимости. Но математическая теория, созданная советскими учеными под руководством академика Н. Н. Боголюбова, по общему признанию, объясняет весь сложный и интересный механизм этого явления.

— Многих интересует вопрос, каково практическое значение сверхпроводимости. Конечно, мы пока еще далеки от внедрения этого явления в промышленность и технику. Но не в таком ли положении была наука об атомном ядре в первые годы после открытия радиоактивности? — спрашивает академик Боголюбов.

Академик Н. Н. Боголюбов.
Фото Н. Козловского.

— Представьте себе, что ученые, опираясь на достижения науки сегодняшнего дня, сумеют получить сверхпроводящее состояние металлов при обычных температурах, а не только вблизи абсолютного нуля. Какой это произведет переворот в электротехнике! Вся колоссальная мощность Куйбышевской ГЭС сможет быть передана, например, в Москву или на Урал по тонким телефонным проводам. А теория сверхпроводимости создает предпосылки для расчета состава сверхпроводящих сплавов. Она поможет также пересмотреть теорию металлов в свете новых достижений физики и математики. Она, возможно, даст ключ для создания теории атомного ядра. Кто знает, может быть, и материя, из которой состоят ядра атомов вещества, тоже сверхтекуча? Как раз над этим вопросом сейчас и работает наш коллектив.

Жители Кричева у могилы, где похоронили Николая Сиротинина.

ЛЕГЕНДА О ПОДВИГЕ

Архив Министерства обороны СССР. Здесь хранятся документы Великой Отечественной войны. Архив получает тысячи запросов и писем трудящихся с просьбами подтвердить службу за военный период, установить судьбу родных и близких. Одно из таких писем с почтовым штампом белорусского города Кричева нас особенно взволновало. Краевед Михаил Федорович Мельников писал о том, что от колхозников деревни Сокольничи он слышал рассказ о подвиге неизвестного артиллериста, «который летом сорок первого года до самой смерти один против тысячи фашистов бился. Да так бился, что враги в изумление пришли...»

Далее краевед Мельников рассказывал: ему удалось выяснить, что неизвестного героя звали Николаем и перед боем он жил в доме Анастасии Евменовны Грабской. С помощью жителей деревни отыскался адрес дочери Грабской Марии, работающей сейчас в городе Владимире. От нее узнали, что фамилия артиллериста, кажется, Сиротников, родом он из Орла, роста был среднего, симпатичный, вежливый, спокойный, а глаза озорные, с золотинкой. И в Орле у Сиротникова оставались отец и мать...

Мельников запросил, не знает ли орловский облвоенкомат о судьбе Николая Сиротникова и его родителей. Ответ пришел отрицательный. Тогда краевед обратился за помощью в приемную министра обороны, откуда письмо переслали к нам, в архив.

И вот мы тоже принялись за поиски.

Установили, что летом 1941 года под Кричевом сражалась 6-я стрелковая дивизия, которая с боями отходила в глубь страны.

О тяжелых боях и героизме этих воинов поведали боевые документы, но самого главного для нас — списков солдат и офицеров, оборонявшихся под Кричевом,— не сохранилось.

Тогда мы решили поехать на место подвига.

Вечером прямо с кричевского вокзала заходим к Мельникову. Хозяин — дома, но болен, в постели.

Просматриваем записи воспоминаний очевидцев гибели неизвестного артиллериста. Знакомимся попутно с историей Кричева, который, оказывается, немногим моложе Москвы.

Весь день беседуем с жителями. И вот что узнаем из их рассказов.

10 июля 1941 года в деревню Сокольничи, расположенную тремя километрами западнее Кричева, прибыла наша артбатарея. Одним из орудий батареи командовал молодой артиллерист Николай. Огневую позицию он выбрал на околице деревни. Всем расчетом за один вечер были вырыты артиллерийский окоп, а затем еще два запасных, ниши для снарядов и укрытия для людей.

Командир батареи (его фамилию не удалось установить) и артиллерист Николай поселились в доме Анастасии Евменовны Грабской. Помогли хозяевам вырыть блиндаж.

Пятнадцатого утром от Могилева донеслись слабые раскаты орудийной канонады. С каждым часом они становились все громче, а пустынное ранее Варшавское шоссе заполнил поток беженцев и отступающих частей.

К вечеру 16 июля шоссе опустело. Когда уже почти все наши войска прошли, прикрывать отход поручили Николаю.

На рассвете из леса донесся рокот вражеских моторов. Начался обстрел деревни. Затем на шоссе гигантским пятнистым удавом выползла вражеская колонна. Впереди — бронетранспортер, за ним — набитые солдатами грузовики.

Замаскированная пушка ударила по колонне.

Вспыхнул бронетранспортер, свалилось в кюветы несколько покореженных грузовиков. Из леса выползли еще несколько бронетранспортеров и танк. Николай подбил танк. Пытаясь обойти танк, два бронетранспортера свернули вбок и прочно увязли в болоте.

Из-за Кричева брызнуло лучами взошедшее солнце. Атаки следовали одна за другой. Осатаневшие гитлеровцы полезли напролом. Николай сам подносил боеприпасы, наводил, заряжал и расчетливо посылал снаряды в гущу врагов.

А разрывы уже все ближе дыбили землю вокруг одинокого артиллериста. Дымились развороченные сараи и конюшня, рухнула крыша коровника. Очередной снаряд разорвался возле самой пушки, и Николай упал.

Защищать 476-й километр Варшавского шоссе стало некому...

Когда гитлеровцы ворвались в деревню, они не сразу поверили тому, что их сдерживал всего один советский воин. Они долго ходили вокруг пушки, считали пустые зарядные ящики и смотрели на заваленное техникой и трупами шоссе. Потрясенные бесстрашием артиллериста, враги не посмели надругаться над погибшим героем и сами похоронили русского солдата.

Такова история подвига неизвестного артиллериста.

Сотый раз спрашиваем мы жителей, пытаясь установить фамилию Николая.

— А знаете,— сказали нам наконец,— фамилию может знать бабка Вержбицкая: она была на похоронах и по-ихнему с главным начальником немцев разговаривала. Во-он ее хата.

Ольгу Борисовну Вержбицкую мы застали дома. Да, она знает немецкий язык. Еще молодой жила в Латвии, там научилась. Она переводила слова полковника. Длинный такой и лысый. Перед тем, как опустить артиллериста в могилу, фашисты обшарили его карманы. Нашли медальон и в нем бумажку: узенькая полоска из школьной тетради с адресом родителей.

— Переводи, что там написано, — приказал полковник.

— Я перевела, и медальон фашисты забрали. Помню фамилию — Сиротинин. Имя — Николай. Жил в Орле, на улице Добролюбова. Номер дома и отчество Сиротинина не запомнила.

— Может быть, фамилия артиллериста Сиротников?

— Нет,—покачала головой Ольга Борисовна.— Помню точно: Сиротинин.

В Орле поиски начинаем с посещения облвоенкомата. И сразу приятная неожиданность: здесь мы встречаем Героя Советского Союза полковника Мандрыкина, который в июле сорок первого года сам воевал под Кричевом. Просим его рассказать о боях.

— Наш батальон отходил по Варшавскому шоссе за реку Сож,— начал Мандрыкин.— Отступали мы последними. Сзади остался только молодой артиллерист, который обещал прикрыть наш отход. Фамилии не помню. Разве тогда до этого было! — пожимает плечами Мандрыкин.

Вместе едем в горвоенкомат. Перелистываем одно, другое, третье дело. И вдруг!.. «Сиротинин Николай Владимирович. 1921 года рождения. Уроженец Орла. Призван 5 октября 1940 года с завода «Текмаш». Отправлен в распоряжение 55-го стрелкового полка, гор. Полоцк. Домашний адрес: г. Орел, улица Добролюбова, № 32».

...Улица Добролюбова, № 32. Небольшой домик. Стучимся, заходим. Навстречу поднимается худощавый старик лет семидесяти с орденом Ленина на железнодорожном кителе. Мозолистой ладонью приглаживает стриженую под машинку голову, не мигая смотрит нам в глаза. Из боковой комнаты выходит седая женщина.

— Владимир Кузьмич Сиротинин.

— Елена Корнеевна.

— Семья у нас большая, детей пятеро,— рассказывает Владимир Кузьмич.—Я машинистом на паровозе служил, теперь на пенсию ушел. Жена — домохозяйка... Николай по возрасту был у нас вторым. Фотографии его только нет. Сниматься он был не охотник. Когда был маленьким, любил встречать мой паровоз у семафора.

— Ласковый был, работящий. Младших нянчить помогал,— добавляет мать.

— После школы работал на заводе токарем. Ушел в армию, выучился там на артиллериста...

Давно отгремели битвы Отечественной войны.

Бережно, как самое дорогое, хранят жители Сокольничей и Кричева память о погибшем артиллеристе. Тело Николая Сиротинина перенесли в Кричев, на обрывистый берег Сожа. Над могилой установили памятник. Летом налетающий с реки ветер качает ветви столетних лип, ласково шевелит принесенные жителями букеты живых цветов. И каждый, кто проходит мимо, добрым словом вспоминает погибшего героя...

Елена Корнеевна и Владимир Кузьмич Сиротинины.

Т. СТЕПАНЧУК,
Н. ТЕРЕЩЕНКО,
сотрудники архива Министерства обороны СССР

ЖИЗНЬ В ЦВЕТУ

Встречи с А. П. Довженко

Владимир **ВЛЧЕК**,
чехословацкий кинорежиссер

На киностудии «Мосфильма» идет просмотр эскизов к картине «Поэма о море». Слева направо: художник И. Н. Пластинкин, оператор Г. Г. Егиазаров, А. П. Довженко. 1956 год.

Фото А. Новикова.

Часы бесед и совместной работы с режиссером Довженко остались в моей памяти среди самых прекрасных впечатлений о пребывании в СССР. И сейчас будто слышу я голос Александра Петровича, тихий и взволнованный. До сих пор у меня перед глазами его комната в квартире на Можайском шоссе. Он любил сидеть перед большим окном, смотреть на кипевший жизнью столичный проспект, говорить о красоте.

Видел я Довженко и за камерой в минуты нелегкого осуществления его отважных планов. Ощущал справедливость его гнева на то, что техника все еще подводит, не может справиться со всем задуманным, выношенным в душе...

Вижу, как Довженко ходит по мичуринским садам, беловолосый, улыбающийся, любимый всеми и любящий... Вижу его жену — актрису и режиссера Юлию Солнцеву, ее теплый взгляд, которым она следит за каждым движением своего друга и мужа. Слышу мягкий голос Довженко, говорящего с ней, чувствую гармонию этих двух душ в их творческой борьбе, догадываюсь о той силе взаимной поддержки, которую дает их близость, общее биение сердец...

В Мичуринске. Перерыв между съемками. А. П. Довженко и Владимир Влчек. 1946 год.

А его сценарии? Сценарии Довженко всегда писал сам. Каждый сценарий был криком большого сердца, подлинно поэтическим произведением. И Довженко-режиссер считался с Довженко-сценаристом. То, что было написано в сценарии, переходило очень точно на кинопленку, правда, с одним небольшим добавлением: тут появлялся еще Довженко-живописец, помогающий выявить, подчеркнуть поэтическую сторону сценария и творчества режиссера.

Больше всего любил Довженко вспоминать о своей работе над картиной «Аэроград», которую он снимал далеко на востоке страны. Сколько раз московскими вечерами слушал я его рассказы об этих днях, о тайге: весной, когда вся она в цвету, летом, когда он бродил вдоль реки Себучар со старым охотником, осенью — в пестрых красках Сучанской долины! Тайга вся будто горит красками. И воздух здесь красочный настолько, что его почти можно захватить руками. Здесь, в глуши, жили люди, которые еще никогда не видели ни железной дороги, ни автомобиля, ни даже кино...

Мне теперь кажется: зимой у костров в глухих лесах или в низких избах, засыпанных снегом, я вместе с Довженко слушал рассказ о чудесном корне женьшене, который сюда приходят искать. Живет еще поверье, что найти этот чудесный корень могут только те, кто приходит в тайгу с чистой совестью и без оружия. И сюда идут с голыми руками, забираются в глубь дикой чащи и иной раз не возвращаются назад: нечем обороняться против медведей и тигров! Но приходят новые люди на новые поиски.

У старого охотника узнал Довженко историю арестанта, который голым переплыл пролив в восемнадцать километров шириной с острова, где он находился на каторжных работах. Затем в течение тридцати четырех лет жил один в тайге, как Робинзон.

Потом Довженко рассказывал мне о сценарии, который он написал для Чаплина. Человека увезли на пустынный остров, где он долгие годы живет жизнью отшельника. Он забывает речь. Спит на деревьях. Собственно, героем сценария был сам Чаплин. Однажды через много лет отшельнику снится его роль в кино. Он просыпается, испытывая тоску по человеческому обществу. Но с ужасом видит, что не умеет говорить и не умеет играть. Только тогда он понимает, что, будучи одиноким, человек не сможет победить природу, а, наоборот, природа побеждает его.

Слушал я и рассказ Довженко о том, как по Амуру каждый год в одно и то же время идет сплошным косяком рыба метать икру. Ее бьют веслами, но поток столь могуч, что остановить его невозможно. Инстинкт гонит рыбу на сотни километров в глубь страны, принося тысячам «переселенцев» смерть, другим тысячам — новое поколение. Не знаю, сколько раз рассказывал мне Довженко об этом,— его волновала эта неуемная сила движения.

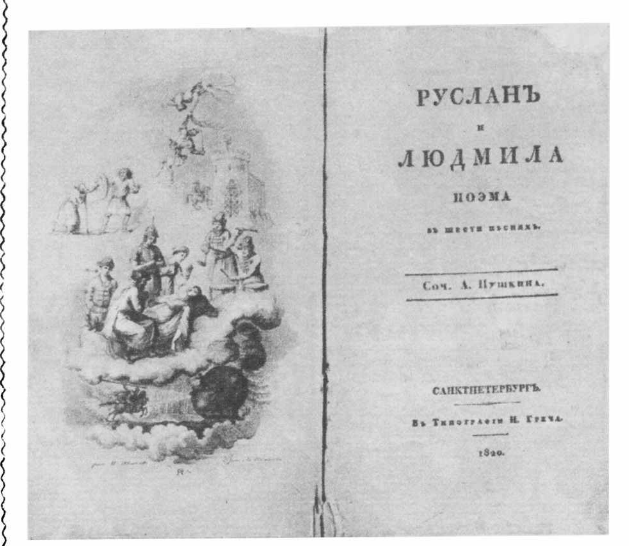
Певец монументальности, Довженко был влюблен в тайгу, в океан. Но еще более страстно любил Довженко свой народ, талантливый, мудрый, с его старинной песней и теплым юмором, с его богатырской силой, много раз проверенной в жестоких боях. Все жизненные явления понимал Довженко только в связи с народом. Народ был для него силой, всегда ясной и могучей, как его родные днепровские воды.

Конец войны застал Довженко за работой над сценариями трех фильмов: «Жизнь в цвету», «Повесть пламенных лет», «Тарас Бульба». На фронте Довженко много раз видел, как умирали люди, и в его глазах, когда он рассказывал об этом, была глубокая печаль. Из всех республик Советского Союза больше всего пострадали Белоруссия и родная художнику Украина. Но уже из развалин вырастали новые города, плотины и фабрики. И глубокая печаль певца претворялась в его «думы».

Я наблюдал, как далеко от Москвы, и казалось, далеко от всего мира, в садах старого профессора-исследователя Довженко снимал цветной фильм о Мичурине. Я видел его увлекающее вдохновение и его сильный гнев из-за каждой мешавшей ему небрежности. Атмосферу, всегда создававшуюся вокруг Довженко, трудно выразить словами. Может, о ней скажут некоторые отрывки из наших разговоров, которые мне удалось в какой-то мере записать.

Представьте себе утомительную жару. В течение долгих часов на ярком солнце идет съемка. А в полуденный перерыв или к вечеру мы вдвоем усаживаемся в тени под яблонями. Широкая русская равнина вокруг застыла в ти-

Пражская сокровищница

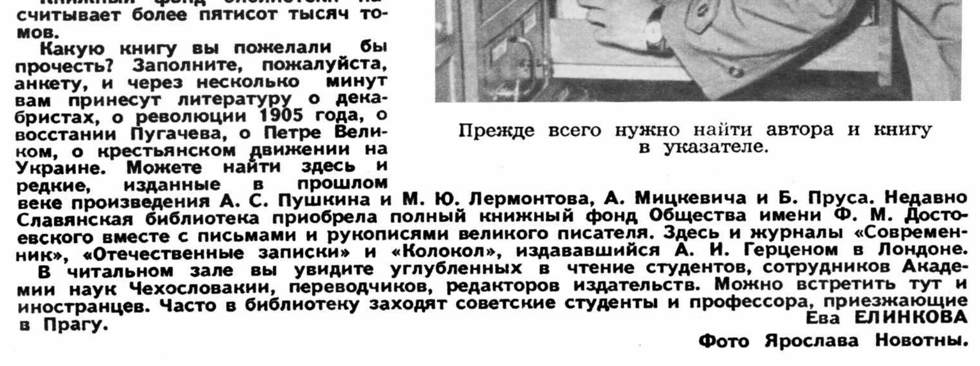

Одно из первых изданий «Руслана и Людмилы», хранящееся в Славянской библиотеке в Праге.

Если вы будете в Чехословакии, в Златой Праге, обязательно зайдите в Славянскую библиотеку.

Там вас приветливо встретит директор доктор Страндел. Он пригласит вас в свой кабинет, предложит мягкое кресло, расскажет много интересного.

Славянская библиотека, созданная еще в 1924 году, поддерживает связи со всеми странами народной демократии. Ее сотрудники следят за новинками и постоянно пополняют книжный фонд, систематически переписываются с библиотеками Советского Союза, обмениваются публикациями с Германской Демократической Республикой, получают журналы, издаваемые Колумбийским университетом в США.

Книжный фонд библиотеки насчитывает более пятисот тысяч томов.

Прежде всего нужно найти автора и книгу в указателе.

Какую книгу вы пожелали бы прочесть? Заполните, пожалуйста, анкету, и через несколько минут вам принесут литературу о декабристах, о революции 1905 года, о восстании Пугачева, о Петре Великом, о крестьянском движении на Украине. Можете найти здесь и редкие, изданные в прошлом веке произведения А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, А. Мицкевича и Б. Пруса. Недавно Славянская библиотека приобрела полный книжный фонд Общества имени Ф. М. Достоевского вместе с письмами и рукописями великого писателя. Здесь и журналы «Современник», «Отечественные записки» и «Колокол», издававшийся А. И. Герценом в Лондоне.

В читальном зале вы увидите углубленных в чтение студентов, сотрудников Академии наук Чехословакии, переводчиков, редакторов издательств. Можно встретить тут и иностранцев. Часто в библиотеку заходят советские студенты и профессора, приезжающие в Прагу.

Ева ЕЛИНКОВА

Фото Ярослава Новотны.

шине, и слова Довженко прерываются только легким стуком: зрелые яблоки падают на сухую землю...

«Мичурина» я хочу сделать так, чтобы никто не заметил в этом фильме работу режиссера, актера или оператора... Я хотел бы потеряться в этом фильме,— говорил Довженко.— И актеров я старался выбрать таких, которые бы «жили» в роли. Это нелегко: многие наши актеры находятся под влиянием ложной театральной традиции, не умеют играть чисто кинематографически...

Главным актером у меня является природа. Она не должна быть только кулисами! Важно ее поэтическое изображение, я сказал бы даже, любовное изображение... Труднее всего знать, что́ не нужно снимать. Бо́льшую часть вещей не нужно снимать. В кино так же, как у живописцев, сюжеты не должны иметь случайный характер.

Жизнь Мичурина,— продолжал Довженко,— меня всегда волновала. Я тоже когда-то разводил сад в Киеве, вокруг киностудии. Жизнь Мичурина — это великая вера в победу. Пятьдесят лет непрестанных опытов, частых неудач и непонимания. Пятьдесят лет на одном и том же месте, под одними и теми же деревьями — пятьдесят раз в цветах весны и в грусти осени... Это уже не только вера, это любовь — любовь к деревьям, цветам, к природе. Эту его любовь к природе я и хотел бы показать в каждом кадре своего фильма. Я хочу показать природу обыкновенную, будничную, зато любимую. Не будет постоянно светить солнце, и люди не будут делать ничего необыкновенного. Я хочу показать жизнь простую, но показать так, что, когда все эти кадры соберутся вместе, получится жизнь в цвету, необыкновенная, чудесная, творческая и великая, потому что у этих на первый взгляд самых простых и будничных людей был свой план и своя цель — и высокая цель!..»

Большой художник, Довженко любил краски. Мы, кинорaботники, часто разбирали его мысли, которые он высказал нам на конференции по цветному кино в Москве:

«Начинаем разговор, который будем вести всю жизнь... Начинается самая радостная эпоха кинематографии.

Для чего нужен цвет? Потому что он красив, празднично. После цветного кино нам не хочется черно-белого так же, как после сладкого не хочется горького...

Если до сих пор еще бранят цветное кино, то это потому, что своим несовершенством в передаче цветных тонов оно еще не убеждает зрителя. Под влиянием цветных фильмов зритель учится сильнее воспринимать краски в своей повседневной жизни. Но в этом-то именно и заключается наша ответственность. Мы не должны вести зрителя к разочарованию... Так же было и со звуком. Им мы тоже должны были сперва овладеть технически для того, чтобы иметь возможность творчески, художественно им оперировать... Художник не должен утомлять. Постепенным усилением цветных композиций он должен поддерживать интерес зрителя...

Некоторые режиссеры видят в природе только кулисы. Этот взгляд мстит за себя. Природа должна не только иметь «драматическую ценность», она должна укреплять душевный горизонт человека... Я не люблю холодное синее небо с «профессиональными» облаками. Я люблю черные тучи, небо перед грозой, а если уж синее, так в сильный летний зной... Вспоминаю один американский цветной фильм, в котором был великолепный кровавый закат над океаном. Этот кадр стоил половины картины. Тогда я особенно сильно почувствовал, как цвет может действовать на человека...

Все эти мысли направлены к одному: правдиво показать человека... В цветном фильме нельзя «мошенничать»: здесь актер словно под микроскопом. Поэтому от актеров в цветном кино требуется гораздо больше. Нужно, чтобы в них самих были внутренние человеческие качества, которые в сумме дадут результат в виде фильма, о котором мы только пока мечтаем.

Искусство должно быть праздником. Живопись тоже не является просто воспроизведением той или иной сцены из жизни. Художник должен поставить перед собой цель. Общество могут вести к лучшему лишь те, кто сами чисты и просвещенны».

...Часто вспоминается мне теперь день, когда мы приехали из Москвы в мичуринские сады и радовались огромной массе яблок и груш. Довженко сказал: «Я хотел бы иметь рядом со своим домиком цветущие деревья, чтобы, выйдя, дышать ароматом цветов и слушать первых пчел...»

Мы говорили о красоте расцветающих садов, и он произнес, явно вспоминая войну: «Не понимаю, как можно под цветущим деревом убить человека. Думаю, что под расцветшей яблоней нельзя даже браниться».

Раз жарким летом мы выехали на съемку. Несколько десятков километров по выжженной равнине, без единого дерева, в страшный зной, в облаках пыли «отгрохали» мы на «виллисах». Наконец деревья, тень, река. С восторженным ревом мы попрыгали в воду и вернулись к камерам по прошествии довольно долгого времени.

Александр Петрович сидел над речной долиной в задумчивости и приветствовал нас покачиванием головы и словами, в которых были и упрек и грусть: «Я, вероятно, уже стар — не понимаю этот ваш крик. Как вы можете так орать, когда здесь так тихо и так хорошо...»

Довженко особенно влекли к себе фруктовые деревья. Он рассказывал мне о Персии, где был когда-то такой закон, что человек, желающий жениться, должен сперва вырастить хотя бы одно фруктовое дерево. «Это надо было бы завести во всем мире»,— прибавил он.

Однажды, вернувшись с поисков «натуры», он сказал:

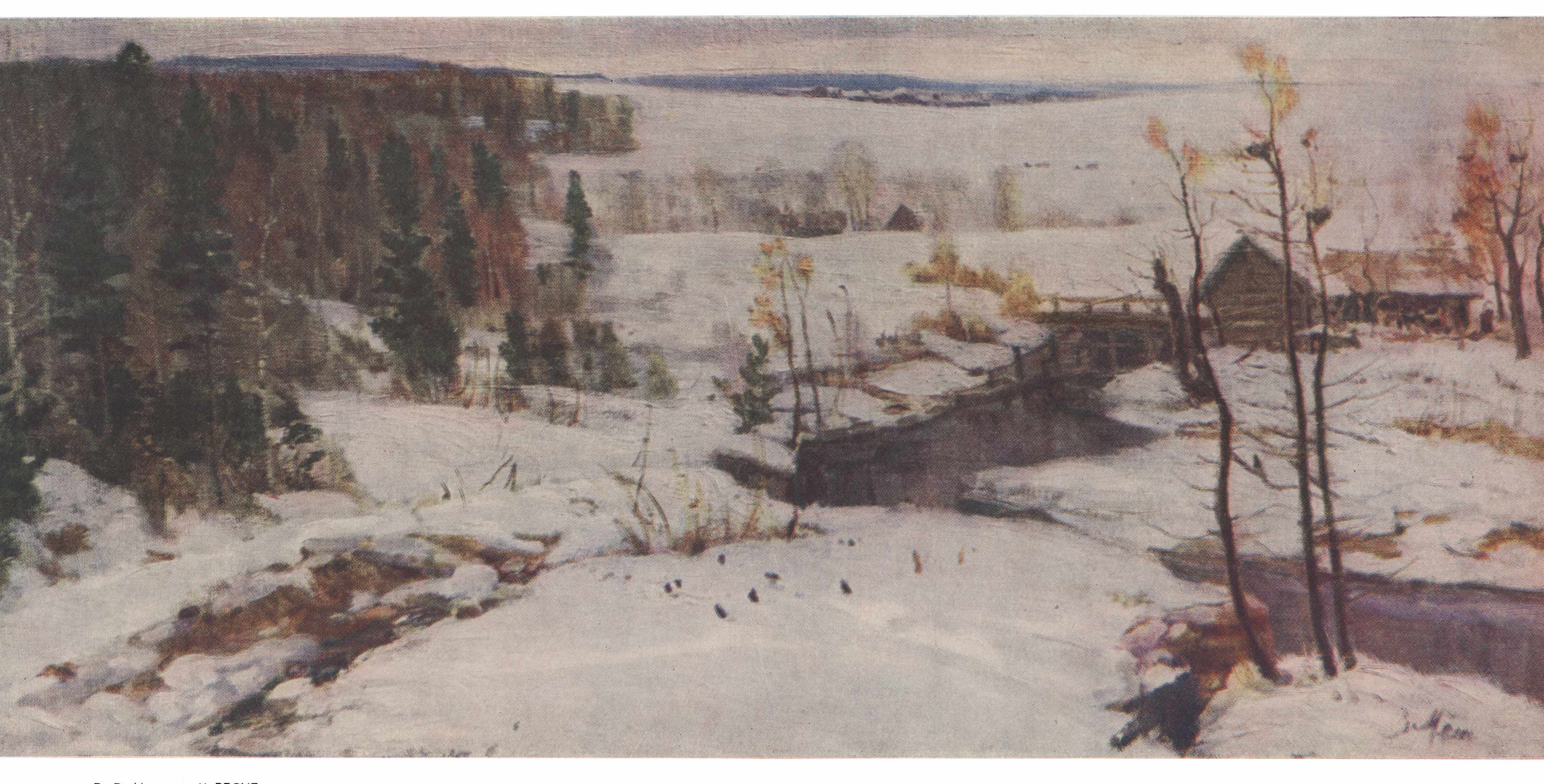
«Я видел день, полный солнца и красок, насыщенный красотой на небе и на земле,— день, которого не было вчера и не будет уже завтра, день, похожий на человека на вершине его творческой силы, в минуту самого радостного художественного вдохновения... Самым скучным бывает в цветном кино небо. И зелень бывает скучной. Но сегодня был день, насыщенный красотой и в зелени и в тени — всюду полный действия...»

Часто говорили мы с ним о Праге. Он побывал у нас в 1930 году. Больше всего тогда понравились ему Старый город и Золотая улочка, и он вспоминал их. О наших чешских фильмах он говорил: «Маленький народ может делать свои фильмы так, чтобы они были понятны всему миру. И не забудьте, что по кинематографии измеряется культура народа!»

После окончания работы над «Мичуриным» Довженко планировал съемки «Тараса Бульбы» и «Повести пламенных лет». Он читал мне сценарии этих подготовляемых фильмов. Они волновали силой мысли, поэтичностью концепции, орлиным полетом их автора. Жаль, что он не смог осуществить их.

С волнением знакомился я с его последним сценарием — «Поэма о море». Вспоминаю, как при нашей последней встрече в Москве в 1953 году он рассказывал о Каховке, что полюбил он людей на этой большой стройке коммунизма, что даже думает переселиться туда навсегда.

В мыслях, а главное, в сердцах кинематографистов всего мира еще долго будет звучать его «дума» — поэтическое ви́дение мира, пламенная вера в справедливость борьбы за лучшую жизнь человечества, любовь к людям.

В. В. Мешков. К ВЕСНЕ.

«Огонек».

В. В. Мешков. КЕМЬ.

В. В. Мешков. РАННИЙ СНЕГ.

Е. А. Зайцев. КОНСТАНТИН ЗАСЛОНОВ.

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 40-летию Октября.

П. Д. Бучкин. А. М. ГОРЬКИЙ И Ф. И. ШАЛЯПИН.

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 40-летию Октября.

Сколько света вокруг!

Владимир ФЕДОРОВ

Рисунки Б. ЗЕЛЕНСКОГО.

Настоящее

Юрию Герасименко

Жаль мне, друг, стихотворцев, которые
Ткут сонеты за рамой двойной.
Настоящая аудитория
Там, где ветер гуляет степной.

Там, где грудами свекла навалена,
Где обветрены лица девчат
И где парни в тельняшках засаленных
«Гей, полундра!» с комбайна кричат.

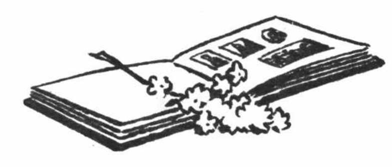
Что им лирика, в ступе толченная!
Друг, покрепче стихи приготовь.
И попросит девчонка смущенная
Что-нибудь прочитать про любовь.

Глянь на руки ее работящие,
В озорные глаза погляди:
Ей с душою подай — настоящее!
Так, чтоб дрогнуло сердце в груди!

И плывет пред глазами минувшее,
И, щекой на ладонь опершись,
Поседевшая женщина слушает
Про свою, а не чью-нибудь жизнь.

Трет косынкой глаза свои влажные,
Вдруг засветится в них огонек,
И вдова про печали вчерашние
Позабудет: — Спасибо, сынок...

Слово к друзьям

Первый гром. Яркий свет.
Буйный вешний расцвет.
Далеко и мороз и зной.
Мне сегодня исполнилось
Тридцать лет,
Только я не прощаюсь с весной.

Как свежа синева!
Как трепещет листва!
Как манящая даль светла!
Обращу понежней,
Подушевней слова
К той, что жизнь мне и крылья дала.

Все тогда расцветет
Белым цветом кругом.
Жалко вот — маловато друзей...
Но раскрою альбом —
И друзей полон дом,
Хватит места гвардии всей:

Тем, кто в скалах под Веной
Пролил свою кровь
В девятнадцать неполных лет;
Тем, кто верит в мечты
И в большую любовь
И теперь не согнется, нет!

Пусть не все, что задумано,
Сделали мы,—
Все исполним в свой срок сполна!
Сил у лютой зимы
Брать не будем взаймы!
В наших душах звенит весна.

От имени однополчан

Л. Г.

Друг мой, ровесник,
Однополчанин,
Мы сýдьбы связали
Крепким узлом.
В свирских лесах
Штурмовыми ночами
По бездорожью
Шли напролом.

Было тогда нам
По восемнадцать.
Крепко держали
Знамя отцов.
Мы никому
Не позволим смеяться
Над родословной
Юных бойцов!

Раны отцов
Отзывались в нас болью,
В сердце несли мы с тобой
Их мечты.
Кажется мне,
Что сражался в Триполье,
Бил богачей
Не отец твой, а ты.

Сельский учитель,
Поэт невезучий,
Сердце горит не напрасно...
Дай срок!
Верь мне:
Стихи твои колкие лучше
Гладеньких, мягоньких,
Тепленьких строк.

Смело ответь
На смешки чистоплюям,
Пусть они знают,
Кто ты такой.
Мы за отцовское дело
Воюем
Словом горячим,
Хлесткой строкой.

Друг мой, ровесник,
Однополчанин,
Мы сýдьбы связали
Крепким узлом.
Пусть о минувшем вздыхают
Мещане.
Песня их спета.
Рухлядь — на слом!

Донец

Донец, Донец, родимая река,
Вновь где-то за зеленой буйной чащей,
Как в детстве, ты сверкнул издалека
И сердце сталью полоснул блестящей.

Ты не широк, но высоки горбы.
Не ивы и не тонкие березки,
Нет, над тобой склоняются дубы.
Всей грудью я вдыхаю ветер хлесткий.

Мне хорошо. Мы вместе наконец!
А волны родниковые все те же.
Так дай испить твоей воды, Донец!
Так влей мне в грудь побольше силы свежей!

* * *

В этом блеске луны удивительной
Все особенным кажется мне,
Словно скоро конец увольнительной
И в казарму пора старшине.

Опьянев от неистовой лунности,
Я в глаза дорогие гляжу,
Словно вправду сегодня, как в юности,
Лишь до хаты тебя провожу.

И душа наливается песнею
И мечтами шальными звенит.
Пусть над нами звездой неизвестною
Новый спутник сейчас пролетит!

Унава

Густая дубрава,
В траве звон кузнечика.
Унава, Унава —
Прозрачная речка.

Пусть шепчут вершины!
Нам славно под ними.
Галина, Галина —
Певучее имя.

От яркого света
Роса заискрилась.
А может, все это
Мне только приснилось!

А может, вершины
Дубравы зеленой
Я видел, Галина,
Из окон вагона!

Не грохот состава —
В ушах звон кузнечика.
Унава, Унава —
Прозрачная речка.

Радость

Нет в помине росы.
Полдень жаркий.
Две пшеничных косы
На байдарке.

Золотится спина
От загара,
Да вскипает волна
От удара.
Только брызги вокруг,
Только ветер.
Знойный бор, сочный луг...
Сколько света!
Как пошла, как пошла —
Не уймете!
Два весла — два крыла,
Вся в полете.

Знойный бор, сочный луг —
Все несется.
Сколько света вокруг,
Сколько солнца!

От души

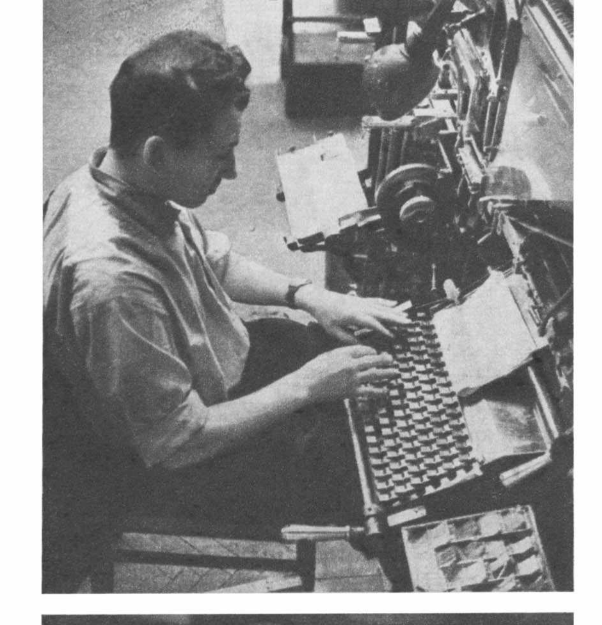
Наклонилась опять
Над корытом пенным.
И сорочку стирать
Можно вдохновенно!

Ну и трешь, ну и трешь,
Ну и выжимаешь!
Поглядишь, подмигнешь:
— Сам, мол, понимаешь...

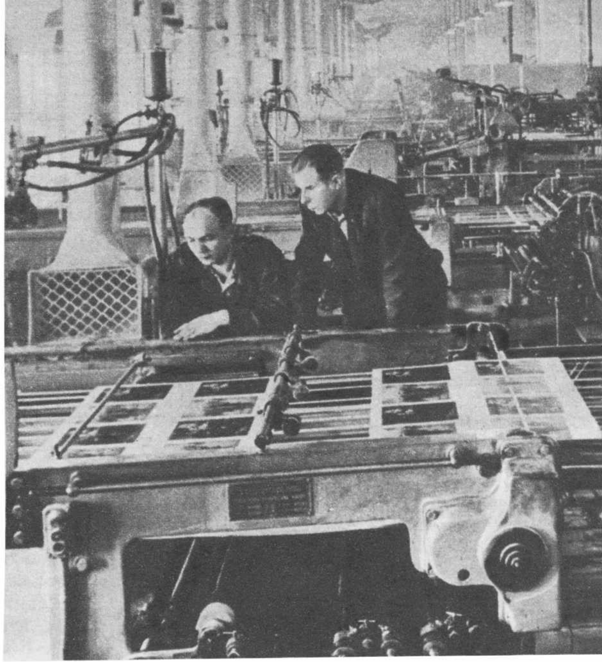
Вышивала сама,
Да сама и шила,
И стирала сама,
И сама сушила.

К шелку синих цветов
Ветер прикоснется.
Это милой любовь
Светится на солнце.

Харьков.

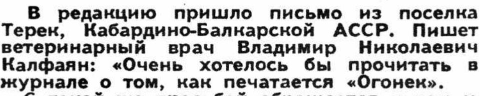

ЗДЕСЬ ПЕЧАТАЕТСЯ ОГОНЁК

А. СТАРКОВ. Фото И. ТУНКЕЛЯ.

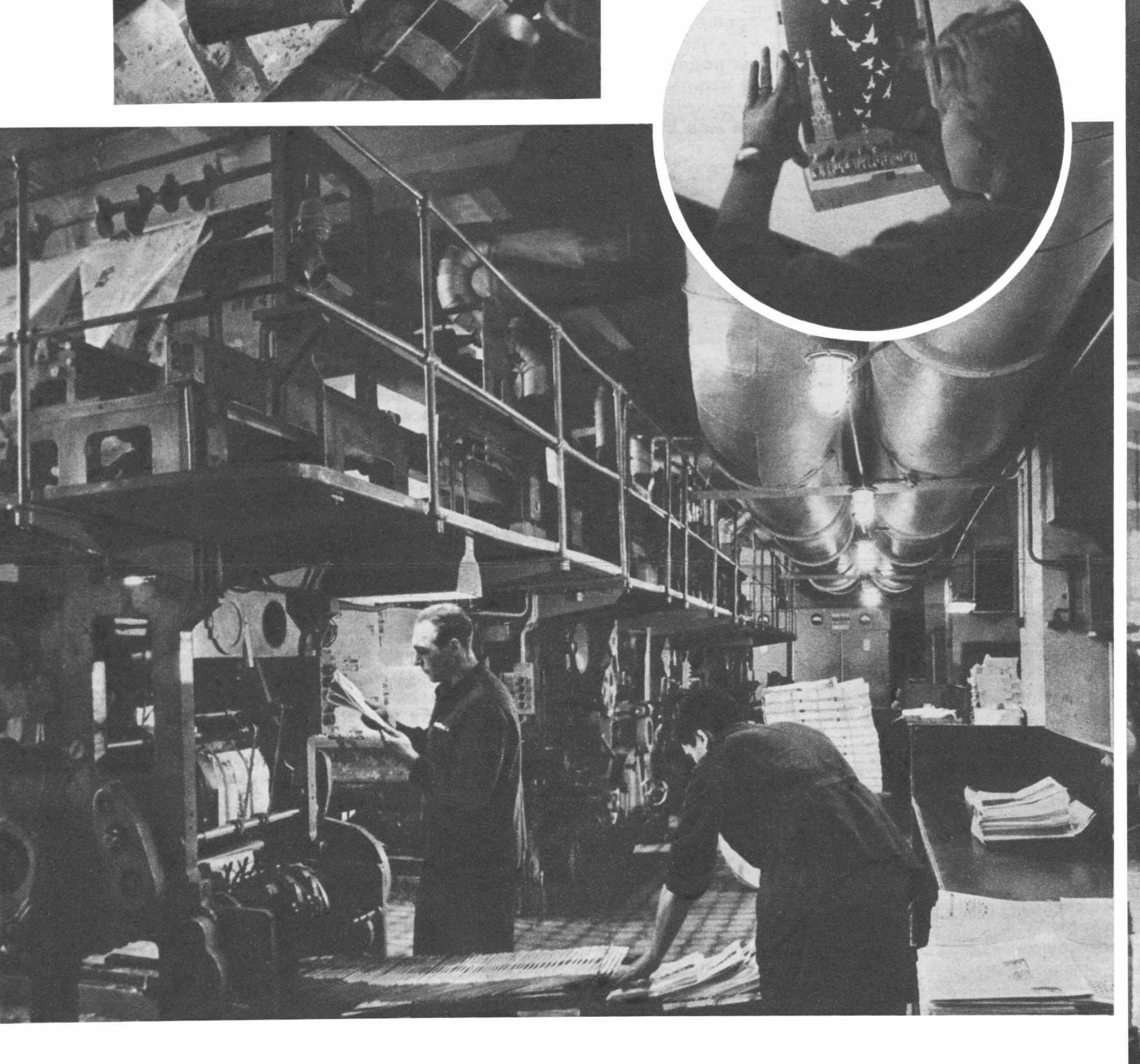

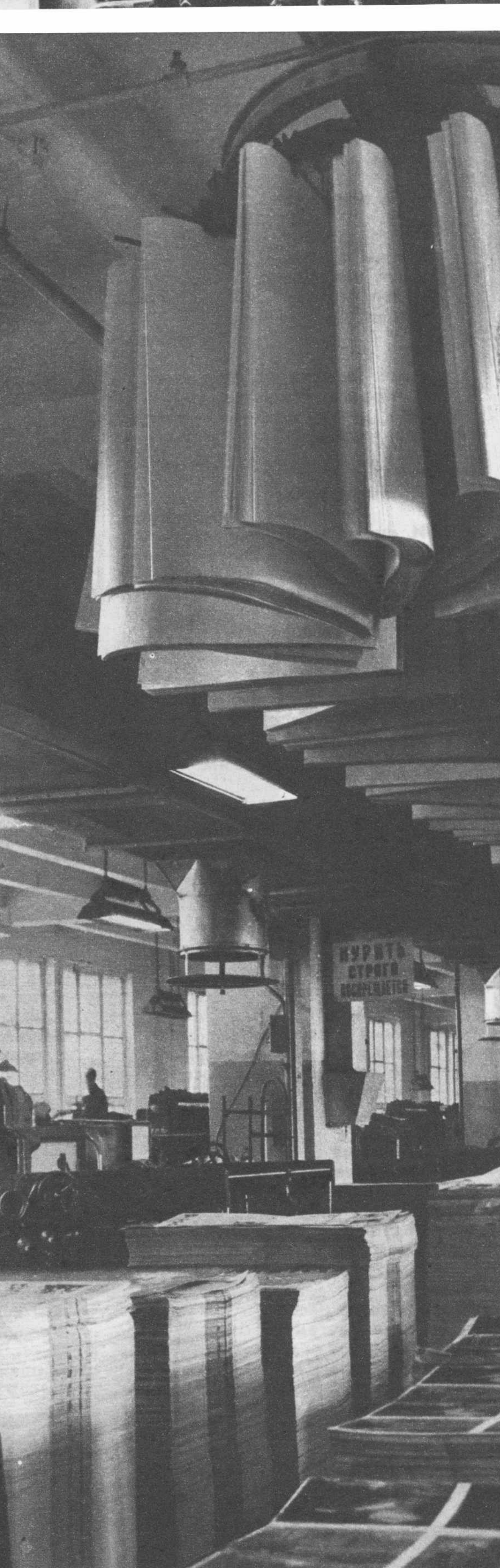
В редакцию пришло письмо из поселка Терек, Кабардино-Балкарской АССР. Пишет ветеринарный врач Владимир Николаевич Калфаян: «Очень хотелось бы прочитать в журнале о том, как печатается «Огонек».

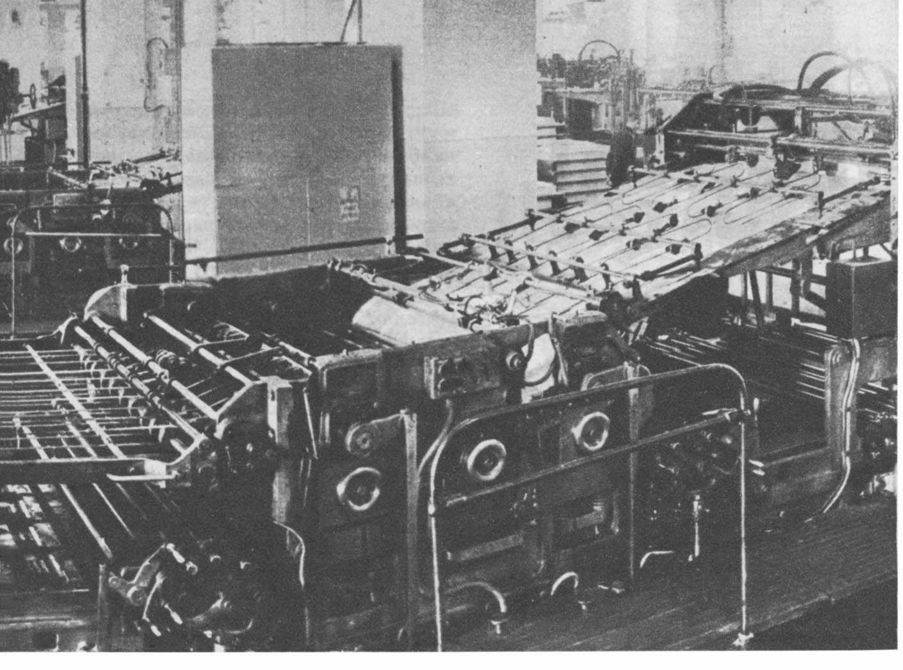
С такой же просьбой обращается к нам и библиотекарь Екатерина Чеботаревич, которая живет в Кармянском районе, Гомельской области.

К сожалению, полностью удовлетворить интерес наших читателей к тому, как печатается «Огонек», трудно. Рождение такого журнала, с тиражом в 1 400 тысяч экземпляров, имеющего многокрасочные обложки и вкладки,— процесс длительный и сложный. Достаточно сказать, что в нем участвует 600 человек и 30 машин. Чтобы подробно рассказать об этом процессе, потребовалось бы слишком много места.

Фотографии, которые вы видите на двух этих страницах, должны дать лишь некоторое представление о том, как делается «Огонек», и о тех, кто его делает,— о людях типографии издательства «Правда».

На первом снимке вы знакомитесь с линотипистом Михаилом Буяновым. К нему поступают из редакции рукописи, и он отливает слова этих рукописей в металл. Буянов — виртуоз своего дела: он может набрать за смену до 90 тысяч печатных знаков. Иногда ему приходится набирать и собственные произведения: он пишет стихи, которые публикуются в многотиражной газете «Правдист».

Обложка «Огонька» многокрасочная. С оригинала цветной фотографии или рисунка снимаются три негатива — для желтой, красной и синей красок. После чего изготовляются диапозитивы. Вы видите один из диапозитивов обложки первомайского номера «Огонька» в процессе ретуши.

Кстати, о красках. Знаете, сколько краски уходит на один номер журнала? Восемь тонн!

Николай Павлович Холошин — человек очень важной и, мы бы сказали, очень тонкой профессии. Он травильщик: готовит печатную форму «Огонька». От рук Холошина, от его мастерства, от его художественного вкуса в значительной мере зависит внешний облик журнала.

Вот мощная ротационная машина, которая печатает все тридцать две однокрасочные полосы «Огонька».

На следующих двух снимках — цехи типографии, где печатаются цветные вкладки. А что это висит под потолком? Пачки бумаги. Бумага поступает издалека — из холодных и теплых краев. Ей надо привыкнуть к «климату» типографии. Иначе она будет при печатании деформироваться. Пачки все время в движении. Путь через весь цех они проделают за несколько часов. Этого достаточно, чтобы бумага полностью «акклиматизировалась»...

А сколько всего бумаги «потребляет» один номер «Огонька»? В плановом отделе издательства «Правда» нам сообщили: чтобы отпечатать 1 400 тысяч экземпляров журнала, требуется 265 тонн высокосортной бумаги. Это почти целый железнодорожный эшелон.

Мастер участка Николай Власович Дроженников, протерев очки, придирчиво разглядывает свеженький, только что вышедший из машины оттиск. Как легла краска? Не «сдвинулось» ли изображение? Сколько вот таких оттисков прошло через руки Власыча! «Огонек» он печатает с первых его номеров. А вообще-то стаж у него — без двух лет полвека. У Дроженникова много учеников. Один из них стоит рядом — Владимир Максимов. Он молодой человек, но старый печатник, который, можно сказать, почти полжизни отдал полиграфии: двенадцать лет из двадцати семи. Под началом у него великолепная современная печатная машина.

Набраны, сверстаны, отпечатаны однокрасочные полосы, лежат штабеля обложек, готовы все вкладки. Теперь все это нужно соединить — «собрать» журнал, как собирают, например, из деталей автомобиль. Сборка «Огонька» поручена умнейшим и дисциплинированнейшим машинам, которые сами подбирают, складывают, сшивают и обрезают «детали» журнала, отбраковывая негодные.

И вот у вас в руках пахнущий типографской краской «Огонек». Вы начинаете его читать...

ДЕКЛАРАЦИИ И ФАКТЫ

(Письмо из США)

Альберт КАН

За последнее время наш президент и государственный секретарь не раз подчеркнуто заявляли, что для смягчения международной напряженности прежде всего должен быть решен германский вопрос. Любой здравомыслящий человек в США понимает, что эта проблема имеет существенное значение для дела мира. Но тем больше оснований у каждого американца вспомнить именно теперь, когда человечество ждет встречи на высоком уровне, в чем же суть этой проблемы, откуда и почему она возникла.

Если послушать Эйзенхауэра и Даллеса, то Германия остается до сих пор разделенной потому, что «Советское правительство не выполняет соглашений». Увы, такие утверждения совсем не новы. Сколько раз слышали мы их от американских государственных деятелей! Однако повторять без конца одно и то же — вовсе не значит изрекать истину.

Попробуем разобраться. Не требуется особо хорошей памяти, чтобы вспомнить, о чем договорились державы, подписавшие Ялтинские и Потсдамские соглашения. Они совместно обязались уничтожить язву нацизма в Германии, положить конец германскому милитаризму, наказать виновных за жестокости и военные преступления, ликвидировать военную мощь германских монополий. Но кому не известно, что уже через год после войны выяснилось нежелание правительства США проводить в жизнь программу Потсдама? Это было настолько очевидно, что бывший министр финансов Генри Моргентау выступил в 1946 году со следующим откровенным предупреждением в адрес тогдашнего государственного секретаря Джеймса Бирнса:

«Если мистер Бирнс намерен поставить крест на Потсдамском пакте... тогда я предсказываю, что мы попросту повторим фатальные ошибки Версаля и заложим фундамент третьей мировой войны».

Это предсказание оправдалось с ужасающей точностью. Правда, восточная часть Германии оказалась вне досягаемости для оправившихся и получивших мощное покровительство милитаристов и индустриальных баронов. Но на западе Германии все шло поразительно сходно с эпохой планов Дауэса и Юнга. Если тогда, в двадцатых годах, сотни миллионов долларов хлынули из Америки в Германию и помогли немецким промышленникам и банкирам перевооружить свой рейх и привести к власти нацистских милитаристов, то теперь миллиарды долларов, притекших со времени плана Маршалла в Западную Германию, дали возможность повторить то же самое в значительно более короткий срок.

Знаменитый прусский военный теоретик Карл фон Клаузевиц писал в своем труде «О войне»:

«Даже конечный исход войны не должен рассматриваться как окончательный. Побежденная нация часто видит в этом только переходную фазу и полагает, что дело может быть исправлено с помощью политических комбинаций». НАТО, как известно, открыла путь к этим комбинациям.

А незадолго до конца второй мировой войны гитлеровский генерал Отто фон Штюльпнагель, гаулейтер оккупированной Франции, писал в секретном меморандуме в Берлин:

«Какое нам дело до поражения, если огромные потери в людской силе и материалах, которые мы причинили нашим противникам и соседним территориям, дали нам еще большее превосходство в отношении населения и экономики, чем в 1939 году? Завоевание мира потребует нескольких этапов, но главное заключается в том, что конец каждого этапа приносит нам экономический и индустриальный потенциал, превышающий то, чем обладают наши враги».

Штюльпнагель, оказывается, не бросал слов на ветер. Сегодня благодаря американской помощи германские миллиардеры, процветавшие при Гитлере, производят втрое больше угля и химических продуктов и вдвое больше стали и электроэнергии, чем пострадавшая от нацистов Франция.

Бывшие нацистские чиновники командуют в государственном аппарате Бонна. Бывшие гитлеровские генералы стоят у колыбели нового бундесвера. Мудрено ли, что там пышно расцветает прежний прусский дух? Достаточно напомнить, о чем мечтает фельдмаршал фон Леб: «Мы, старые солдаты, хотим только одного: чтобы новые, молодые войска были проникнуты тем же духом, что и солдаты двух предыдущих войн».

Недалеко ушли от гитлеровских генералов и руководящие деятели боннского правительства. Военный министр Штраус доказывает, что налицо «моральные и правовые основания» для «освобождения всей Центральной Европы и восточноевропейских народов с помощью политических средств». Каковы эти «политические средства», Штраус уточняет тут же, всячески похваляясь тем, что у западных держав хватит атомных и водородных бомб, чтобы «стереть Советский Союз с лица земли».

Единственное «воссоединение» Германии, о котором согласны разговаривать эти господа, — это полное поглощение существующего на востоке второго германского государства — ГДР. А заодно и «других восточных территорий», которые они рассчитывают поставить на колени при помощи американского ядерного оружия.

В Соединенных Штатах в среде «большого бизнеса» можно сегодня найти немало энтузиастов идеи «похода на Восток». Не только бароны Рура пожинали обильный урожай от гитлеровской войны. Они по-братски делили прибыли с американскими коллегами. Соглашения между американскими и германскими картелями продолжали «мирно» существовать и во время войны. В сенатской комиссии был как-то оглашен целый список американских фирм, состоявших тогда в картельных связях с гитлеровскими трестами. Среди них «Агфа Корпорэйшн», Алюминиевая компания, Карбидный химический трест, «Истмэн-Кодак», «Проктор и Гэмбл» и многие другие. Крупнейший немецкий электротехнический концерн «Сименс-Гальске», который конструировал газовые печи для крематориев Освенцима, сохранял до конца войны патентные и картельные соглашения с американскими фирмами «Вестингауз-Мэнюфэкчюринг», «Бэндикс Авиэйшн» и прочими.

Или возьмем «Дженерал моторс». Эта корпорация, имеющая сейчас настолько большое влияние в правительстве Соединенных Штатов, что некоторые остряки называют кабинет Эйзенхауэра «кабинетом Кадилляка», в дни войны находилась в самых «сердечных» отношениях с германским акционерным обществом «Опель», поставлявшим автотранспорт для гитлеровского вермахта.

В глазах наших миллиардеров Потсдам и Ялта с самого начала были не более как клочками бумаги. О том, как в этих кругах относятся теперь к проблеме воссоединения Германии, весьма точно сказал недавно видный вашингтонский публицист И. Ф. Стоун:

«Интересы Рокфеллеров, то есть нефтяной компании «Стандард Ойл» и банка Чейз Нэшнл, таковы, что Рокфеллеры предпочитали бы на длительный срок видеть Германию расколотой. Воссоединенная Германия означала бы крах того плана восстановления германских монополий, который они упорно и успешно проводили в жизнь до сих пор... Их вполне устраивает то положение, в котором Германия находится сейчас».

Трудно найти более яркое персональное воплощение политики возрождения германских монополий, чем Джон Фостер Даллес. В памяти знающих людей, как на экране кино, проходят те коммерческие дела, которые имел в свое время нынешний государственный секретарь с крупнейшими германскими банками и концернами. Проходят и более ранние «кадры»: Даллес — эксперт по планам Дауэса и Юнга, вскормившим гитлеризм; Даллес — глава юридической фирмы «Салливэн и Кромвелл», этого усердного посредника между магнатами Уолл-стрита и Рура; Даллес — директор «Интернэйшнл Никель оф Канада», треста, против которого американское правительство возбудило в 1946 году судебное преследование за картельные связи во время войны с «ИГ Фарбениндустри».

Перед самым концом второй мировой войны сенатор Клод Пеппер заявил:

«Из деловых связей мистера Даллеса, о которых, как я полагаю, важно знать американцам, заслуживают наибольшего внимания его отношения с теми германскими банковскими кругами, которые сделали партию Гитлера движущей силой в политике... Мне кажется, что это должно стать предметом специального сенатского расследования, прежде чем доверять установление мира человеку с такими взаимоотношениями в прошлом».

Едва ли найдется в Америке человек, который за эти годы сделал бы больше, чем Даллес, для восстановления германского милитаризма и подрыва единства Германии.

С некоторого времени американцев начинает все больше беспокоить политика правительства в германском вопросе. Все отчетливее проступает у нас мысль, что восстановить единство Германии невозможно, пока Западная Германия остается в НАТО и рассматривается Соединенными Штатами как ключевая позиция в действиях против Советского Союза.

Разделенная Германия — это органический продукт холодной войны, ветер которой подул с Запада. Воссоединенная мирная Германия может родиться только из здоровых отношений и добрососедского сотрудничества между самими немцами.

Как сообщает французский журнал «Пари Матч», в лесах Федеративной Республики Германии, лежащих по границе с Чехословакией и ГДР, расположены склады «головок» американских ракет среднего радиуса действия. «Головки» могут нести как «классическое» взрывчатое вещество, так и ядерный заряд»,— пишет журнал. Склады охраняются специальными подразделениями американской оккупационной армии, использующими собак-ищеек.

Фото из французского журнала «Пари Матч».

А. ГРИГОРЬЕВ

Рисунки А. СОЛОВЬЕВА.

Вы проживаете в Свердловске, и вам понадобилось приобрести несколько обычных мужских сорочек к синему и серому костюмам и с воротничком обязательно тридцать девятого размера.

Вы, естественно, идете в магазин, где под стеклом витрины, аккуратно запакованные в целлофан, лежат рубашки: голубые, фисташковые, сиреневые, салатные, в полоску и однотонные, с воротничками различных фасонов... Вы уже выбрали себе рубашку по вкусу. Но затем, увидев этикетку с ценой, смущенно отворачиваетесь. Приобрести сорочку из натурального шелка для повседневной носки вам кажется излишней роскошью, и вы просите обычную, хлопчатобумажную или штапельную. И тогда на прилавок вываливается целая стопа уже как будто помятых рубашек. Они прочные и недорогие. Цена устраивает. Но расцветка! Невольно подумаешь, каким мрачным воображением должны были обладать люди, чтобы испортить добротный материал, утвердив образцы этого серо-грязного, покрытого густыми черными полосами зефирина или кажущегося недостиранным штапеля.

Мы обошли множество магазинов — и в центре города и на его окраинах — в поисках добротной дешевой мужской сорочки. Но тщетно. Всюду одна и та же картина. Просвечивающие сквозь целлофан изящные шелковые рубашки приятных разнообразных расцветок и груды хлопчатобумажных и штапельных, испорченных немыслимым цветом и рисунком.

...Этот разговор начался у прилавка крупнейшего в городе универмага. Продавец Татьяна Васильевна Илюгина, уже больше десятка лет работающая на «сорочечном фронте», сказала:

— Знаете, мужчины тоже стали модничать. Сорочку вам теперь подавай, чтобы гармонировала с цветом костюма, да недорогую. Еще два года назад в нашем небольшом отделе продавали мужских рубашек на 10—15 тысяч рублей в день, а сейчас в среднем — на 35 тысяч. И вы, пожалуйста, не думайте, что у нас не бывает хороших и недорогих сорочек. Бывают, и довольно часто. Отечественные и импортные. Вот недавно у нас были сорочки из ГДР. Материал дешевый — трувиль. Расцветка прямо глаз ласкает. Разобрали, конечно, в несколько часов. Быстро разошлась и партия приятных по цвету поплиновых и пикейных рубашек московской фабрики «Красная швея», ленинградские, китайские — фабрики «Дружба» (они славятся эластичными воротничками) и наши — ирбитские... Ну, остались, конечно, вот эти, смотреть на них тошно. Из тканей такого цвета только матрацы можно шить или нижние наволочки, а их все шлют и шлют...

— А вы бы отказались.

— Пробовали. Хлопот не оберешься. Вот поговорите с заведующим торговым отделом универмага Александром Петровичем Варнаковым, он вам расскажет.

От Александра Петровича мы впервые услышали магическое слово «артикул». Артикулом во времена Петра I назывался воинский устав, а несколько позже — статья закона. Теперь артикулом именуют определенный тип изделия, в данном случае — сорочечной ткани. Свои номера имеют артикулы тканей шелковых, вискозных, штапельных, хлопчатобумажных. Но их расцветка никаким номером не предусмотрена. Под одним и тем же артикулом значатся ткани самых различных цветов, оттенков и рисунков. И вот, дав заявку на сорочки из ткани определенного артикула, торгующие организации зачастую получают сорочки таких невзрачных расцветок, от которых отказывается даже самый нетребовательный покупатель.

Мы побывали на ряде швейных фабрик Свердловской области. Здесь нас познакомили с адресами бракоделов. Зефирин серогрязного цвета поставляет фабрика «Красная талка», находящаяся в городе Иванове; кажущийся застиранным штапель — Ленинградская ситценабивная фабрика имени В. Слуцкой, а вискозный шелк, который, по выражению Т. В. Илюгиной, скорее пригоден для пошивки матрацев,— изделие Ленинабадского шелкового комбината.

И вот попробуй отказаться от такой готовой сорочки магазин или от ткани — швейная фабрика! Нельзя. Ведь все правильно: материал соответствует артикулу, номер его указан в вашей заявке. А насчет расцветок и рисунка — простите! Это утверждено соответствующим художественным советом.

Слово «артикул» уже давно потеряло свое былое значение. Это не воинский устав и, тем более, не статья закона. И нам кажется, что если по своей расцветке ткань, хотя она и сорочечного артикула, не годна для пошивки сорочек, то шить их просто не следует.

Кстати, наши друзья-китайцы уже давно нашли выход из этого, так сказать, «артикульного» положения. На упаковочных листах каждой коробки сорочек фабрики «Дружба», полученных из Китая, указан не только артикул ткани, но и номер расцветки.

Не следует ли перенять этот опыт у китайских друзей и нашим текстильщикам? Тогда торгующие организации имели бы возможность заказывать сорочечные ткани нужных им ходовых расцветок, а текстильщики, поставленные под контроль рублем со стороны магазинов и покупателей, вынуждены были бы по-настоящему заботиться о качественных красителях и прекратить порчу хорошего материала, «украшая» его наволочными рисунками.

Но дело не только в плохих расцветках многих дешевых тканей. У нас выпускают немало и хорошей хлопчатки, вискозы, штапеля для мужских сорочек. Однако шьют их только по одному — двум стандартам, существующим уже много лет.

Кто здесь виноват?

В свердловском Доме моделей, в уральском филиале Всесоюзной торговой палаты нам показали модели сорочек, созданные у нас и за рубежом. Слов нет, модели неплохие и, главное, недорогие. Вот прекрасная ленинградская сорочка из вискозы. Конкурируют между собой образцы сорочек из поплина, созданные в Ленинграде и во Франции. Найдет своего потребителя и тип английской сорочки, пошитой из тонкого бельевого материала с уплотненным воротничком. Сделанная в Швеции рубашка из светлой хлопчатки с коричневым воротничком, карманами и застежкой донизу может понравиться нашей молодежи, а многие бы приобрели и вот эту, салатного цвета рубашку, привезенную из ГДР, — она одновременно может служить и блузой.

В павильонах мы видели десятки хороших моделей сорочек из дешевой хлопчатобумажной ткани, но ни одной такой — в продаже. Швейные фабрики берутся за новые модели неохотно, а если уж переключаются на новый фасон, то шьют чаще всего из дорогой шелковой ткани: выгоднее!

И еще о размерах. Как часто бывает, что, придя в магазин и облюбовав себе сорочку, покупатель вдруг узнает, что нужного ему размера нет. А между тем существует тщательно разработанная шкала так называемых ростовых размеров, шкала, учитывающая спрос. Строго соблюдают эту шкалу при пошиве сорочек и на фабрике. А вот при отгрузке из фабричного склада в магазины и на базы ее забывают: надо быстрее освобождать складские помещения, а ждать, когда поступят недостающие размеры, некогда. И вот идут сорочки 39-го, 40-го размеров в магазины Свердловска, а 37-го и 41-го — в Первоуральск.

Поэтому не приходится удивляться, когда, например, в магазинах Свердловска вы встретите жителя Нижнего Тагила в поисках сорочки нужного размера, а в Нижнем Тагиле за тем же занятием — жителя Свердловска.

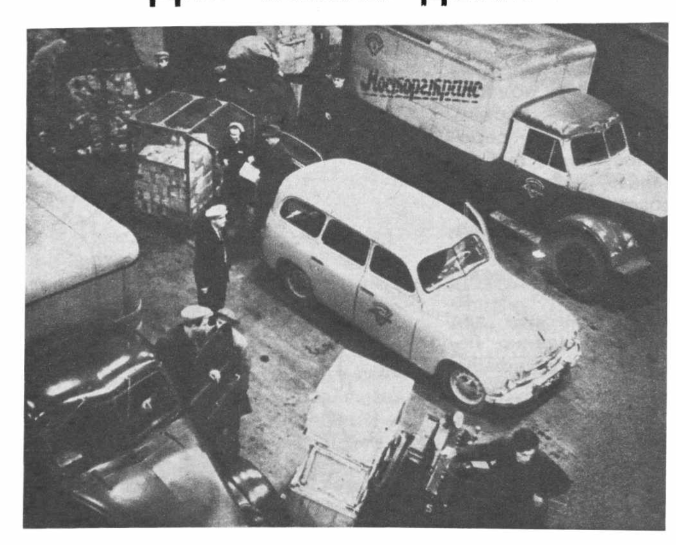
— Вот придет «Дружба», и мы никому не откажем. Тут уж все размеры будут, — услышали мы в одном из свердловских магазинов.

И действительно, каждая партия в двести китайских сорочек комплектуется строго по существующей шкале размеров.

Такой порядок должен стать правилом и на наших швейных фабриках.

Вот с какими фактами нам пришлось столкнуться в Свердловске, занявшись проблемой дешевой мужской сорочки. Кажется нам, что разрешить ее не так уж трудно, если текстильщики и швейники, работники торговой сети отнесутся к ней чуть-чуть повнимательней.

Для наших детей

На разгрузочной площадке универмага «Детский мир». Прибыли товары для детей.

Фото В. Тарасевича.

Ежедневно около ста грузовых автомобилей въезжает в обширный подвал под зданием самого крупного в нашей стране универмага — «Детский мир». Свыше двухсот тысяч покупателей, посещающих магазин ежедневно, уносят с собой обновы и подарки детям.

— Насколько увеличился ассортимент и улучшилось качество после постановления партии и правительства о производстве детской одежды и обуви? — спросили мы коммерческого директора «Детского мира» Я. И. Гонштака.

Вместо ответа он повел нас по складам.

Вот на столе лежат вещи «для самых маленьких». Покупатели нередко жалуются, что трудно достать распашонки для новорожденных. Фабрика «Труд» Управления швейной промышленности Мосгорисполкома за последнее время значительно увеличила производство белья для малышей, готовит новые модели по заказу универмага. Красивы и удобны новые конверты для новорожденных. Они пользуются спросом. В комплект приданого, которое предназначается малышу, фабрика включает теперь чепчики, пододеяльник и другие предметы.

Нам показали жаккардовые детские одеяла с красивым рисунком. Это тоже новинка, выпущена Семеновской красильно-аппретурной фабрикой Московского городского совнархоза.

— Все то, что получает сегодня универмаг, — пока только начало,— говорит коммерческий директор.— Ряд предприятий швейной промышленности переведен на производство детской одежды. В Москве и Московской области выпуск товаров для детей возрастет на десятки миллионов рублей.

На складе обувного отдела универмага мы застали старшего товароведа М. Кочеткову.

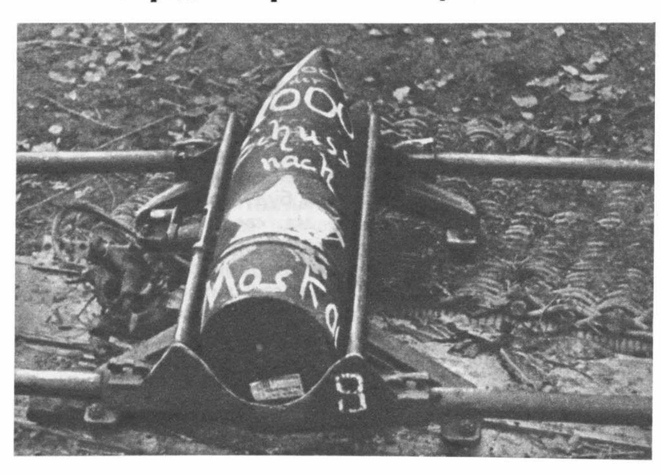
— Смотрите,— сказала она,— вот детские сандалеты без задников, марка «Парижской коммуны». Раньше фабрика этого не производила, а сандалеты неплохие! Хороши и эти открытые туфельки с фабрики имени Капранова, не правда ли? Тоже новинка. Стоит похвалить капрановцев! Побольше бы только выпускали!

Однако в отделе готового платья универмага не смогли продемонстрировать ничего нового, полученного от промышленности.

— Ожидаем, что фабрика № 19 «Детская одежда» пришлет обещанные платья для девочек, выполненные по новым моделям,— говорит заведующий отделом Н. Максимов.— Пора выполнить обещание и фабрике № 4 имени Смирнова,— оттуда мы ждем новые пальто.

Я. ЛАПИН

Снаряд, которым не выстрелили...

Этот снимок попал мне в руки среди прочих фотографий, захваченных нашими воинами при разгроме гитлеровской автоколонны. Судя по надписи на снаряде, он предназначался для артиллерийского обстрела Москвы, о котором так широковещательно объявляла пропаганда Геббельса осенью 1941 года.

Чем кончились бредовые планы «арийцев-завоевателей», общеизвестно.

Инженер В. ОСИПЕНКО

ВНОВЬ ОБРЕТЕННАЯ СЕМЬЯ

Это письмо пришло на Украину из русского города. Автор, офицер А. Якушев, писал:

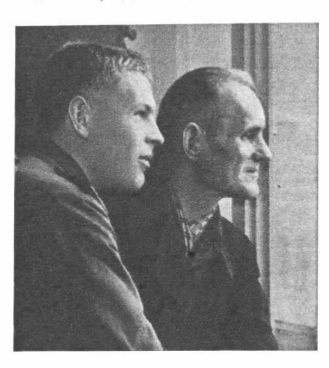
«В нашей части служит солдат Анатолий Малощук. За успехи в боевой и политической подготовке он имеет несколько поощрений от командования... Много лет прошло с той поры, когда война разлучила его, четырехлетнего мальчика, с родителями. Толя воспитывался в детском доме, затем окончил ремесленное училище. Он никогда не терял надежды на встречу с родными. Не теряет ее и сейчас».

Автор письма мог только добавить, что «Малощук родом с Украины». Вот и все.

Мало, слишком мало «исходных данных» для розыска. Все же редакция республиканской газеты «Радянська Україна» опубликовала письмо А. Якушева и портрет А. Малощука. Вдруг среди читателей окажутся родные Анатолия?

Отклики последовали немедленно. Писем оказалось столько, что любая многодетная семья могла бы позавидовать осиротевшему на войне мальчику.

Все, кто писал в редакцию звали Анатолия к себе, звали, как родного.

Иван Иванович Левицкий и его сын Анатолий.

Фото Я. Давидзона.

В колхозе имени Ватутина, Городищенского района, Черкасской области, газета попала в руки Ивана Ивановича Левицкого, бывшего воина, перенесшего тяжелое ранение. Увидев фотографию, он с волнением прочел письмо.

— Ведь это же наш сын Толик!.. Много лет искал я сына, но фамилию указывал только свою!.. А он, оказывается, носит фамилию матери.

Иван Иванович достал бережно хранимые фотографии трехлетнего сынишки и покойной жены и положил их на газетную полосу. Сомнений не оставалось. В письме Анатолию Иван Иванович писал: «Ведь у тебя, Толик, родимое пятнышко на плече, в копеечку величиной... Правда?»

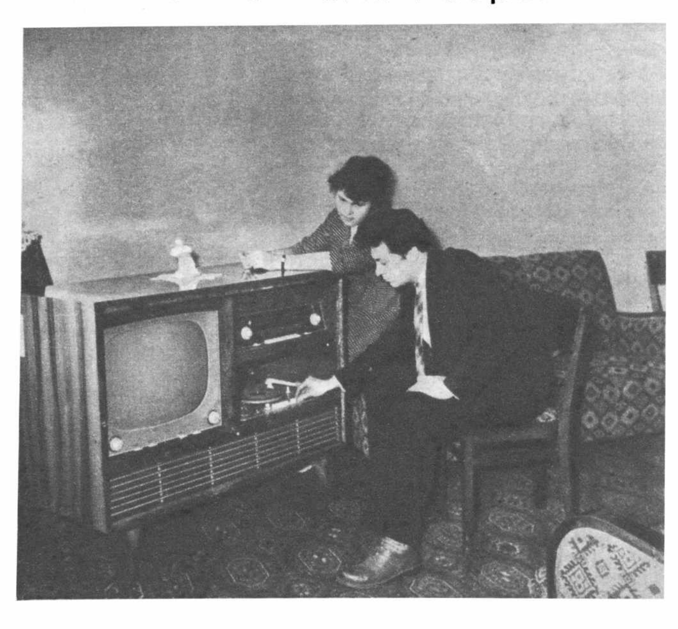
Дальше шло описание обстоятельств трагической гибели жены, матери Толи, в 1941 году. Сам Иван Иванович был тогда уже на фронте... Налетели фашистские стервятники, разбомбили дом. Ребенка вместе с документом убитой матери подобрали советские бойцы.

Эти мгновения запечатлелись и в памяти мальчика: красноармейцы бережно, из рук в руки, передавали детей, спасенных после бомбежки. Сажали в машины, куда-то везли...

— А дальше все было просто, как обычно бывает в нашей Советской стране,— рассказывает Малощук.— Меня всем обеспечили, учили на государственный счет. Я приобрел две специальности. Сейчас — в рядах Советской Армии. Для встречи с отцом командование предоставило мне внеочередной отпуск. Радостной была эта встреча!

С. ХЕЙЛО,
заведующий отделом писем редакции газеты «Радянська Україна».

Новые телевизоры

Радиокомбайн «Кристалл-104».

Фото Р. Лихач.

Телевизоры, сделанные в Москве, с интересом рассматривают сейчас посетители Всемирной выставки в Брюсселе. Двенадцать новых моделей демонстрирует в Брюсселе Московский завод телевизионной аппаратуры.

Вот одна из них — радиокомбайн «Кристалл-104». В изящном серванте, отделанном полированным деревом, смонтированы телевизор, радиоприемник, магнитофон и проигрыватель пластинок. Вы смотрите спектакль московского, ленинградского или киевского театра. Но вот телевизионная программа закончена, и теперь достаточно вам нажать клавиш, как в вашей комнате зазвучит концерт, транслируемый из Будапешта или Милана. Если вам захочется записать полюбившуюся мелодию, вы включаете магнитофон.

Конструкторами радиокомбайна все рассчитано так, чтобы обеспечить наибольшие удобства зрителям и слушателям. Телевизионный экран расположен низко,— сидя в кресле, не нужно поднимать голову. Закройте глаза, слушая музыку, и вам покажется, что вы в концертном зале: так полноценно воспринимается слухом каждый звук. Семь динамиков в корпусе комбайна гарантируют «объемное» звучание, то есть правильное и равномерное распространение звуков в помещении.

Чтобы регулировать громкость и яркость передачи, вовсе не обязательно вставать с кресла, достаточно плавно поворачивать ручку на миниатюрном пульте дистанционного управления, который соединен с аппаратурой.

Радиокомбайн «Кристалл-104» скоро появится в продаже, так же как и новые телевизоры «Рубин-102», «Рубин-201» и «Рубин-202».

Они также оборудованы клавишным включением и выключением, дистанционным управлением, рассчитаны на двенадцать телевизионных каналов, то есть на прием двенадцати различных телевизионных станций.

С. МЕСЯЦЕВ

Артисты финского балета

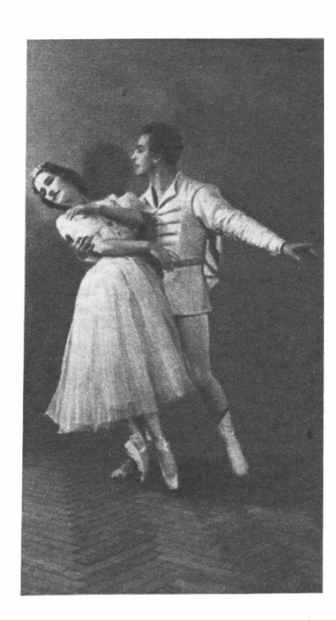
Дружба и связь артистов балета Большого театра с финскими артистами началась с того дня, когда народный артист РСФСР балетмейстер Р. В. Захаров поставил в Хельсинки балет «Бахчисарайский фонтан». Спектакль имел большой успех.

Недавно в Большом театре Союза ССР выступили солисты балета финской Национальной оперы Дорис Лайне, Маргарита фон Бар и Лео Ахонен. Они исполняли партии Марии, Заремы и Нурали в балете «Бахчисарайский фонтан».

— Это большая честь,— сказала нашему корреспонденту Дорис Лайне,— выступать на сцене прославленного Большого театра, первоклассные артисты которого известны всему миру. Мы благодарим их за теплый, дружеский прием, за помощь, которую они нам оказали перед выступлениями на сцене.

Дорис Лайне и Маргарита фон Бар — ведущие солистки финского балета. У себя на родине они исполняют главные роли в спектаклях «Дон Кихот», «Лебединое озеро», «Бахчисарайский фонтан», «Копелия», «Жизель» и в национальных финских балетах.

Д. СЕРГЕЕВА

На репетиции спектакля «Бахчисарайский фонтан» Б. Асафьева в Большом театре СССР. Мария — Дорис Лайне, Вацлав — заслуженный артист РСФСР Ю. Жданов.

Фото Б. Борисова.

«Сигнал» выходит ежедневно

— Посмотрите на «болельщика»! Ну и физиономия у него!
— Еще бы! Турнир знаменитый, «на первенство по загрузке рабочего дня»!
— Что смеетесь? Будто уж и в шахматы поиграть нельзя?
— Играй себе на здоровье! Будь хоть гроссмейстером, но не в рабочее время.

Этот оживленный разговор происходил в обеденный перерыв в штамповочном цехе московского завода «Газоаппарат» у небольшого листка, вывешенного на стене. Карикатура изображала трех рабочих: двое напряженно обдумывали очередные шахматные ходы, третий «болел». И у играющих и у «болельщика» лица были самые забавные. А недавно на таком же листке бумаги появилась карикатура на нескольких женщин, которых весь цех, конечно, узнал. Шел захватывающий спор о нарядах. Одна из модниц стояла босиком, собираясь примерить новые туфли своей подруги.

Листок этот — ежедневная цеховая стенная газета «Сигнал». Она регулярно выходит уже около двух лет. За два года рабочие крепко полюбили свою газету. Прогульщики и лентяи побаиваются «Сигнала». Администрация прислушивается к голосу газеты.

Был однажды такой случай. Рабочий цеха В. Зайцев внес интересное рационализаторское предложение по изготовлению пластино-испарителя. Но предложение долго не рассматривали. Тогда рабочие написали в «Сигнал». После этого было собрано партийное бюро, предложение рассмотрели и начали внедрять в производство.

Редактор газеты — старший контролер А. Романова; секретарь — бухгалтер К. Корженкова; художник — слесарь-подготовитель С. Воронцов. В редколлегии—счетчица З. Бакулина и мастер цеха Ван Ю-лин. Авторы заметок — рабочие цеха.

Газета не только показывает и разъясняет, но и «наказывает». И «наказания смехом» боятся иногда больше дисциплинарного взыскания.

В. БЕЛЕЦКАЯ

Редактор ежедневной стенной газеты А. М. Романова беседует с штамповщицей Аней Митрофановой.

Фото О. Кнорринга.

Подвиг друга

Этот снимок сделан в мае 1945 года.

Взгляните на эту фотографию, она не совсем обычна: два человека в одежде, явно сшитой не по росту, обнявшись, улыбаются перед объективом фотоаппарата. Тот, что повыше ростом,— полтавчанин Ян Троцаков, другой — уроженец Кубани Николай Казаченко. Снимок сделан в Праге в мае 1945 года и имеет свою историю, которую стоит рассказать.

...Воинская часть под командованием гвардии подполковника Ротина спасла от уничтожения чехословацкий город Прешов, расположенный в предгорьях Татр. Благодарные жители Прешова присвоили за это советскому офицеру звание почетного гражданина своего города. После войны ростовчанин Яков Леонтьевич Ротин не раз гостил в Чехословакии. Во время одной из таких поездок он познакомился с председателем Пльзенского городского национального комитета, коммунистом Густавом Радой, который передал ему пожелтевший листок бумаги. Больше двенадцати лет хранил Рада этот листок, как дорогую память о тех, кому подал руку помощи в тяжелое время. «От русских товарищей душевному товарищу и спасителю наших жизней на долгую память и неразрывную дружбу»,— было написано на этом листке. Далее следовало три адреса, очевидно, родственников тех, кому помогал Рада.

Вместе с листком Густав Рада дал Я. Л. Ротину фотографию Троцакова и Казаченко. «Единственное, о чем я хочу просить вас,— сказал Густав Рада,— это узнать о судьбе этих товарищей. Мне и жене пришлось немало пережить ради них. Скажу больше,— с ними осталась частичка нашего сердца...»

О том, что он сделал для русских друзей, Густав Рада почти ничего не рассказал. Сообщил лишь, что эти товарищи бежали из гитлеровского концлагеря и нашли у него приют и поддержку.

Возвратившись в родной Ростов-на-Дону, Я. Л. Ротин передал адреса и фотокарточку в редакцию областной газеты «Комсомолец». Мы решили помочь чехословацкому другу. Задача была не из легких. Ведь с того времени, как был освобожден Пльзень, прошло тринадцать лет. Районы, которые значились в адресах, были дотла разорены гитлеровцами.

И все же одно из наших писем, хотя и не сразу, нашло своего адресата: полтавчанин Григорий Григорьевич Негребицкий в письме подробно рассказал о том, как ему и его друзьям помог Густав Рада.

Вот как это было...

В марте 1945 года Негребицкий в третий раз бежал из гитлеровского концлагеря. На каждом шагу подстерегала его опасность: Негребицкий не знал немецкого языка, был болен, раздет и разут, голоден. С большим трудом удалось ему добраться до лесных массивов у Пльзеня. В пути он встретился с двумя другими русскими, бежавшими из плена. Здесь, в лесу, их и нашел Густав Рада. Он помог им укрыться в полуразрушенных карьерах, носил им продукты и табак. У самого Рады в это время прятался на чердаке раненый советский летчик, тоже бежавший из гитлеровского плена...

Это было в начале 1945 года. В Пльзене еще хозяйничали гитлеровцы. Каждую ночь в каменоломнях они расстреливали за городом патриотов, заподозренных в связях с партизанским подпольем. Но никакие жестокие репрессии, никакие преследования не могли поставить на колени жителей Пльзеня. Они знали, что уже близка долгожданная победа. По ночам горожане шили трехцветные и красные флаги — готовились встречать воинов Советской Армии и чехословацкого корпуса. На заводах не прекращались акты саботажа.

Когда фронт приблизился к Пльзеню, Густав Рада вместе со спасенными им русскими солдатами стал минировать дороги, по которым отступали гитлеровцы. Рада, Негребицкий и его друзья участвовали в уничтожении фашистского наблюдательного пункта в пльзенских лесах, в вылавливании остатков эсэсовских банд.

В последний раз побратимы встретились за праздничным столом в День Победы. Густав Рада поднял бокал за честь и славу русского воина.

Тогда-то и оставили благодарные советские воины адреса на маленьком листке бумаги. А двое из пятерых — Ян Троцаков и Николай Казаченко — в день отъезда на родину сфотографировались у особняка Рады...

Такова история, которую узнали мы из письма Григория Негребицкого. Сам Негребицкий, демобилизовавшись в 1947 году, вернулся на родную Полтавщину, где и поныне работает столяром.

Густав Рада.

Вл. МОЛОЖАВЕНКО,
ответственный секретарь областной газеты «Комсомолец».

Перекличка студентов

Одну из радиопередач студентов МГУ слушали в Колумбийском университете США.

Молодые москвичи рассказали о своих трудовых буднях, об учебе и быте, об отдыхе, спортивных достижениях. Мы передали американским коллегам дружеское радиоприглашение: «Добро пожаловать! Встретим вас, как друзей!»

Минул месяц. Из США пришла посылка с рулоном магнитофонной пленки и студенческой газетой.

В «Колумбийском ежедневном обозревателе» можно было прочитать: «На прошлой неделе мы с большим интересом слушали вашу радиопередачу и надеемся услышать вас снова».

И вот из наших репродукторов в МГУ разнеслись непривычные слова: «Говорит радиостанция Колумбийского университета в Нью-Йорке. Вызываем Московский университет...»

Первым выступил заведующий радиостанцией «Колумбия» Карл Стерн. Он коротко рассказал об американской системе высшего образования и о том месте, которое занимает в ней Колумбийский университет — частное учебное заведение, существующее на средства отдельных фирм и богатых людей. Многие студенты (около 60 процентов) работают, особенно во время каникул.

Затем редактор спортивного отдела студенческой газеты Эрнест Брод познакомил советских радиослушателей с развитием спорта, физическим воспитанием студентов Колумбийского университета.

— Особенной популярностью,— сказал он,— пользуются у нас легкая атлетика, плавание, баскетбол. В межуниверситетских состязаниях участвуют около пятисот человек. Это,— заметил Э. Брод,— цифра небольшая по сравнению с девятью тысячами спортсменов МГУ.

Брод предложил провести дружеские встречи по баскетболу, фехтованию, плаванию.

В заключение выступил главный редактор «Колумбийского ежедневного обозревателя» Бернард Нюсбаум. Он рассказал о работе редакции, о расходах по изданию газеты, которые на две трети покрываются за счет печатания реклам и объявлений фирм.

С большим удовлетворением восприняли радиослушатели слова Б. Нюсбаума: «Студенты должны протянуть друг другу руки. Здесь, в Америке, услышан призыв советских людей к сотрудничеству».

А. ПОЗНЕР,
сотрудник редакции радиоинформации МГУ.

СТРУЖКИ ПРЕВРАЩАЮТСЯ В МЕБЕЛЬ

В последнее время супруги Волковы стали частыми посетителями мебельных магазинов.

Им был нужен платяной шкаф. И не какой-нибудь особенный, стильный. Нет, простой, добротный, но обязательно с зеркалом.

Именно такого им давно не удавалось найти. Но вот после долгих и безрезультатных поисков, когда Волковы уже больше по инерции зашли в магазин, они прямо-таки не поверили своим глазам: стояло десятка три зеркальных шкафов, как раз таких, какие нужны им.

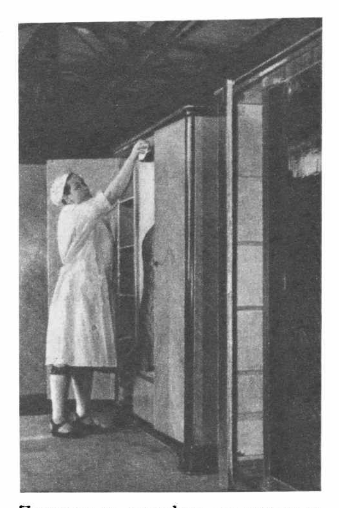
Иван Васильевич с пристрастием постучал пальцем по массивному дереву и, разумеется, тут же уплатил деньги.

Признаться, ни он, ни другие покупатели даже не задумались о том, из каких пород дерева сделаны шкафы.

А между тем для производства их не понадобилось дуба, ореха или какой-либо другой ценной древесины.

Шкафы эти сделаны из... опилок, стружек и других отходов, которые прежде были помехой в производстве и сжигались как топливо.

Механическая установка для производства мебельных щитов создана Центральным проектно - конструкторским бюро бумажной и деревообрабатывающей промышленности РСФСР. Наряду со значительным повышением производительности труда резко снижается себестоимость. Кубометр новых щитов обходится на 600 рублей дешевле, чем обычные плиты из цельной древесины. Расход пиломатериалов снижается более чем вдвое.

Платяные шкафы, сделанные из прессованных отходов древесины.

Как же создаются эти щиты?

На лист облицовочной строганой фанеры толщиной 0,8 мм накладывается промазанный клеем лист обычной трехмиллиметровой фанеры или шпона. На нем укладываются в форме рамки 4 рейки, стянутые зажимами. В середину засыпаются смешанные с клеем опилки, стружки. Затем рамка снова накрывается листом фанеры или шпона и вторым облицовочным слоем.

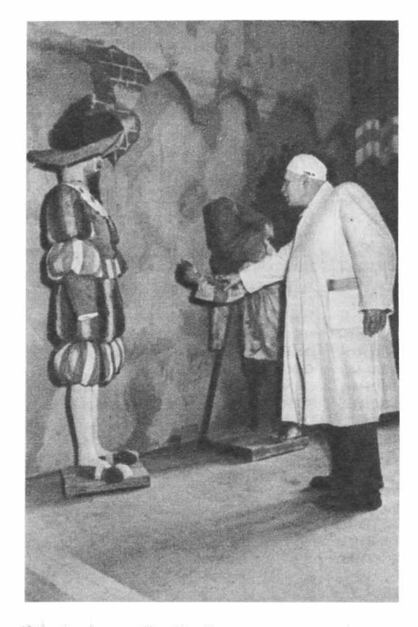
Пакеты закладывают в гидравлический пресс, и через 15—20 минут щиты готовы.

Разработано 30 размеров унифицированных щитов. Комбинируя их, можно собирать не только платяные и книжные шкафы, но и другую мебель, в том числе серванты, столы, кровати и т. д.

Производство щитов освоили Шумерлинский комбинат в Чувашской АССР, Ростовская и Армавирская фабрики, Московский мебельно-сборочный комбинат № 2 и другие предприятия. Продукция их пользуется большим спросом у населения.

А. ДЛУГАЧ

Музей профессора Страдыня

Профессор П. И. Страдынь у экспонатов музея, которые изображают стражу, преграждающую прокаженным доступ в средневековый город.
Фото И. Семина.

Человек со свертком в руках спросил профессора Страдыня. Профессор был в отъезде, и к посетителю вышел один из его сотрудников.

— Я хотел бы передать для коллекции профессора ритуальные одежды вождя и врачевателя одного из племен Черной Африки.

— Профессор будет рад, спасибо... Но кто вы?

— Да я незнаком ему. Просто мне еще до войны было известно, что профессор коллекционирует все связанное с историей медицины. После войны я побывал в Африке, а возвращаясь на родину, решил захватить для профессора вот это.

Так коллекция П. И. Страдыня — члена-корреспондента Академии медицинских наук СССР и действительного члена латвийской Академии наук — пополнилась еще одним редким экспонатом.

Со студенческих лет, со времен учебы в Петербургской военно-медицинской академии, собирает Павел Иванович свою коллекцию. Он побывал во многих странах, отовсюду привозил интересные экспонаты.

Недавно профессор Страдынь подарил свою коллекцию Латвийской ССР. Совет Министров Латвии учредил республиканский музей истории медицины.

Посетители увидят здесь много интересного. Вот яранга северного шамана, увешанная страшными масками и амулетами. Вот изба эпохи матриархата. В те времена лекарем была женщина — глава рода. Она умела перевязывать раны, хорошо знала лечебные свойства местных растений.

Еще один экспонат: старинная черная баня — первая «поликлиника» простого народа; тут лечили с помощью жара и березового веника.

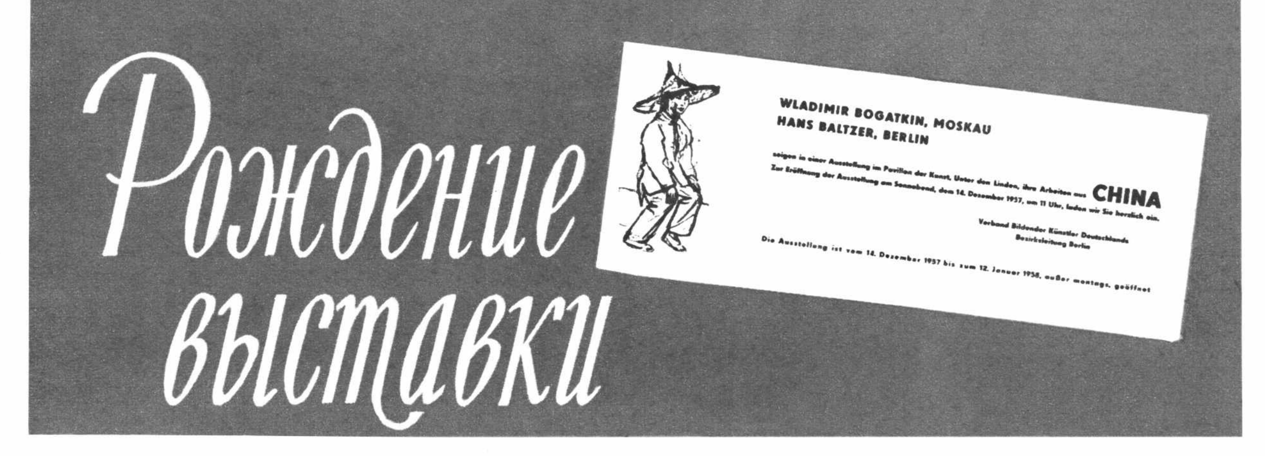
В музее собрано много костей со следами залеченных переломов; кости найдены при раскопках средневековой Риги.

Большое впечатление производит уголок средневекового города во время чумы; зловещие фигуры монахов в черных масках, вынос погибших из домов. В специальных помещениях восстановлены рижские аптеки XV—XIX веков. Интересна сохранившаяся с тех времен рецептура.

В музее имеется огромная медицинская библиотека, сотни портретов медиков всего мира. На многих портретах — дарственные надписи Павлу Ивановичу Страдыню.

Н. ХРАБРОВА

Рождение выставки

Пригласительный билет на берлинскую выставку «Два друга видят Китай».

В. БОГАТКИН

Конец апреля, май 1945 года. Вместе с победоносными войсками Советской Армии вошла в Берлин и группа военных художников Студии имени Грекова. В этой группе был и я. В те дни мы напряженно работали, делая наброски, этюды.

Я рисовал на площади Люстгартен, сидя на ступеньках большого разрушенного здания. Вдали еще погромыхивало, по улицам стелился едкий дым пожарищ, но война была уже окончена. Жители Берлина хотя и робко, но появлялись на улицах города, покинув свои душные убежища.

За спиной я почувствовал чей-то взгляд. Обернулся — возле стоял немолодой немец и сосредоточенно следил за работой. Мои небольшие познания в немецком языке помогли нам объясниться.

Ганс Бальтцер, немецкий художник, был очень удивлен, что вместе с солдатами пришли и работают художники. Я рассказал ему, что нас тут несколько человек и, если он хочет, я познакомлю его с моими товарищами и покажу наши зарисовки.

Мы долго шли по горящим улицам, пока не добрались до нашей квартиры на Гнейзенауштрассе. Здесь мы провели несколько часов в разговорах о войне, о наступающем мире, об искусстве. Потом тепло попрощались с немецким художником, а вскоре события, поездки, встречи заслонили в памяти это знакомство.

Прошло более десяти лет. В ноябре 1955 года мне снова довелось быть в Берлине во время месячника германо-советской дружбы. Естественно, что хотелось познакомиться с немецкими художниками, с их творчеством. И вот в один из вечеров мы собрались в Доме германо-советской дружбы. Я рассказал немецким товарищам о первом знакомстве с Берлином, показал репродукции своих работ, среди которых было и несколько листов — наброски, сделанные весной 1945 года. Один из художников, невысокий, с красивой седой шевелюрой, рассматривая рисунки, взволнованно спросил, не жил ли я в то время на Гнейзенауштрассе.

— Да, именно там.

И мы оба вспомнили нашу встречу. Я достал памятную фотографию, на которой снята группа военных художников 2 мая 1945 года на фоне Бранденбургских ворот. Естественно, что за прошедшие годы и я и Бальтцер сильно изменились. Немецкий художник пригласил меня к себе домой. Рисунки Бальтцера, его иллюстрации, плакаты мне очень понравились. За дружеской беседой мы не заметили, как прошло время. Бальтцер сказал, что это мы, советские художники, тогда снова вдохнули в него творческую жизнь и теперь он с удовольствием вспоминает нашу первую встречу.

Вскоре я вернулся на родину, и хоть редко, но мы переписывались с Бальтцером. Из одного письма я узнал, что Бальтцер собирается в Китайскую Народную Республику. Я искренне порадовался за него и даже позавидовал своему немецкому товарищу. Но случилось так, что с группой советских художников и я поехал в творческую командировку в Китай.

В Китае мы жили более трех месяцев. В конце нашего пребывания в стране заехали в Кантон. В Китае везде интересно, но особенно привлекателен юг, и работали мы просто запоем, уходя из гостиницы рано утром и возвращаясь, когда становилось уже темно. Как-то во время ужина в ресторане нашего отеля мы увидели группу вновь прибывших. Каково же было мое удивление, когда из-за стола встал Бальтцер!

Нежданно-негаданно в такой огромной стране — и встретились.

Я познакомил Бальтцера со своими друзьями, и мы несколько вечеров работали вместе. Затем группа наша вылетела на остров Хайнань, а делегация, в которой был Бальтцер, уехала в Куньминь.

Теперь оба были уверены, что мир тесен и мы непременно встретимся еще. Так оно и вышло. Когда мы на обратном пути приехали в Пекин, первым, кого я встретил, был Бальтцер. Здесь мы могли поделиться своими впечатлениями и показать друг другу работы, сделанные в Китае. Тут и зародилась мысль об организации совместной выставки.

Советские художники вернулись в Москву поездом. Радостные, возбужденные, прямо переполненные впечатлениями, идем по солнечной и веселой улице Горького в правление Союза художников и, не доходя площади Маяковского, встречаем... немецкую делегацию, прилетевшую самолетом и обогнавшую нас, ту самую, с которой виделись в Кантоне и Пекине, — лауреат национальной премии художник Бальтцер, профессор Функат, редактор Коссов.

В тот же вечер мы встретились у меня дома и снова говорили о совместной выставке. Название пришло само: «Два друга видят Китай».

В декабре 1957 года в Берлине, в новом выставочном зале на Унтер-ден-Линден, была открыта выставка немецкого и советского художников.

На выставку каждый день приходило много народа, и поэтому Союз художников и Управление по культуре ГДР просили продлить ее и показать не только в Берлине, но и в других немецких городах. Сейчас выставка продолжает существовать.

Эта выставка — хоть маленький, но нужный вклад в дело укрепления мира и дружбы между советским и немецким народами. Во время пребывания в Германии я сделал немало набросков, рисунков. Некоторые из них воспроизводятся на вкладках «Огонька».

Ганс Бальтцер. ДОЧЬ КИТАЙСКОЙ ПЕВИЦЫ.

Художник Г. Бальтцер, скульптор Г. Кисс, В. Богаткин, художник Х. Окренд.

В. Богаткин. ДВОРНИК.

Берлин. Трептов-парк.

В. БОГАТКИН

По Германской Демократической Республике

Старый почтальон.

Встреча.

В провинциальном городке.

На одной из улиц Берлина.

ЛУННЫЕ СТАДА

Повесть

Роже ЛЕСАЖ

Рисунки А. ЛИВАНОВА.

Окончив передачу, Карл Ширер переключил аппарат на прием. Это заставило его улыбнуться: вспомнилось, как он вначале ничего не мог понять в самых простых определениях учебников по радио, особенно эти варварские технические слова с их разнообразными и удивительными значениями. А теперь сложным аппаратом, перед которым он сидел, было не труднее управлять, чем простым детекторным приемником, который он сам построил, без схемы, еще ребенком.

Как ни странно, но полностью он усвоил инструкции по сложному управлению авиационной приемо-передаточной аппаратурой только в тот день, когда в Военном учебном радионавигационном центре, где он учился, один самолет промазал посадку и разбился о землю. Ему разрешили копаться в обломках, уже непригодных для использования. И вот он, которого в школе считали неспособным и собирались выставить в два дня, деталь за деталью собрал приемо-передающий аппарат типа 694[1] с разбитого самолета, без каких-либо схем, руководствуясь только логикой мастера на все руки.

Ширер улыбнулся, вспомнив удивленные лица начальников, когда он показал им свою работу.

Его отправили в ремонтные мастерские. Он делал там чудеса, но он хотел летать. Только много времени спустя он смог получить диплом летающего радиооператора, и то с большим трудом, заработав необходимую среднюю отметку.

[1] Тип распространенного в авиации США радиопередатчика.

Окончание. См. «Огонек» № 18.

Несмотря на это и совсем уж непонятно почему, он стал, по отзывам начальников, одним из лучших радистов базы. Наверное, он очень уж любил свою профессию и еще больше любил авиацию. Какой ужас обуял его, когда ему пришлось перед бесстрастными, в галунах и орденах, экзаменаторами говорить: «Эта круговая волна, ударяющая в рамку, обе вертикальные части которой, принимая колебательную волну высокой частоты, пропускают индуцированный ток той же частоты...» Еще немного, и он попросил бы материал и инструменты, потому что его руки умели лучше говорить, чем он сам...

Почему у Карла Ширера тоже возникло желание вернуться в прошлое, подумать о всех этих мертвых вещах, которые были его радостями и горестями, больше горестями, чем радостями?..

Сидя позади двух старших товарищей, он мог следить по выразительному профилю Феллоуэлла за различными переживаниями начальника с момента отлета из Франции, и от этого его все больше охватывала непонятная грусть.

Все длинные перелеты до сих пор были для него сплошным повторяющимся очарованием. Почему же этот полет был сегодня таким мучительным, таким гнетущим, полным смутных угроз и ни на чем не основанных предчувствий?..

Ширер сжал в кулаки руки с плоскими пальцами: может быть, это ему, только ему, все казалось не таким, каким было на самом деле?.. Всеми силами он хотел бы уцепиться за эту мысль и все-таки ясно чувствовал, что этот день не похож на другие.

Грусть была у этого парня, набитого всякими сложными техническими знаниями, как бы общим фоном, обычным состоянием его души. Но еще никогда он не ощущал ее с такой остротой. Ему казалось, что еще немного, и он сможет охватить руками этот опасный туман, который как будто осязаемо плавал в пилотской кабине. Это вызывало недомогание, почти физическую боль, непохожую на все то, что приходилось испытывать до сих пор.

Карл появился на свет в страстную пятницу, когда его еще не ждали. Это стало большой драмой его жизни. Когда он подрос настолько, чтобы понимать, ему дали почувствовать, что он незваный гость у своих родителей. И с этого начались все его несчастья.

Прежде всего его возненавидела бабушка: он был похож на ее покойного мужа, сделавшего ее жизнь несчастной. Она никогда не упускала случая унизить Карла, наказать за поступки, которых он даже не совершал.

Все детство он провел, завидуя младшему брату: тот был красивее, чем он, и его все баловали. Если Карл не питал к брату ненависти, то потому лишь, что в сердце его жила неудовлетворенная жажда любви. Больше всех Ширер любил отца. Каждый вечер, когда наступала ночь, отец возвращался усталый со своей изматывающей, беспросветной работы ремесленника. Полный деревенского оптимизма, который так и просился у него наружу, он мог бы быть жизнерадостным, если бы не жена, которая, несмотря на доброе сердце, больше занималась тем, что пререкалась с соседками и завидовала им, и совсем не интересовалась мужем и детьми. Ее дети? Они росли сами собой... Такова уж она была; ее материнская любовь, впрочем, не отличалась от любви всех матерей мира. Когда по воскресеньям она давала каждому из детей деньги на кино, у нее было сознание, что она выполнила свой материнский долг.

Ширер и его брат уже тогда жили врозь. Младший отдавался развлечениям своего возраста. Карл, всегда одинокий, покупал в уличном киоске солидный запас героических иллюстрированных брошюр и проглатывал их, едва вернувшись в свою комнату без окон. Вечером, когда он наконец засыпал, эти образы из книжек путались в его голове, но они согревали его сердце, чего не сумели сделать ни разу те, кого он любил.

Он познакомился с авиацией через Бака Денни, одного из персонажей этих брошюр, летчика, легендарного героя, изображенного на красочных обложках. Иногда у него не было возможности покупать брошюры: бабушка часто лишала его воскресных денег. Тогда он возился в мастерской отца с деталями испорченных радиоприемников. Это богатство подарил ему один торговец, для которого Карл с охотой выполнял разные мелкие поручения.

Годы проходили, не принося умиротворения Карлу. Бабушка уже не питала к нему прежних чувств, ее придирчивость сменилась каким-то безразличием. Пожалуй, это было еще хуже для мальчика: он все время чувствовал себя униженным.

Все это едва не привело к тяжелым последствиям. Карла постоянно отталкивали, ругали и наказывали. Однажды он стал спрашивать себя, не лежит ли на нем груз какой-либо непростительной вины. В конце концов он уверил себя в этом. Тогда его охватил смертельный ужас, и дело дошло до попытки самоубийства. Родители об этом ничего не узнали, но Карл еще долго жил, как в бреду, снедаемый лихорадочным страхом.

Его спас Бак Денни.

Решение не заставило себя ждать. Ну что ж, раз в доме все так безучастны к нему, он сам сделает из себя человека! С тех пор каждый день, возвращаясь из школы, он выдумывал какую-нибудь драку, из которой, по его словам, неизменно выходил победителем. Родители, вначале недоумевавшие, скоро поняли, что все это не более, как бахвальство, и это только усилило их презрение к сыну, они стали еще хуже относиться к нему.

Бабушка торжествовала.

— Я это предвидела,— говорила она,— у Карла очень плохие задатки... Он кончит на электрическом стуле.

Из этих выдумок Карл создал себе броню грубости, и она почти обманула его самого. Вскоре его ненавидел весь квартал. В своем доме он превратился в ребенка, которого удаляют, когда приходят гости.

Сам поддерживая свою бурную славу, он почти независимо от своей воли оказался замешанным в довольно громком деле. Банда молодых сорванцов была арестована в связи с рядом краж со взломом. Главарь, которому не было и двадцати лет, признался во всем. Он назвал Ширера как одного из соучастников. Потом следствие показало, что обвинение было совершенно ложным, но в первый день Карла арестовали при выходе из школы и привели к родителям под конвоем полицейских.

Карл, спотыкаясь, вошел в дом между двумя констеблями в форме. Его длинное тело, казалось, было разбито в суставах, бедная голова с всклокоченными волосами была опущена на впалую грудь. Сама судьба ополчилась против него. Он еще раз расплачивался за ошибку, которой не совершал. Замкнутость, к которой его принуждал стыд, проступившая наружу болезненная робость — все это только усиливало неблагоприятное впечатле-

ние от его личности. Он больше, чем когда-либо, чувствовал себя отверженным, всегда и везде лишним, вредным, ненужным, ненавидимым.

Он признал себя виновным во всем, что ему приписывали. И когда спустя несколько недель его невиновность была случайно установлена, все пережитое оказалось слишком тяжелым. Он вышел из этого испытания сломанным, уничтоженным.

Панцирь ложной грубости, который он надел на себя, ища защиты, развалился, и он остался тем, кем был всегда: слабым существом с повышенной чувствительностью. Несчастным.

Все могло быть еще спасено, если бы того захотели родители. Бабушка назвала его негодяем и проплакала целый день. Он не мог больше жить среди своих и завербовался в авиацию. Это был последний осколок мечты, которая у него еще оставалась. Он уцепился за нее всей силой своей души.

Миновало еще четверть часа между двумя передачами. С глазами, отяжелевшими от усталости и сдерживаемых слез, Карл Ширер наклонился к своему ключу.

Привычный звук, казалось, вывел Феллоуэлла из его созерцательного равнодушия. Он нагнулся и, вытащив из-под кресла кожаную сумку, открыл застежку-«молнию». Из сумки он достал два огромных бутерброда, завернутых в прозрачную бумагу. Ширер взял бутерброд, протянутый Феллоуэллом, и, не прерывая передачи, положил его на полочку, где хранились коды.

Окончив передачу, он развернул целлофан, старательно сложил его перед тем, как выбросить, и без всякого удовольствия принялся жевать бутерброд. Слишком много тягостных чувств давили его душу в эту ночь, чтобы у него появился свойственный возрасту аппетит! Слегка наклонившись вперед, Феллоуэлл с улыбкой наблюдал за ним. Ширер повернулся и встретился взглядом со штурманом.

— Моя жена утверждает, что каждая еда приносит тому, кто ее съел, немножко больше разума...— Феллоуэлл кричал, чтобы быть услышанным.— Интересно, что содержит в себе французская ветчина?

Карл, не отвечая, кивнул головой; его глаза опять наполнились слезами: слова штурмана опустили его на самое дно отчаяния. Его-то никто не ждет, никто его не любит...

Феллоуэлл отвернулся к своим компасам. Его руки поглаживали полированный полумесяц штурвала управления. Полковник Хеймз продолжал спать. Несмотря на дружеское расположение полковника к нему, Ширер глубоко чувствовал пропасть, разделявшую их обоих, пропасть, которую перейти ему мешала постоянная робость. Для Ширера полковник не был обыкновенным человеком, и если бы кто-нибудь сказал ему, что у Хеймза могут быть такие же чувства, как у него, Карлу было бы трудно в это поверить. Но чем же отличался от него полковник, почему он неизмеримо выше?..

Сидя перед своими аппаратами, Ширер видел только атлетическую спину и две широкие кисти сильных рук. Лишь на мгновение, когда полковник поворачивал голову, ему был виден профиль — сильная щека, квадратная челюсть, крепкий гладкий затылок под коротко подстриженными волосами.

Далекий от ревности — он не был способен на это чувство,— Ширер спрашивал себя, почему он сам не такой, как полковник, прекрасный образец человеческой породы, человек на высшей точке своих способностей, словно излучающий силу, человек, молчаливость которого, немного печальная, только подчеркивает его спокойное мужество.

Слезы высыхали на глазах и щеках радиста. Теперь он думал, что полковник как раз на своем месте: у штурвала этой летающей громады в пятьдесят тонн, стремящейся в небо. Радист опустил голову. Образ Бака Денни возник за его сомкнувшимися ресницами.

На высоте восьми тысяч метров, в необозримом пространстве холодной ночи, бесстрастная «Дженни» приближалась со скоростью четырехсот километров в час к посадке в Гандере.

В ограниченном пространстве пилотской кабины в красноватых отблесках ультрафиолетовых ламп полковник Хеймз, вновь взявший управление, готовился к посадке.

Теперь Гандер был совсем близко. С этой минуты летчик, неограниченный владыка, но совершенно слепой во враждебной черноте окружающего мира, должен был довериться только приборам. Посадка, которая была бы легкой задачей при нормальной видимости, теперь представлялась исключительно трудным и опасным делом. Хеймз должен был отвлечься от своих ощущений и даже действовать наперекор им; теперь надо было целиком положиться на два небольших, слабо освещенных экрана, где маленькое изображение самолета ни в коем случае не должно было стать под прямым углом к подвижной линии искусственного горизонта.

На экране радара, дрожа, пунктиром вычерчивалась белая полоса, обозначавшая направление, которого нужно было придерживаться; это было зримое материальное воплощение радиоволн, посылаемых башней управления аэродрома в Гандере.

Летчик не спускал глаз с этой линии, по которой перемещался очень подвижной красный шарик — схематический знак его собственного самолета; эту красную точку надо было удержать на линии полета. В слепом полете уже не приходится выправлять сноса или маневрировать. Можно идти только по одному курсу и корректировать его в зависимости от перемещения изображения самолета по символическому горизонту и по шарику на оси полета, прокладываемой радаром.

Вот уже несколько минут самолет буквально притягивался к цели как бы магнитным маяком. Бежали секунды. Полковник вел самолет на снижение. Тяжелая машина теряла высоту с самого начала захода на посадку. Снижение неумолимо продолжалось сквозь облака, и вдруг вдали, точно впереди, в ночной темноте вспыхнуло сияние: Гандер! Это был освещенный аэродром.

Альтиметр показывал восемьсот метров. Полковник по телефону вызвал базу:

— Алло, Гандер, башня управления ВВС США, говорит «Дженни», четыре, пять. Перехожу на прием.

Ответ не заставил себя ждать:

— «Дженни», говорит Гандер, для вас посадочная полоса 025. Готовьтесь к посадке. Перехожу на прием.

Разрешение на посадку дано.

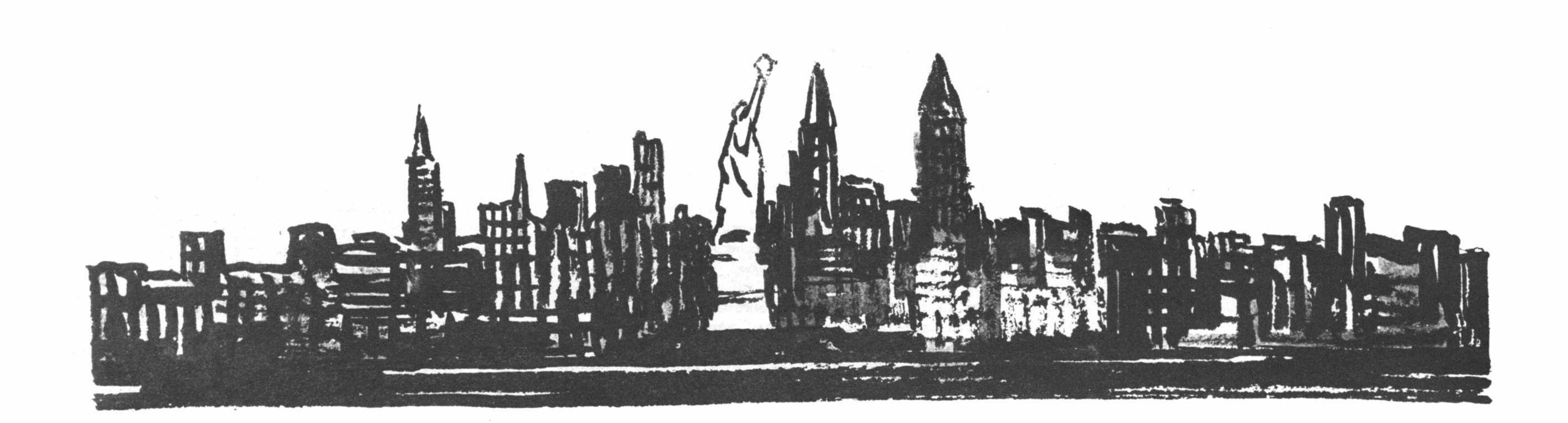
Казалось, небо стало совсем низким под облаками, слабо освещенными с земли. Но на смену величественно-округлым кучевым облакам пришли длинные, прозрачные и низкие слоистые, с обволакивающими контурами, опасные своей неподвижной неопределенностью. Предназначенная для «Дженни» посадочная полоса одна была освещена по всей длине.

Каждая крыша ангара, каждая возвышенность была увенчана красными лампочками — сигналами опасности. Над этими кровавыми пятнами реяла башня управления, нервный центр всей деятельности аэродрома, его жизненный узел.

С высоты радист, менее занятый теперь, чем оба его начальника,— он уже поднял свою антенну — прекрасно чувствовал, что в башне находится мозг всего огромного тела, словно заснувшего у ее ног.

Выпустив шасси, «Дженни» прошла над светящейся «воронкой», обозначающей начало посадочной полосы, и села между огнями. Скорость резко уменьшилась.

Ожидавшая в конце аэродрома дежурная машина почти бесшумно двинулась впереди самолета. Первый этап был закончен. Но остановка была короткой. Официально «Дженни» осуществляла скоростную связь с попыткой побить рекорд. Никто из трех членов экипажа не покинул своего места, пока механики, лазая по крыльям самолета, заполняли бензином баки. Единственное, что было сделано,— это полковник отодвинул стекло своей кабины, чтобы принять продукты питания. Максимум двадцать минут остановки перед новым взлетом.

«Контакт на третий... на четвертый... на второй... на первый». Один за другим все четыре мотора, по три тысячи лошадиных сил каждый, были запущены. Они выбрасывали султаны дыма, вздымавшиеся к низким облакам, которые плыли над длинными зданиями стоянки. Маленький трактор увозил компрессор с заправочной площадки, идя впереди красных грузовиков-цистерн, ярко освещенных подвижным прожектором с башни. Теперь все моторы ревели на определенном режиме, и самолет, несмотря на то, что его удерживали тормоза, словно хотел подняться на дыбы, нетерпеливо ожидая взлета.

— Готово?.. — спросил Хеймз в микрофон.

— О'кей, готово...— ответил радист, проверяя взглядом поднятую антенну.

Феллоуэлл поправил кресло, застегнул пояс и надел перчатки.

Он подумал, что летчик вовсе не завоеватель пространства, как он это воображал в начале своей карьеры, а просто директор завода. Эта мысль опечалила его. Он сжал губами сигарету, которую закурит в воздухе, через несколько секунд после взлета.

— Метеосводка, Карл?..

Ширер протянул Феллоуэллу через плечо бумажку:

— Не блестящая, сэр... Запрещение полетов для легких машин...— Его замечание упало в пустоту.

Устремив глаза прямо перед собой, на башню управления, полковник ожидал сигнала. Большой красный глаз, запрещавший взлет, внезапно закрыл свои циклопические веки, зеленый открылся. Небо было свободно. Хеймз слегка освободил тормоза. Тяжелый самолет начал катиться по широкой бетонной полосе, весь освещенный огнями, расставленными у самой земли. Для полковника этот взлет между двумя рядами огней каждый раз был как бы переселением в новый мир. Длинная цементная площадка повторила своей акустической поверхностью тарахтение моторов, увеличивая силу звука, разрывавшего могильное молчание ночи. Скупой на жесты, спокойный и уверенный в себе, полковник составлял одно целое со своим самолетом. Вихрь легкой пыли сорвал с переднего стекла осевший пар, похожий на пар при стирке. «Дженни» подымалась во мраке, пересекая пропасти, оставляя внизу, совсем внизу, поверхность земли, где рассеянные огни уже казались туманными пятнами,— это быстро исчезали последние признаки аэродрома.

Стрелка альтиметра, продолжавшая вращаться, перешла тысячу, потом тысячу двести метров...

Ночь снаружи посинела и немного посветлела. Круглая прозрачная луна еще скрывалась за тонкой сеткой спутанных облаков. Феллоуэлл зажег свою сигарету. Он погасит ее через несколько минут, когда придется взять в рот гибкий каучуковый мундштук кислородной маски.

Напряженное бодрствование ночного полета возобновилось.

Было около шести часов утра.

«Дженни» летела уже больше двух часов над океаном. Через четыре часа на юго-западе откроется американский континент. Небо было сплошь покрыто облаками, это была невиданная феерия красок. Но словно тяжелое оцепенение сдавило самолет. Солнце продолжало свой восходящий путь над горизонтом, окрашивая пурпуром нижние края облаков. Его диск, частью еще погруженный в воду, казалось, расплавлял океан вблизи себя. С четырех сторон горизонта темные полосы тянулись по небу — предвестники приближающейся бури.

— Кажется, мы идем навстречу дурной погоде,— сказал Феллоуэлл.— Метеосводка...

Полковник кивнул головой, но не произнес ни слова. Какое ему дело! Он ничего изменить не может...

Очень высоко, перед передним стеклом, облака пришли в движение. Ветер разорвал их тяжелое покрывало, и они мчались теперь со все увеличивающейся скоростью, сталкиваясь, расходясь и снова сталкиваясь. Дальние молнии освещали вершины облаков. Маячившие вдали светлые пятна сразу погасли. Внезапная угроза повисла в пространстве. Отблеск восходящего солнца исчез, закрытый тучами, только луна бледным диском иногда выглядывала в прорывы облаков. Теперь небо превратилось в сплошной темный хаос, время от времени вспыхивавший фосфорическим сиянием. С грохотом поднялся ветер, он бешено свистел в взбудораженном пространстве. Небо все темнело и словно шаталось. Теперь молнии взрывались беспрерывно. Воя, как гиена, и покрывая рев моторов, приближался ураган.

— Застегните пояса! — крикнул Хеймз.

Двое остальных поняли, что это значит.

Молнии загорались одна над другой, скрещивались, отражаясь фантастическими узорами в пилотской кабине. Призрачная, небывалая ночь спускалась с неба — синеватая, фиолетовая, пурпурная. Теперь раскаты грома следовали один за другим без перерыва; молнии, как удары бича, как взмахи мечей титанов, вонзались в черные облака. Огромная серая стена набегала с наветренной стороны. В то самое мгновение, когда самолет прорвал эту стену, на него обрушился со всех сторон целый шквал воды. Вода стучала по обшивке, словно подгоняя взбесившиеся моторы. Винты завертелись с дикой скоростью, порождая страшную вибрацию,— от этого возникало чувство, что все разваливается от безнадежной потери равновесия. Феллоуэллом, а еще больше радистом овладело предчувствие полного крушения. Им казалось, что все приборы, все это целое, образующее самолет, летательную машину, все, за что они теперь цеплялись, что еще удерживало их в жизни,— все это скользит, исчезает, проваливается вместе с ними в ураган.

Хеймзу стоило большого труда сохранять хотя бы подобие устойчивости самолета. Большую машину сильно швыряло в небе, изборожденном молниями. Штурвал так сильно дергался в руках, что летчику приходилось напрягать все силы, чтобы удержать его.

На концах крыльев, как призраки, заплясали фантасмагорические огни святого Эльма. И внезапно, когда «Дженни» проходила над скоплением особенно густых облаков, второй внешний мотор справа начал задыхаться и затем остановился. Полковник немедленно дал штурвал от себя. Пятидесятитонный самолет носом вперед на трех моторах нырнул в сине-зеленую ночь, к низкому облачному потолку, который почти касался бурных волн океана.

— Бензин... Фелл! — крикнул летчик.

Феллоуэлл протянул руки за приборную доску и открыл кран. Четвертый мотор, проработавший долгое время на максимальном режиме, израсходовал горючего больше, чем было предвидено. Рывком, бешено завертевшись, мотор заработал снова. Но Феллоуэлл действовал так быстро, что летчик не успел уменьшить газ. От избытка бензина мотор перешел свой максимальный режим. Торопливо Хеймз потянул ручку газа назад. Но было уже поздно. Залитый водой, встряхиваемый сильными порывами бури, перегревшийся мотор загорелся. Длинный пурпурный язык пламени вырвался из него и осветил кабину тревожным отблеском пожара.

— Дьявол! — воскликнул летчик, не теряя самообладания...— Огнетушитель 4!.. Фелл... быстро!..

Феллоуэлл уже перекрыл бензин и приводил в действие аппарат. Липкая пена брызнула из-под самого капота и захлестнула красный язык пламени. Огонь быстро стал спадать, но не исчез сразу.

— Гликоль будет продолжать гореть... Это нормально... Будет гореть долго... Опасности больше нет...— сказал Феллоуэлл как бы про себя.

Карл Ширер, вскочивший на ноги, несмотря на державший его пояс, теперь тяжело, словно у него отнялись ноги, упал на сиденье. Со лба его заструился пот.

Огромный самолет, продолжая свою пляску среди облаков, опускался все ниже. Летчик, лишенный одного мотора, боролся изо всех сил. Текли длинные минуты. Феллоуэлл таращил глаза, стараясь сквозь мрак пилотской кабины угадать в неясном свете ультрафиолетовых ламп показания приборов.

Уверенной, крепкой рукой летчик привел в горизонтальное положение пятидесятитонную массу своего корабля. Изображение самолета заняло свое место на искусственном горизонте. Спуск в бездну прекратился. Бушующий океан под крылом самолета уходил вниз. Даже гроза стихала. Опасный этап был пройден. Через несколько минут, когда самолет вынырнет из этой сумбурной, уже светлеющей ночи, штурман произведет расчеты, исправит курс и вернет летчика на правильный путь.

Сжав зубы, Хеймз подумал о том, что крыло позади горевшего мотора могло легко сломаться; он знал: когда мотор горит, то позади него возникает сквозняк, раздувающий пламя, и оно, как кислородная горелка, в несколько минут разрезает лонжерон. Если теперь снова открыть бензин, мотор немедленно вспыхнет. Маленькое, невидимое пламя, питаемое гликолем мотора и защищенное от ветра, будет гореть еще несколько часов. Но опасность устранена.

Феллоуэлл написал донесение на планшете, укрепленном на его колене: «Пожар в левом внешнем моторе ликвидирован. Летим на трех... Предвидится опоздание на 40 минут. Дайте указание».

Он неясно чувствовал, что этот перелет не такой, как все остальные, совершенные до сих пор. Ему подумалось против воли: «Это дьявол держит штурвал...»

Он вздрогнул и скрестил перед собой два пальца, чтобы заклясть судьбу. Потом, передавая радисту донесение, сам засмеялся над своим суеверием.

Карл взял телеграмму и тут же передал ее. Он спрашивал себя, почему из всех своих он звал мать, когда сноп огня вырвался из вспыхнувшего мотора, а самолет ринулся в пустоту.

Карл чувствовал себя совсем несчастным.

Гроза осталась позади. Вихри становились все реже по мере того, как небо светлело на востоке. Из фиолетового оно стало розоватым и как будто остановилось на этой менее враждебной окраске. Облачность будет низкой весь день. Солнце уже совершенно спряталось, хотя еще не было восьми часов утра. Огромный диск луны, казалось, снова отдыхал на подушке облаков.

Сколько раз Хеймзу приходилось летать в молчаливом обществе этого светила! Ему пришел в голову вопрос: почему люди всегда приписывали луне какое-то нездоровое и недоброе значение?

Сам он всегда считал луну разумной. Эта гигантская светлая голова в темном небе, эта героиня вихрей и ураганов была в каждом ночном полете его спутницей.

Полковник принялся думать об этом еще раз. Какой возраст могла иметь ее накопленная мудрость?.. Конечно, она была уже на месте, когда в отдаленной Греции, в то время передовом бастионе цивилизации людей, Платон и Аристотель высказывали различные мнения о существовании бога.

Через выпуклый плексиглас переднего окна он долго смотрел на луну.

«Такая поразительно далекая и в то же время такая близкая...— думал Хеймз, и его взгляд блуждал по усеявшим светило пятнам.— Эти тени, то и дело меняющие цвет и место,— что это такое?»

Он спрашивал себя об этом, хорошо зная, что целые поколения ученых задавали себе тот же вопрос и никогда не умели разрешить его окончательно... Растительность ли это, одаренная способностью двигаться? Бесчисленные ли стада в беспрерывном смятении? Или же подобие людей? Но зачем они постоянно мечутся, если это люди? Не произвели ли они на своей мертвой планете катаклизмов, которыми сами не в состоянии управлять? И почему в это самое мгновение фигуры трех людей в непромокаемых плащах, принесших перед отлетом из Франции этот маленький свинцовый чемодан, вдруг встали перед диском луны?

Полковник так сильно сжал зубы, что челюсти обозначились под кожей... Вдруг им овладело недомогание. Он наклонился вперед. Его крепкая рука отодвинула стекло кабины. Остолбенев, Феллоуэлл и радист с немым вопросом глядели на начальника. Порыв ледяного воздуха ворвался в пилотскую кабину, с воем сорвал кислородную маску летчика и с силой отбросил назад его голову. Рев моторов несколько секунд затоплял все, потом полковник закрыл окно. Тишина вернулась в кабину. Когда летчик снова надел кислородную маску, две большие капли пота текли по его вискам, несмотря на холод.

Феллоуэлл и радист смущенно отвели глаза, ничего не сказав.

В те несколько секунд, когда он впустил ночь в свой самолет, Хеймз увидел луну еще ближе. Она была той самой — пятнадцать лет тому назад она бесстрастно присутствовала при убийстве его близких. Это было трагическое откровение. Первый раз в жизни Хеймза охватил страх. Ему вдруг вспомнился стих из библии, который он столько раз читал в детстве: «Не слушайте голоса людей, бойтесь знаков в небе...»

— Хотите, я поуправляю немного? — предложил Феллоуэлл.

Полковник согласился, не отвечая. Потом он обхватил руками голову.

Полковник Хеймз был химиком до того, как стал летчиком. Авиация увлекала его тогда, как спорт,— он занимался ею по воскресеньям. Всю же неделю он просиживал в лаборатории над ретортами алхимика с изогнутыми трубками, над пузатыми колбами, под которыми шипело голубое пламя. Он наблюдал, как движется жидкость перед началом кипения, как пары, сразу начинающие конденсироваться в капли, стекают в охладительные змеевики. Однажды к нему назначили помощницу. Ее звали Сольвейг. Было весеннее утро, она пришла с непокрытой головой. Хеймз показал ей, как смешивать каустическую соду с бурой. Несколькими днями позже, когда он ей объяснял, почему перекись азота никогда не будет соединяться с дифениламиноазобензолом, он вдруг наклонился и поцеловал ее.

Тремя неделями позже мэр Пирл-Харбора повенчал их на счастье и на горе. Молодая чета наняла маленькую виллу, стоявшую на горе над великолепным рейдом Пирл-Харбора. Они прожили прекрасные дни среди отдаленного гула океанских волн, разбивающихся о камни. Меньше чем через год Сольвейг произвела на свет очаровательную маленькую девочку, которую назвали Дженнифер, Дженни. Годы текли, полные неизъяснимого счастья для супружеской пары. Хеймз стал директором того завода, на котором работал.

На Пирл-Харборе строилась большая морская база для американского флота; благополучная жизнь, казалось, была обеспечена надолго.

Шестого декабря 1941 года Хеймза вызвали в Вашингтон на заседание правления фирмы. Он сел в самолет, направлявшийся в Америку. Перед отлетом ему пришлось сказать Дженни — она умела добиваться всего, чего хотела,— что он купит ей целую коллекцию игрушек по списку, составленному ею собственноручно. Прибыв в Вашингтон, он так долго бегал по магазинам со списком в руках, что даже опоздал на заседание, для которого приехал. Два дня спустя он снова садился в самолет, направлявшийся в Пирл-Харбор, и в руках у него была груда разноцветных пакетов.

Самолет опустился на посадочную полосу, наполовину выведенную из строя. Опустошение и смерть царили вокруг. Без объявления войны налетели японские самолеты, сбросили бомбы на портовые сооружения и на несчастный город. Пирл-Харбор был уничтожен.

Обезумев от горя, объятый смертельным ужасом, Хеймз носился по городу в поисках жены и дочери. В опустошенном городе люди взмахами лопат стирали следы злодейства — воронки от взрывов, пятна свежей крови. Большие военные бульдозеры убирали тысячи бесформенных обломков, покрывавших улицы: куски дерева, раньше бывшие мебелью, испачканную одежду, остатки продуктов, маленькие куски еще окровавленного человеческого мяса, камни, покрытые свернувшейся кровью, иногда отвратительную белую кашу, в которую превращаются раздавленные мозги.

Мертвых — китайцев, филиппинцев и белых — перенесли в полуразрушенную бомбами церковь Вознесения и положили рядами на холодных плитах. Там, под теплым одеялом, наброшенным чьей-то благочестивой рукой, химик нашел своих. Странными, такими ясными, такими веселыми глазами, так хорошо отражавшими ее простую душу, глядела Сольвейг, она словно еще улыбалась, как делала это всегда. Она была мертва. Маленькое тело Дженни, лежавшее около нее, было, по-видимому, извлечено из развалин: вся левая половина была разбита, раздавлена, разорвана. Свечи стояли у ног погибших. Их желтое пламя не умиротворяло. Свеча горит столько, сколько позволяет ее длина, воздух и то, что она должна освещать...

И когда Хеймза насильно вывели из церкви, его мысли были уже по ту сторону страданий, по ту сторону смерти.

В небе, красноватом от еще горящих в порту военных кораблей, гигантская луна глядела на вечное заблуждение людей.

Как мог Хеймз пережить свое горе? Но это ему удалось. Он даже стал героем.

Полковник вздрогнул на своем кожаном сиденье. Он отнял руки от лица. Теперь на нем было выражение отчаянной решимости.

— Нет,— сказал он громко.— Это больше не должно повториться!

Он подумал о списке игрушек, о своей маленькой замученной дочери и... о чемодане, который он вез в свою страну.

Полковник снова взял управление самолетом.

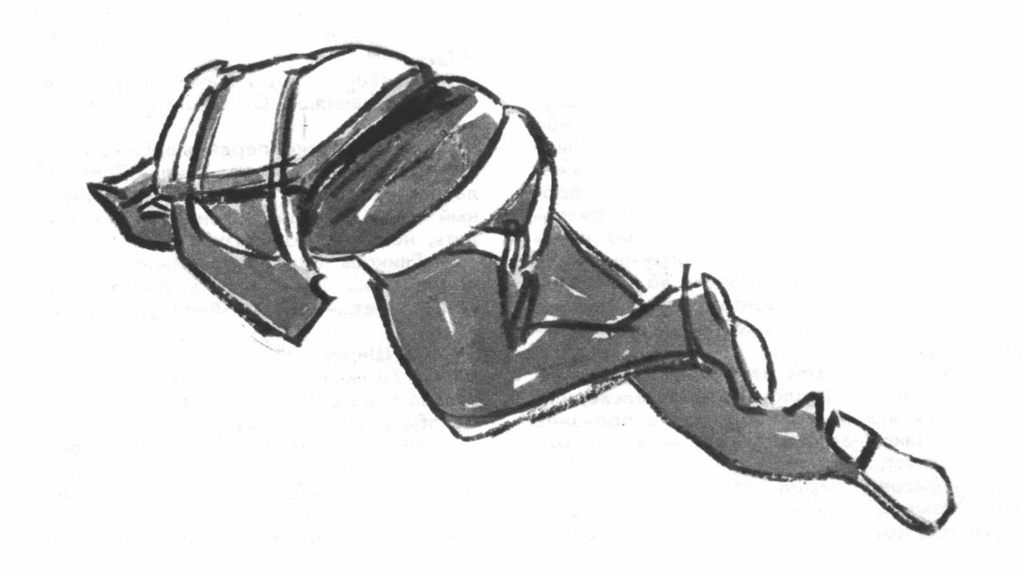
— Нью-Йорк через тридцать минут...— сказал Феллоуэлл в микрофон. В его голосе не было никакого энтузиазма, он просто исполнял свою обязанность.

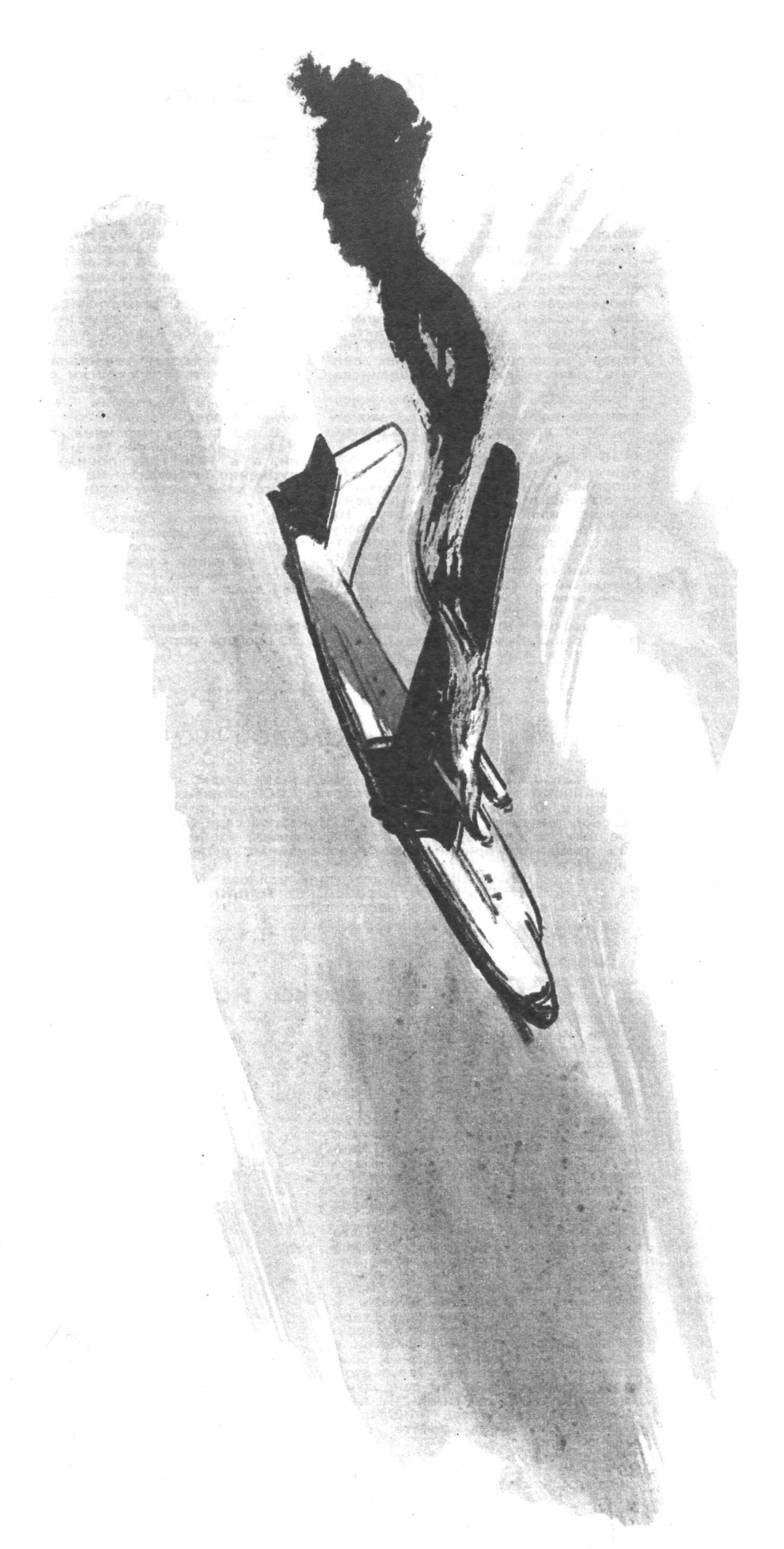
В кабине никто не ответил ему.

Глаза полковника были устремлены куда-то далеко за горизонт, он управлял самолетом механически, с той подсознательной уверенностью, которая дается постоянным повторением некоторого числа действий, всегда одних и тех же. В первый раз после гибели его близких какое-то спокойствие снизошло на его сердце. Через полчаса, когда он скажет о своем решении обоим спутникам, он не ослабеет. Нет, он не поддастся слабости: его решение касается только его одного. Он один изменит Звезде, символу этой страны, своей страны, которую он так любил и за которую он сражался до сих пор.

Возможно, он изменил ей уже в минуту отлета из Парижа. Случай взвалил на него всю тяжесть ответственности. Ответственности перед собственной совестью. Ответственности перед всеми Сольвейг, всеми Дженни мира. Да, всего мира...

Американский берег, еще далекий, показался перед выпуклой кабиной.

Статуя Свободы казалась мрачной, она привычно возносила свой потухший факел в равномерно серое небо.

— Слушайте меня хорошенько, Фелл, и ты, Карл, тоже... Я хочу говорить с вами...— начал полковник Хеймз в микрофон.— Через одиннадцать минут я буду над Идлфилдом. У вас хватит времени надеть парашюты и приготовиться. Я спущусь на подходящую высоту и уменьшу скорость. Вы прыгнете по моему сигналу. Поняли?

Оба, онемев от удивления, не произнесли ни слова. Феллоуэлл впился глазами в своего начальника, словно никогда до сих пор не видал его. Феллоуэлл разгадал намерение Хеймза. Он на несколько секунд закрыл глаза, и когда снова открыл их, в них стояли слезы. Влажные руки радиста с короткими тупыми пальцами растерянно дрожали на алюминиевой панели.

— Я остаюсь с тобой, Рев...— сказал Феллоуэлл тихо.

Полковнику понадобилась вся сила воли, чтобы не повернуть головы к своему неразлучному спутнику.

— Нет, Фелл... Это приказ... Я один отвечаю. Я приказываю тебе!

Вместо ответа штурман положил свою руку в перчатке на руку полковника.

— Я остаюсь с тобой,— повторил он и обернулся: радист, почти потеряв рассудок, возился с надутым мешком своего парашюта, тщетно пытаясь надеть его на плечи. Феллоуэлл медленно поднялся.

— Я тебе помогу, малыш...

«Дженни» летела теперь над американской землей. Когда Феллоуэлл открыл эвакуационный люк, самолет дрогнул: ледяной ветер ворвался в его брюхо. Ширер отшатнулся от зияющей дыры.

— Не бойся, малыш... Ни о чем не думай одну — две секунды... Вот увидишь,— сказал штурман, отечески похлопывая по худому плечу парня.

Ширер уже жалел, что поддался чувству: ведь это было похоже на бегство. Ему казалось, что он делает подлость. В голове его мелькнуло, что он никогда не станет достойным имени авиатора и никогда не будет похож на Бака Денни. Никогда не будет он обладать этой высокой совестью, этой храбростью без фраз, этим благородством сердца, всеми этими рыцарскими чертами, которые присущи его герою, выбранному им как образец.

Красная лампочка зажглась над его головой.

— Пошел! — крикнул Феллоуэлл и подтолкнул радиста, уже схваченного пустотой.

— Мама!..— завопил Карл еще раз.

Он звал то, чего не имел никогда. Почти потеряв сознание, он дернул, как его учили, за кольцо своего парашюта. Парашют не раскрылся. Но два человека на борту «Дженни», которая уже накренилась на левое крыло, разворачиваясь в сторону океана, не видели этой смерти.

«Дженни» теряла высоту, снижаясь к океану. Ничто больше не разделяло этих двух людей, двух друзей. Близкая смерть сделала их братьями, единомышленниками. Свободной рукой полковник медленно перекрестился. Его глаза выражали в эту минуту столько любви, столько веры, что атеист Феллоуэлл был потрясен до глубины сердца. «Нет,— подумал он,— этот человек не изменник, и то, что он совершит, не будет самоубийством.— Одно мгновение он подыскивал слово.— Это будет дар!»

— Я хотел бы верить, как ты... Рев,— сказал он вслух, удивляясь собственным словам.

— Дай руку...— взволнованно ответил Хеймз.

— Прости меня, боже, за то, что я распоряжаюсь своей жизнью...— произнес он, склонив голову.— Прости, что бегу от своих несчастий, нарушая твои законы... Мои намерения чисты. Прими меня к себе по великой милости твоей, к моим близким...

Губы Феллоуэлла сами собой повторили слова молитвы.

— Прости меня, боже...

Как хотелось ему, чтобы в эту минуту в кабине зазвучала какая-нибудь нежная мелодия! Потом он стал думать о Китти, своей жене...

Любила ли она его? Он не знал. Он и не хотел больше знать. Ему было хорошо оттого, что он может все позабыть, от всего отделиться, остаться наедине с собой, как это было всегда, познать это скольжение в пустоту, это приближение смерти, которое растворяло его мысли и делало невесомым его тело.

Самолет шел над зоной больших глубин. Там будут бесполезны всякие поиски.

— Время, Фелл! — сказал полковник.

Он подал бензин в аварийный мотор и запустил его на максимальную мощность. Мотор внезапно завертелся, и тут же огромный сноп огня осветил кабину. Через две минуты разрезанное крыло отпадет и самолет начнет разваливаться.

— Ты должен знать... Самолет... Дженни...— сказал Хеймз едва слышным голосом.— Это была моя маленькая дочка... Я ее очень любил...

И Феллоуэлл понял теперь, почему не хотел полковник выдать свой трагический секрет. Он подумал, что если бы у него самого была дочь, он выпрыгнул бы вместе с радистом... Чудный образ Китти вырисовался на мгновение на облаке, сквозь которое падал самолет.

В разрыве тусклых облаков появилась луна. На мертвой планете, такой близкой и так невероятно далекой, перепуганные подобия людей на мгновение остановили свой бессмысленный бег.

Перевел с французского

Л. ВАСИЛЕВСКИЙ.

БОЛЬШЕ ФРУКТОВ СОВЕТСКИМ ЛЮДЯМ!

Соревнование садоводов

на премии и дипломы

«ОГОНЬКА»

В редакционной почте заметно прибавилось писем. «Виновники» этого — садоводы. Они дружно откликнулись на соревнование, объявленное журналом «Огонек» и Министерством сельского хозяйства СССР.

Сообщения идут с Волги и Дона, Донбасса и Подмосковья, с Дальнего Востока...

Из селения Ходжал-Махи, где расположен колхоз имени Сталина, пишут: «В минувшем году мы получили очень хороший урожай фруктов и посадили 15 гектаров нового сада. Сейчас сажаем новый сад на площади более 30 гектаров. Приобрели 8 000 саженцев».

Председатель колхоза «Победа», Харцызского района, Сталинской области, тов. Велицкий сообщает: «Берем обязательство посадить плодовый сад на площади 38 гектаров, добиться хорошего прироста и 95 процентов приживаемости».

Агроном сада зерносовхоза имени Вильямса, Ростовской области, С. Мазуров прислал социалистическое обязательство работников сада: посадить не менее 30 гектаров сада.

Есть в письмах и критические замечания: нужно больше, как можно больше саженцев; их пока еще недостаточно.

Садоводы страны энергично берутся за решение важной и благородной задачи — украсить нашу землю садами, добиться изобилия фруктов.

ДВА ПИСЬМА

Среди откликов, полученных редакцией от садоводов,— письмо из колхоза имени Котовского. Председатель правления тов. Стороженко и агроном тов. Цыбульский пишут:

«Чтя память Г. И. Котовского, который организовал наш колхоз (бывшая Бессарабская коммуна) и который очень любил сады, мы уделяем большое внимание садам. Мы ликвидировали периодичность плодоношения, расширяем садовые посадки и будем иметь 106 гектаров садов и 24 гектара виноградников. Закладываем 17 гектаров нового сада. Просим считать нас участниками соревнования».

Редакция получила и другое письмо, которое, как нам кажется, будет интересно для читателей. Вот оно:

«В конце августа 1919 года бригада Г. И. Котовского вела упорные бои с петлюровцами и белополяками. Стоял теплый день. Солнце клонилось к закату. На наблюдательном пункте на берегу Днестра, в саду опытного хозяйства, бывшем помещичьем имении, остановился штаб бригады. Петлюровцы вели сильный артиллерийский огонь. Снаряды попадали в сад, на виноградники.

Котовский прошел с нами в глубь сада. Внизу шумел Днестр. Набирая в карманы и полевую сумку сочные груши, Григорий Иванович мечтательно заговорил:

— Вот окончим войну, создадим коллективные хозяйства — коммуны, посадим вот такие сады и виноградники...

...Когда кончилась гражданская война, Котовский, будучи уже командиром 2-го кавалерийского корпуса, подписал 20 июня 1924 года документ об организации сельскохозяйственной коммуны в Ободовке, Винницкой области. Ядро коммуны составили демобилизованные бойцы бригады и местное население.

Коммуна сразу же стала широко развивать все отрасли сельского хозяйства. Был заложен и промышленный сад на площади 47 гектаров.

В 1934 году коммуна приняла Устав сельскохозяйственной артели, а в 1950 году произошло укрупнение, и колхоз имени Котовского стал самым крупным в районе.

В память о своем организаторе — легендарном герое гражданской войны — колхозники успешно развивают садоводство. Эта отрасль ежегодно дает по 500—650 тысяч рублей дохода.

П. СОБОЛЕВСКИЙ,
агроном, бывший командир для особых поручений в бригаде Г. И. Котовского».

Будет молодой сад

С большим удовлетворением мы узнали о том, что журнал «Огонек» и Министерство сельского хозяйства СССР объявили соревнование садоводов. Охотно включаемся в соревнование и берем обязательство весной текущего года посадить 35 гектаров сада вместо 25, предусмотренных по плану. Мы также позаботимся, чтобы получить не менее 95 процентов приживаемости посаженных деревьев и хороший их прирост.

КРАСНИКОВ, председатель колхоза «Ленинская правда»,
ГАВРИЛЬЧЕНКО, агроном, **СЫТЕНЬКИЙ**, бригадир-садовод.
с. Михайловка, Запорожская область.

Наш вклад — миллион саженцев

Коллектив крупнейшего в Советском Союзе плодопитомнического совхоза «Красное» единодушно решил участвовать в соревновании садоводов. Наш совхоз раскинулся среди широких просторов кубанских степей. За 33 года существования его питомники дали свыше 18 миллионов высококачественных плодовых саженцев и более 3,5 миллиона кустов роз и сирени, клубней пионов. Наши питомцы укоренились на землях Кубани и Дона, Подмосковья и Урала, на Дальнем Востоке и даже на Сахалине. Каждый день, зимой и летом, почтальон приносит в контору совхоза письма с просьбами принять заказ на посадочный материал. Спрос настолько велик и так быстро возрастает, что из года в год расширяемое производство саженцев не может его удовлетворить.

Сотни питомников существуют в Советском Союзе, но, к сожалению, не многие принимают заказы на пересылку посадочного материала по почте и железной дороге. Редкие из них занимаются изучением спроса садоводов, и поэтому питомники часто производят не то, что нужно.

В совхозе «Красное» все эти вопросы всегда на виду.

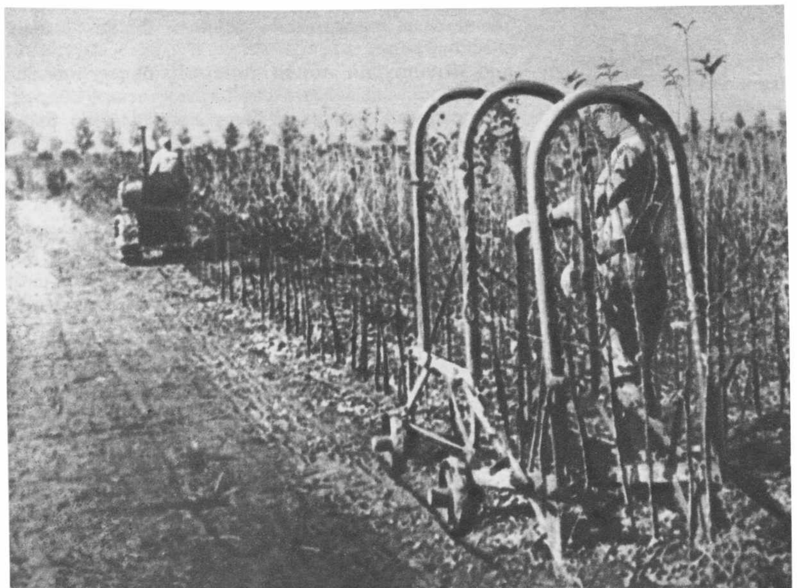
В наших питомниках выращиваются саженцы яблони, груши, сливы, вишни, черешни, абрикоса, винограда и более 200 сортов розы.

Большое внимание мы уделяем выращиванию саженцев яблони, привитых на полукарликовом подвое-дусене, на карликовом подвое-парадизке и на высокорослых подвоях кавказской и среднерусской лесной яблони. Посадочный материал груши, сливы, вишни, черешни и абрикоса прививается только на всесторонне проверенных подвоях.

В этом году поле плодового и декоративного питомников расширяется до 40 гектаров, на которых будет выращиваться около миллиона саженцев.

В. ПОЛЯНСКИЙ,
директор совхоза «Красное».

Саженцы выкапываются в совхозе специальным плугом.

След человека на земле

Отто Крамер еще бодр и работоспособен, хотя лет ему немало: несколько дней назад отпраздновал семидесятипятилетний юбилей. И почти все эти годы отданы садам.

Первым поприщем для работы были избраны Сочинская опытная станция и чайные плантации Чаквы. В зеленом наряде Сочи, Батуми, Гагры есть сотни деревьев, посаженных пятьдесят с лишним лет назад руками эстонского садовода Отто Крамера.

...В начале двадцатых годов Отто Крамер снова в Эстонии. Сперва работал в Пыльтсамаа, затем переезжает в Таллин и организует промышленное виноделие у предпринимателя Матизена. Работа у Матизена служит одной заветной мечте: Крамер покупает в рассрочку на окраине Таллина участок в 2 гектара и разводит на нем свой опытный сад. Чего-чего нет в этом саду! И фруктовые, и декоративные деревья, и ягодники, и много-много цветов. Здесь и началась сортоиспытательная работа садовода-любителя, еще в 1905 году побывавшего в Козлове у И. В. Мичурина.

Сорок девять новых сортов вывел в своем саду Отто Крамер, стараясь акклиматизировать зеленых жителей знойного Крыма в холодной Эстонии. И они живут, отлично плодоносят в Таллине, крымские яблони, груши, айва, черешни, виноград.

В 1950 году Отто Крамер передал свой разросшийся сад молодой эстонской Академии наук. Академия с радостью приняла этот дар. Теперь там работает экспериментальная база института биологии. Отто Крамер оставил себе небольшой участок, где с прежней энергией выводит все новые и новые сорта.

— Уже с давних пор моим любимым «коньком» стали карликовые подвои,— рассказывает он о своих работах.— Они незаменимы в индивидуальных и небольших садоводствах: занимают во много раз меньше места, чем обычные деревья, ветви их расположены низко у земли, следовательно, они больше защищены от ветров и плоды получают больше тепла.

Садовод Отто Крамер.
Фото С. Розенфельда.

Привитые к карликовым подвоям, переселенцы с юга, как правило, хорошо акклиматизируются, хорошо переносят зимы. «Карликовый» сад — маленькие деревья на маленькой территории — дает такой же урожай, как и большой.

Дома, за письменным столом, Отто Крамер с удовлетворением перелистывает номер «Огонька», в котором опубликованы условия соревнования садоводов.

— Это — отличное дело,— говорит старый садовод.— Я с удовольствием помог бы начинающим садоводам, особенно северянам, и советом и семенами. Человек, если возьмется, может насадить много-много садов... Сады — его след на земле.

Н. ХРАБРОВА

Мышьяк

Г. РЫКЛИН

Рисунки И. ОФФЕНГЕНДЕНА.

У автора есть одно большое преимущество перед своим героем. Он может описать его наружность, а герой (хоть он и герой!) лишен возможности сделать это по отношению к автору.

А потому воспользуюсь данной мне привилегией и коротко коснусь внешности главного действующего лица этого рассказа.

У Николая Самсоновича Гурьева открытое, весьма привлекательное лицо: высокий лоб, умеренный нос, хорошо выбритые щеки, не потерявшие способности краснеть, спокойный, знающий свое место подбородок и небольшой рот, который не привык к тому, чтоб его прополаскивали алкоголем.

О глазах затрудняюсь сказать что-нибудь определенное: Николай Самсонович носит большие очки, а об очках очень затруднительно выразиться, что они карие, серые или черные с поволокой.

Да, да, это тот самый Гурьев, который вам хорошо знаком по его статьям о театре...

Рано утром Гурьева разбудил настойчивый телефонный звонок.

— Николай Самсонович, пламенный привет! Вас беспокоят из театра. Говорит худрук Цветовский. Здравствуйте, дорогой, здравствуйте! Как жизнь молодая? Здоровье? Очень рад, очень рад. Так вот какое дело... Послезавтра у нас премьера. Комедия Шестилетова «Любовь зла, полюбишь и козла». Конечно, это не Мольер. Но мы сделали из пьесы конфетку. Кроме всего прочего, мы добавили производственный момент, гонение за критику и так далее. Вам сколько билетов прислать? Два, четыре, шесть? Да вы не стесняйтесь. Ну, пока. Крепко жму. А уж вы нас не жмите. Ха-ха. Ждем вас. Раздеваться можете у меня.

В тот же день позвонила артистка Полурумянцева.

— Здравствуйте, милый Николай Семеныч!

— Самсоныч.

— Я так и думала. Милый Николай Самсоныч! Послезавтра у нас премьера. Вы, конечно, будете? Хотелось бы выслушать ваше просвещенное мнение. В комедии Семилетова...

— Шестилетова.

— Я так и думала. Так вот в его комедии «Любовь зла, полюбишь и козла» я играю заглавную роль.

— То есть?

— Юную девушку, охваченную страстью. О такой роли я уже мечтаю лет тридцать. Девушку так и зовут — Люба. Обязательно приходите, мы все вас ждем. Как поется в одной песенке: «Мы вас подождем даже под дождем». Каламбур, достойный кисти Айвазовского, не правда ли? Итак, мы вас ждем. Раздеваться можете у меня.

Вечером позвонил артист Сак-Сафонов:

— Я очень извиняюсь, уважаемый Николай Самсоныч. Но считаю своим долгом высказаться. Нахожусь под свежим впечатлением. На прошлой неделе прочитал вашу статью о весеннем репертуаре. Здорово подмечено. Глубоко. Остроумно. Большое знание материала. И коротко. Я тоже буду короток. Послезавтра у нас премьера «Любовь зла, полюбишь и козла». Я играю заглавную роль.

— Заглавную?

— Вот именно. Исполняю роль козла. Этакого старого козла, который влюбляется в юную девицу. Характерная роль. Очень трудная. Все время надо трясти бородой. Но я нашел нужные краски. В пьесе козел бледен, а у меня он ожил, заиграл. Этот старичок у меня прихрамывает— актерская находка! Это тем более удачно, что я на днях вывихнул ногу. Приходите посмотреть. И критикуйте, критикуйте, не щадя актерского самолюбия. Будьте здоровы, дорогой Николай Самсонович! Ждем вас. Раздеваться можете у меня.

Ночь прошла спокойно. Днем позвонил администратор театра и осведомился, куда прислать билеты.

— Вы будете писать о спектакле? — спросил администратор.— Это замечательно. Вы же старый друг нашего театра. Приходите, приходите. Раздеваться можете у меня.

Больше звонков не было.

А поутру началось! Звонил директор театра Голубушкин, предлагал машину. Звонил худрук Цветовский, справлялся о здоровье и просил после спектакля задержаться в театре. («Потолкуем, обсудим, выслушаем ваши критические замечания».) Звонил администратор: «Мы вас посадим в директорскую ложу». Звонил шофер дирекции: «Куда и когда подавать машину?»

Не звонил один лишь автор: он болел. И болел он не за пьесу, не за спектакль, а самым настоящим образом: у него уже третий день страшно ныл зуб мудрости.

Наступил вечер. Уважаемого критика встретили, жали руку, улыбались, посадили в ложу, окружили вниманием. С ним рядом сидели директор, заместитель, худрук, завлит.

Но что случилось? Уже во время второго действия исчезла улыбка с лица директора, а вслед за ней исчез и сам директор. Тихонечко вышел из ложи худрук. Затем бочком-бочком выплыли оттуда и заместитель и завлит.

Гурьев остался один. И даже в антракте никто к нему не подошел, никто не сказал ни слова.

Кончился спектакль. Гурьев решил зайти в кабинет директора, но дверь была заперта. Он справился о худруке; ему сказали, что Цветовский куда-то ушел и больше сегодня в театре не появится. Администратор сделал вид, что и не видит Гурьева.

Николай Самсонович узнал, что его пальто было из кабинета директора выдворено в общий гардероб. Там уже никого из зрителей не было. В углу усатый пожарный беседовал с уборщицей:

— Переполох, значит, полный. Пригласили, значит, критика, а он оказался без понятия. Фамилия ему не то Мурьев, не то Дурьев.

— А я слыхала, Сак-Сафонов кому-то говорил, что критик пожаловал в театр пьяный в доску, все время икал и дергался.

Гурьев постарался поскорее исчезнуть.

Что случилось? В чем дело? Он ничего не понимал.

На другой день Николай Самсонович сел писать статью о спектакле «Любовь зла, полюбишь и козла». Первый абзац выглядел так:

«С удовлетворением надо отметить, что совместными силами драматурга и театра создан хороший, острый комедийный спектакль. Уже в первом явлении мы видим, что...»

Зазвонил телефон.

— Алло! Говорит драматург Шестилетов. Здравствуйте, Николай Самсоныч. Да, Шестилетов, злополучный автор комедии о злой любви и старом легкомысленном козле.

— Почему злополучный, а не благополучный?

— Кое-что слыхал. Видите ли, я не мог быть на премьере. Положили мне в дупло зуба мышьяк, и я...

— Что положили?

— Мышьяк! И я прямо лез на стенку.

— Какое совпадение! Мне тоже положили мышьяк.

— Мне сказали в театре, что вам спектакль не понравился. Вы все время морщились. Они даже все обиделись на вас. А мне очень важно знать ваши замечания, как бы резки они ни были.

— Вот пишу рецензию о спектакле. Положительную рецензию. Ничего резкого.

— А они говорят, что вы морщились.

— Правильно, и морщился и дергался. Мышьяк давал себя знать. Мышьяк!

Большой баскетбол

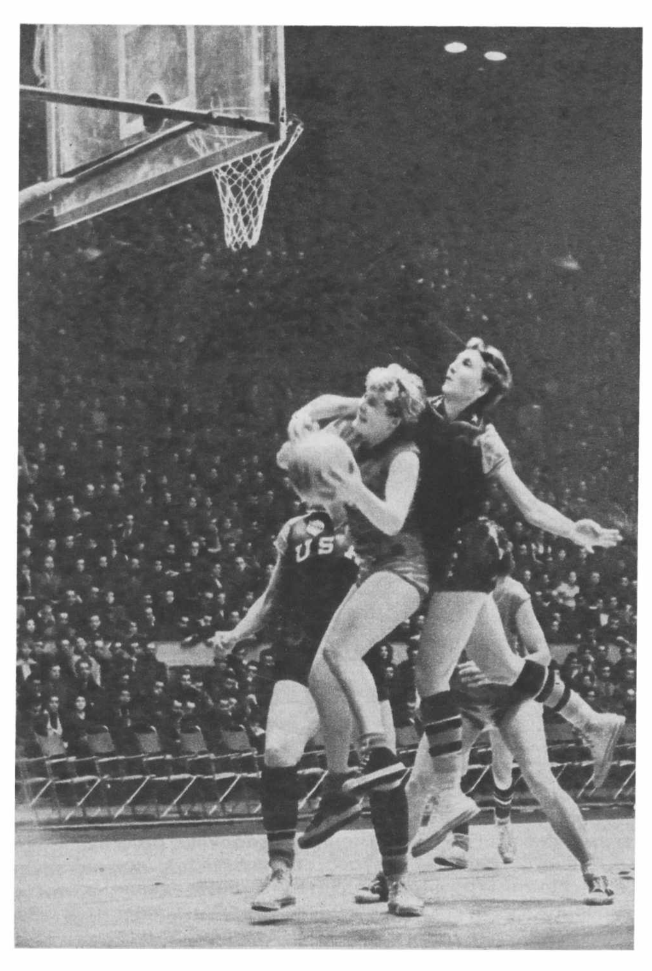
Достоверно установлено, что у баскетбольного зрителя очень странный характер. Он не жалеет ладоней, когда игрок из самого неудобного положения все же бросает мяч и попадает в корзину. В таком случае зритель — олицетворение добродушия и приветливости. Но буквально через секунду тот же самый зритель превращается в строжайшего обвинителя, не знающего пощады, стоит только игроку промахнуться в выгодный для атаки момент.

Сотни раз бросались из одной крайности в другую переполненные трибуны Дворца спорта в Лужниках во время игры сборных команд Советского Союза и Соединенных Штатов Америки.

По два раза встретились на площадке женские и мужские команды. Наши баскетболистки дважды выиграли — 61 : 46 и 48 : 41, а мужчины проиграли — 68 : 74 и 68 : 81. И аплодисменты зрителей распределились между командами в такой же точно пропорции. Баскетболисты США еще раз подтвердили, что они недаром носят титул чемпионов мира, а советская женская сборная взяла убедительный реванш за прошлогоднее поражение на первенстве мира в Рио-де-Жанейро.

Но каков бы ни был результат, эти встречи оказались товарищескими в подлинном смысле этого слова. И аплодисменты, гремевшие во Дворце спорта, слились с громом оваций, которыми ньюйоркцы наградили артистов Государственного ансамбля народного танца СССР, а москвичи — американских музыкантов — участников конкурса имени П. И. Чайковского.

О. ШМЕЛЕВ

Под щитом американской команды.
Фото А. Бочинина.

СКАЗКА ПРО СТАЛЬ И ЧУГУН

Пролилась огневой струей из жаркой печи горячая Сталь. Засверкала золотыми звездами, остыла дорогими слитками и зазналась. Перед серым Чугуном так стала себя выхвалять, что тот чуть не изоржавел со стыда.

— Я,— говорит Сталь,— нержавеющая, нетемнеющая, хитро сваренная. Как алмаз, крепка, как змея, гибка. Закалюсь — не откалюсь. Пилить, сверлить, резать — все могу, на все пригодна. Хочешь — булатом стану, хочешь — иглой. Мостом лягу. Рельсами побегу. Машиной заработаю. Пружиной совьюсь. А ты что, Чугун? На сковородки да утюги только и годен. Ну да разве еще на станины второсортные да на шестерни молотильные! Не ковок, не ловок, хрупок, как лед. Немодный металл.

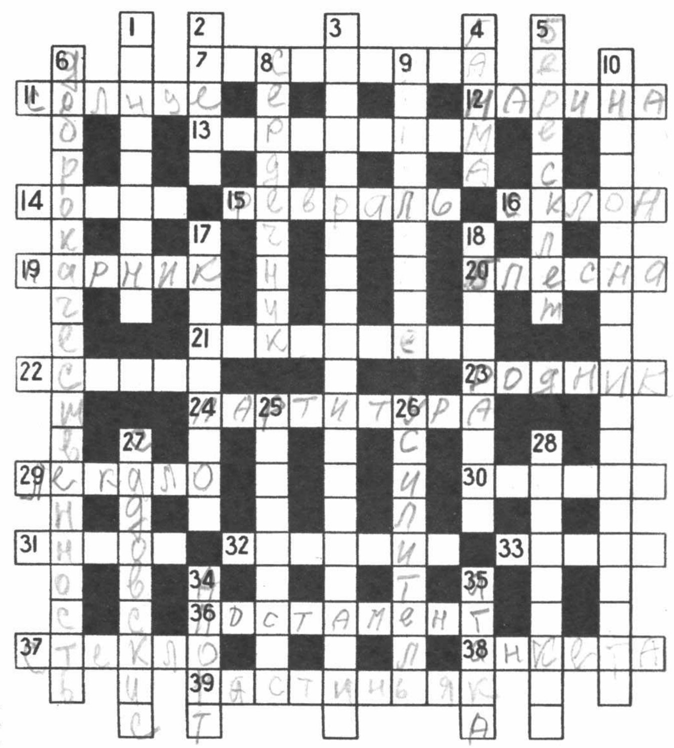
Говорит так Сталь, на весь цех себя славит. И самолетом-то она полетит, и кораблем-то поплывет, и чем только, чем она не станет. Даже перо писчее не забыла. Часовую стрелку, и ту не пропустила. Все перебрала. Столько наговорила про себя, что в семи коробах не свезти. Но ничего лишнего не прибавила. Была в ее стальном звоне правда.

Конечно, Чугуну далеко до Стали. Только об одном ей забывать не надо бы... О том, что Чугуну она родной дочерью доводится... Что она ему своей жизнью обязана...

Ну, а в остальном все правильно, если, конечно, совесть во внимание не принимать.

Евг. ПЕРМЯК

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Разъединение металлических конструкций. 11. Небесное светило. 12. Пейзаж с изображением моря. 13. Острая форма переживания. 14. Английский ученый XVII века. 15. Месяц. 16. Наклонная поверхность. 19. Род теплицы. 20. Искусственная приманка. 21. Прибор для определения плотности молока. 22. Город в Липецкой области. 23. Источник, ключ. 24. Нотная запись музыкальных произведений. 29. Фигурная линейка. 30. Приток Дона. 31. Отрицательно заряженная частица. 32. Персонаж комедии В. Шекспира «Двенадцатая ночь». 33. Антилопа, распространенная в Индии. 36. Пьедестал. 37. Прозрачное вещество. 38. Опросный лист. 39. Герой романов О. Бальзака.

По вертикали:

1. Плавная, певучая мелодия. 2. Конструкция, применяемая при горных работах. 3. Способ разведки полезных ископаемых. 4. Буква греческого алфавита. 5. Кустарник, сырье для производства гуттаперчи. 6. Хорошее качество. 8. Часть электромагнита. 9. Поговорка. 10. Выразительность, содержащая намек. 17. Деятель искусства. 18. Кажущееся смещение звезд. 25. Приспособление для механической перегрузки рыбы. 26. Устройство для увеличения напряжения. 27. Семья русских актеров. 28. Русский полководец XVII века. 34. Сорт яблок. 35. Стремительное наступление.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 18

По горизонтали:

1. Янка. 3. Опус. 9. Клюква. 10. Аполог. 12. Рожок. 14. Ключ. 15. Чары. 16. Косметика. 17. Юноша. 19. Кукла. 21. «Ливенка». 22. Широта. 23. Грация. 24. Привет. 26. Зонтик. 27. Улита. 28. «Обоз». 29. Дуэт. 30. Трек. 31. Реал.

По вертикали:

1. «Яблочко». 2. Кукушка. 4. Простак. 5. Сморчок. 6. Парусник. 7. Можжевельник. 8. «Максимка». 11. Иллюзия. 13. Аркадия. 18. Шутливость. 20. Укротитель. 25. Тузик. 26. Задор.

Литературный жетон

Бронзовый овальный жетон был найден в селе Широком, Днепропетровской области, сыном читателя «Огонька» П. Д. Слюсаренко. На нем изображены два писателя — А. С. Грибоедов и Ф. М. Достоевский. Указаний, по какому поводу выпущен жетон, не имеется. Даты рождения и смерти писателей никак не совпадали, разница между ними не составляла круглой цифры.

Жетон оказался малоизвестным. О нем ничего не могли сообщить нумизматы, к которым мы обращались; не располагали какими-либо сведениями и литературные музеи.

Судя по характеру изображений и начертанию фамилий писателей, оставалось предположить, что жетон мог быть выпущен как памятный в серии русских писателей XIX века, в связи с окончанием столетия, то есть в 1900 или 1901 году.

Предположение оказалось близким к действительности. Старший научный сотрудник отдела нумизматики Государственного Эрмитажа в Ленинграде Е. С. Щукина сообщила следующее:

— Жетон — один из образцов многочисленной продукции частных фирм, занимавшихся в конце XIX — начале XX века изготовлением сувенирных значков и жетонов для свободной продажи. В Москве одной из таких была фирма Кучкина. Портреты русских писателей часто встречаются на подобных жетонах. В собрании Эрмитажа имеются жетоны с портретами А. П. Чехова, Л. Н. Толстого и других.

С согласия П. Д. Слюсаренко и по просьбе музеев находка его сына передана музею-квартире Ф. М. Достоевского, а фото жетона—Музею Пушкинского Дома.

Б. АЛЕКСЕЕВ

СПАСИБО!

В связи с 35-летием «Огонька» редакция нашего журнала получила поздравления от коллективов редакций газет, журналов, писателей, читателей.

Редакционная коллегия и коллектив редакции журнала Огонек» горячо благодарят всех приславших свои поздравления и обещают выполнить пожелания, высказанные в этих поздравлениях.

Спасибо, дорогие товарищи!

На вкладках этого номера репродукции картин В. Мешкова «К весне», «Кемь», «Ранний снег», Е. Зайцева «Константин Заслонов», П. Бучкина «А. М. Горький и Ф. И. Шаляпин», иллюстрации О. Верейского к поэме А. Твардовского «Дом у дороги», зарисовки В. Богаткина «По Германской Демократической Республике».

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление И. Уразова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 03532. Подписано к печати 1/V 1958 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 1 400 000. Изд. № 434. Заказ № 986.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Скульптура Е. В. Вучетича. ПЕРЕКУЕМ МЕЧИ НА ОРАЛА.

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 40-летию Октября.

Цена номера 3 руб.

